

**Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Образовательного учреждения профсоюзов
высшего профессионального образования
«Академия труда и социальных отношений»**

М.А. БЕЛЯЕВ

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СЕПАРАТИСТСКИХ УГРОЗ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Уфа 2014

УДК 321
ББК 66.0
Б43

Рецензенты:

Г.А. Колобова, доктор политических наук, кандидат юридических наук;
А.Г. Макарян, кандидат социологических наук

Беляев, М.А.

Б43 Институционализация сепаратистских угроз на постсоветском пространстве: политическая теория и практика: монография / М.А. Беляев; БИСТ (филиал) ОУП ВПО «АТиСО». — Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2014. — 140 с.

ISBN 978-5-904354-41-1

В монографии на основе анализа понятийно-содержательного аппарата политической теории, отечественного и зарубежного опыта обеспечения территориальной целостности государств исследуются сепаратистские угрозы в условиях глобализации, а также предлагаются перспективные пути их преодоления.

В основу рассмотрения проблемы положена методология системно-комплексного целостного научного исследования. Видное место в работе занимает сравнительный анализ основных категорий национального единения государств, а также исследование векторов институционализации центробежных тенденций в мире на примере постсоветского пространства.

Научный труд представляет интерес для профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, научных работников, докторантов и аспирантов, а также студентов, интересующихся проблемами национальной и территориальной целостности и безопасности.

УДК 321
ББК 66.0

ISBN 978-5-904354-41-1

© Беляев М.А., 2014

© Оформление. БИСТ (филиал) ОУП ВПО «АТиСО», 2014

Оглавление

Содержание	3
Введение	5
Глава 1	
Теоретико-методологические основы исследования сепаратизма в политологическом измерении.	9
1.1. Сепаратизм как политологическая категория.	9
1.2. Социально-политические условия и детерминанты институционализации сепаратизма	27
Глава II	
Этнорегиональные сценарии сепаратистских тенденций на постсоветском пространстве	51
2.1. Приднестровский кризис и сепаратизм в Республике Молдова	51
2.2. Этнорегиональные особенности крымского сепаратизма на Украине.....	67
Глава III	
Нейтрализация и локализация сепаратистских угроз в российских регионах.	86
3.1. Тенденции, перспективы и противоречия преодоления сепаратистских угроз в постсоветской России	86

3.2. Дорожная карта сепаратистских угроз в современной России и пути их медиативной нейтрализации	107
Заключение	136

Введение

В начале XXI века центробежные и центростремительные тенденции в современном политическом процессе, выраженные в региональной локализации и интеграции, придали проблемам территориальной целостности национальных государств новое звучание. Сепаратистские движения в Венеции, Шотландии, Гагаузии, восточной Украине выступают импульсами к обретению регионами политической суверенности и являются яркими примерами национального развития современных государств. Институционализация сепаратизма сегодня стала проблемой номер один для многих стран, «чумой распада»¹ и получила название «эпохи сецессий»².

Сепаратистские угрозы в современной мире приобрели разноплановый и разновекторный характер, стимулируя усилия научного сообщества по выработке оптимальных моделей обеспечения территориальной целостности государств.

Следует отметить, что сепаратистские тенденции предполагают, как правило, острые и конфликтные противоречия в обществе, которые ведут к кардинальным институциональным трансформациям и политическим последствиям. Именно поэтому большинство государств и их конституции не признают сепаратистские движения, более того, нередко последние даже подавляются силовыми методами.

Сложность исследования сепаратизма заключается в том, что сам политический феномен достаточно трудно поддается однозначной интерпретации. С одной стороны, сама вероятность сепаратиз-

¹ Rinke A. Die pest des zerfalls // Handelsblatt. 28.08.2008. № 167. S. 1.

² Buchanan A. Self-determination, secession, and the rule of law // The morality of nationalism / Ed. by R. McKim, J. McMahan. Oxford, 1997. P. 301.

ма может быть рассмотрена как угроза целостности государственного строя, дестабилизатор политических процессов в рамках целого региона. С другой стороны, сепаратизм рассматривается как способ реализации права народов на самоопределение, которое является демократической нормой. Отсюда неизбежен вывод: противоречие принципа территориальной целостности государства и права народов на самоопределение — сложная дилемма, которая требует своего научного решения.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что сепаратистские тенденции корректируют и трансформируют субъектные составы современных государств. Так, политический кризис на Украине и антирусская политика самоназавшейся украинской власти спровоцировали институционализацию сепаратистских угроз в ее восточной части. И как результат — 16 мая 2014 г. референдум определил судьбу Автономной Республики Крым и Севастополя, которые вошли в состав России как новые субъекты Федерации.

18 марта 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил в Кремле перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России и представителями гражданского общества по результатам крымского референдума. «Понимаю крымчан, которые поставили вопрос на референдуме предельно прямо и четко: быть Крыму либо с Украиной, либо с Россией. И можно с уверенностью сказать, что руководство Крыма и Севастополя, депутаты законодательных органов власти, формулируя вопрос референдума, поднялись над групповыми и политическими интересами и руководствовались, во главу угла поставили исключительно коренные интересы людей. Любой другой вариант плебисцита, каким бы привлекательным он ни казался на первый взгляд, в силу исторических, демографических, политических и экономических особенностей этой территории был бы промежуточным, временным и зыбким, неизбежно привел бы к дальнейшему обострению ситуации вокруг Крыма и самым пагубным образом отразился бы на жизни людей. Крымчане поставили вопрос жестко, бескомпромиссно, без всяких полутонов. Референдум был проведен открыто и честно, и люди в Крыму ясно, убедительно выразили свою волю: они хотят быть с Россией»¹, — отметил В.В. Путин.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>

21 марта 2014 г. Президент России подписал Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»¹.

Сепаратистские угрозы в российской науке исследуются в своем большинстве как феномены, вызванные геополитическими, природно-географическими, этническими, культурными вызовами современности. При этом упускаются собственно сами территориально-политические детерминанты и катализаторы сепаратизма. В связи с этим в данной работе делается особый акцент на том, что сепаратизм необходимо рассматривать прежде всего как территориально-политический процесс, трансформирующий субъектный состав национальных государств и обусловленный рядом объективных и субъективных факторов.

Обращает на себя внимание и то, что основными методами борьбы с сепаратистскими угрозами в современной политической практике остаются силовые методы и политико-правовые конструкции укрепления центральной власти. При этом почти не рассматриваются методы децентрализации власти — как ответ на сепаратистскую угрозу в стране. Вместе с тем, процесс децентрализации может оказаться эффективным для сохранения целостности страны. Свидетельство этому — последние события на Украине, где целостность страны может быть сохранена посредством всеобщей федерализации (переходом от унитарной к федеративной модели территориального устройства).

Использование же авторитарных методов в разрешении сепаратистских конфликтов без применения демократических контраргументов и научного политологического прогноза, по нашему мнению, обостряет разжигание очагов (центров) сепаратизма в регионах. Современный сепаратизм гипертрансформируется в современных политических условиях и приобретает новые политические характеристики (внутриэлитный сепаратизм, оппозиционный сепаратизм, интеллектуальный сепаратизм, паритетный сепаратизм).

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20625>

Не случайно политологическое прогнозирование и выявление дорожных маршрутов институционализации сепаратизма приобретает для России особое стратегически выверенное значение.

В настоящее время, как показал анализ научной литературы, наблюдается явный дефицит работ, исследующих сепаратистские тенденции вкупе с федеративными трансформациями в стране. Для Российской Федерации раскрытие данного аспекта особенно актуально в силу модификации ее субъектного состава и образования новых регионов (Республика Крым, Севастополь) и федеральных округов (Крымский федеральный округ). И потому представляется вполне оправданным повышенный интерес к поиску теоретических концепций, объясняющих сущность и причины сепаратизма как политического процесса.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕПАРАТИЗМА В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

1.1. Сепаратизм как политологическая категория

Понятие «сепаратизм» впервые было использовано в религиозной литературе и носило резко негативный характер. Согласно энциклопедическим данным этот термин использовался в XVI веке в отношении сторонников радикальных религиозных взглядов, противопоставляющих свои идеалы традиционным религиозным канонам и догматам¹. Так, Ф. Толь понимал под сепаратизмом отделение от религиозного союза, а сепаратистами называл тех, кто тайно собирается для молитвенных дел и относится к традиционному богослужению крайне негативно².

Дефиниция «сепаратизм» приобрела религиозно-политический аспект в конце XIX столетия. В. Ключников выделял двоякую сущность содержания сепаратизма: 1) отделение людей от официально принятого церковного учения; 2) территориальное отделение от государства его части³. В XX столетии сепаратизм теряет свое религиозно-этимологическое содержание и начинает употребляться исключительно в политологическом значении. Политологическая трактовка сепаратизма как движения, направленного на обретение государственным образованием автономии или абсолютной политической и иной самостоятельности, в свою очередь, породила новые дискус-

¹ Энциклопедический словарь русской библиографии института Гранат. М., 1901. С. 487.

² Толь Ф. Настольный словарь для справок. Пб., 1864. Т. 11. С. 23.

³ Ключников В. Энциклопедический всезнающий словарь. СПб, 1878. Ч. 2. С. 434.

сионные пробелы в его понимании¹, в том числе вопрос, относится ли борьба за автономии к проявлениям сепаратизма, если не нарушается при этом целостно-территориальный баланс государства.

Более спорным является разграничение понятий «сепаратизм» и «национально-освободительная борьба». Этот вопрос не решен и на сегодняшний момент. Именно поэтому военные действия Грузии в Южной Осетии до сих пор не нашли однозначного понимания в мировом сообществе. Что же это было: «сепаратизм» или «национально-освободительная борьба»?

Если обратиться к институционализации термина «сепаратизм» в истории России, то в СССР это понятие имело крайне негативное значение и рассматривалось как «продукт» капитализма. Сепаратизм есть стремление национального меньшинства достичь самостоятельности и отделиться от конкретного государства, нарушая его целостность². Хотя в советской научной литературе наряду с самим термином «сепаратизм» употреблялась и дефиниция «национально-освободительная борьба». Под национально-освободительной борьбой понималась реакция национальных меньшинств на насилие, которое использовалось по отношению к ним со стороны государства³. Однако каких-либо исчерпывающих параметров разграничения национально-освободительной борьбы от сепаратизма в СССР не было.

На сегодняшний день существуют различные трактовки термина «сепаратизм». В их числе можно назвать следующие определения: сепаратизм — это:

- тенденция территориального отделения от государства (или государственного образования) с целью суверенного и самостоятельного существования⁴;
- движение за национально-территориальное обособление и освобождение⁵;

¹ Филиппов М.М. Энциклопедический словарь. СПб.: Русский богатырь, 1901. С. 678.

² Малая советская энциклопедия / под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: Сов. энцикл. С. 214.

³ Там же. С. 101.

⁴ Володин А.В. Региональный сепаратизм: проблемы теории и практики. М.: Диалог. МГУ, 1999. С. 23

⁵ Политическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 398.

- идеологически обоснованная политика региональных элит по отделению территории от единого государственного пространства¹;
- политические действия по реформированию территориального состава страны посредством отделения от нее конкретного региона².

Интересным и полным, на наш взгляд, является определение сепаратизма, данное И.В. Бочарниковым. Сепаратизм есть феномен, отражающий идейные воззрения конкретных социально-политических сил по инаковому восприятию исторически обусловленной территориальной общности и выражающий невозможность единого территориального сосуществования в рамках одной государственности³. Действительно, субъектный аспект занимает особое положение в институциональном понимании сепаратизма.

Если рассматривать международные политико-правовые документы, трактующие сепаратизм, то хотелось бы обратить внимание на Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). В ней говорится, что под сепаратизмом следует понимать деяния, направленные на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон⁴.

Сепаратистские тенденции могут особо актуализироваться в условиях социально-экономического и политического кризиса (например, крымский сепаратизм) в стране. В то же время сепаратистские угрозы усиливаются в условиях повышения преступности в обществе, низкой эффективности управления органами государственной и местной власти, отсутствием должных правовых механизмов защиты интересов и потребностей населения го-

¹ Володин А.В. Региональный сепаратизм: Проблемы теории и практики. М.: Диалог — МГУ, 1999. С. 11.

² Введение в политологию: словарь-справочник / под ред. В.П. Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 352.

³ Бочарников И.В. Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2009. С. 113.

⁴ UR: http://russia-xxi.blogspot.ru/2013/11/blog-post_15.html

сударства. В результате все это приводит к возникновению в государстве конфликтов и противоречий, которые используются политическими элитами для разжигания сепаратистского неповиновения.

По мнению К. Тхунжитта, и мы согласны с ним, в основе сепаратистской угрозы заложен социально-политический и экономический фактор, который проявляется в следующих моментах:

- политическая борьба и конкуренция этнических элит на муниципальном, региональном и национально-государственном уровнях;
- политическая борьба и конкуренция самих этнических общностей за свое уникальное положение в рамках одной государственности;
- экономическая бедность, отсталость или неразвитость отдельных регионов в составе страны;
- ущемление прав национальных и этнических меньшинств;
- низкий уровень жизни отдельных национальных и этнических меньшинств по сравнению с другими этносами и народностями;
- социально-географическое размещение отдельных национальных и этнических общностей в полиэтническом государстве¹.

Всевозможные детерминанты, характеристики и причины сепаратизма при всем своем многообразии подчеркивают общую его цель — отделение.

Очевидно, что следует остановиться и на специфических политических чертах сепаратизма. *Во-первых, сепаратизм представляет собой политическое действие, выраженное в отделении региона от единого территориального пространства посредством сецессии или ирредентизма.*

В современной науке известны три формы политического отделения: сецессия, ирредентизм и автономизация.

Сецессия — это «отделение, выход из состава государства какой-либо его части»². Сецессия является конечной целью

¹ Тхунжитт К. Проблемы сепаратизма в современном Таиланде и некоторые направления борьбы с ними // Научный эксперт». 2008. № 7–8. С. 84–90 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.problemanalysis.ru/?p=14>

² Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. С. 383.

сецессионизма — тех сепаратистских движений, которые стремятся к созданию на базе региона независимого суверенного государства¹. Иногда сецессионизм называют не целью, а частной формой сепаратизма.

Ирредентизм — термин, восходящий к понятию «ирредента», называвшему движение в Италии в конце XIX — начале XX века за отторжение от Австро-венгерской империи провинций, исконно населенных итальянцами, и присоединение их к Италии. Ирредентизмом принято обозначать цели сепаратистских движений, связанные со стремлением «отпочковаться» от одного государства и присоединиться к другому. Сущность ирредентизма отражается во всех его определениях, например: «ирредентизм — движение национальных меньшинств на той или иной территории, направленное на воссоединение со своей этнородиной»².

Автономизация в научном сообществе трактуется не однозначно. Согласно первой позиции, автономизацию не стоит рассматривать как форму проявления сепаратизма, поскольку она не «покушается» на территориальную незыблемость государственности³. Есть и иные подходы к пониманию автономизации. Так, по мнению Д. Хоровица, однопорядковость сепаратистских и автономистских тенденций не позволяет разграничивать данные понятия. Автономизация выступает первой и начальной стадией сепаратистских требований, в то время как ирредентизм и сецессия последующими⁴.

Спорным, по нашему мнению, является вывод, к которому приходит исследователь М.А. Домарева: сепаратистские стремления не начинаются с открытых требований отделиться или выйти из состава конкретной страны, а служат лишь их результатом⁵. Как говорится, «аппетит приходит во время еды».

¹ См.: Авраменко А.В. Сепаратизм: сущность и проблемы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997; Бабкин И.О. Феномен этнического сепаратизма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2001.

² Политическая энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 467.

³ Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М.: Наука, 1992. С. 13.

⁴ Хоровиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. «Национальная политика в Российской Федерации». М.: Наука, 1997. С. 24.

⁵ Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 22.

С М.А. Домаревой можно не согласиться по нескольким причинам:

1. Сепаратизм — сложно прогнозируемый и часто ситуативно развивающийся феномен, что несколько усложняет выявление четких закономерностей его протекания, то есть точного определения требований отделения от автономизации. Выделяют различные случаи протекания сепаратистских тенденций, в том числе и крайне противоположные: сепаратизм с момента институционализации протекает в форме ярко выраженного ирредентизма (приднестровский сценарий); автономизация позволяет преодолеть сепаратистский кризис в стране (молдавско-гагаузийский сценарий).

2. Сепаратизм, в какой бы форме он не был выражен (сецессии или ирредентизма), несет в себе угрозу национальной безопасности и суверенитету страны, автономизация, как правило, нет.

3. Разграничивая сепаратистские тенденции и автономизацию, следует обратить внимание еще на один аспект. Сепаратистская угроза так или иначе связана с внешнеполитическими основаниями, автономизация же ограничена внутринациональными процессами.

4. Автономизация, как правило, проходит в рамках национально-правового и институционального поля конкретной страны. В связи с этим субъектами и институтами реализации автономизации выступают политические партии, общественные организации, политические элиты и бизнес-элиты. Сепаратистские тенденции выходят за рамки национально-правового и институционального спектра государств.

Особо следует отметить, что в современных реалиях недопустима как недооценка, так и переоценка сепаратистских угроз в национальных государствах. Политологические прогнозы должны быть абстрагированы от двух радикальных позиций, которые, по нашему мнению, едва ли могут сегодня претендовать на некую объективность — полного отрицания сепаратистских угроз или придания им безосновательно апокалипсического значения.

Действительно, в средствах массовой информации то и дело «раскручиваются» апокалипсисы территориальной, политической и межнациональной целостности современной России. Референдум в Крыму о возможном его присоединении к Российской Федерации, который

состоялся 16 марта 2014 г.¹, был воспринят некоторыми политическими силами как «начало конца» современной России. Экс-заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. Кох на своей странице на Facebook отметил, что крымский референдум может спровоцировать и российские регионы к подобным политическим решениям. Таких, как Калининград (который может войти в состав Германии) или Санкт-Петербург (который может войти в состав Швеции)².

Придание апокалипсического значения сепаратистским угрозам сопровождается отождествлением и даже неким олицетворением сепаратистской тенденции с террористическими актами. По мнению Р.И. Мороз, терроризм выступает формой политического экстремизма³. На наш взгляд, с данным суждением трудно согласиться. Ибо «терроризм» и «сепаратизм» трактуются односторонне. Очевидно, что данные феномены не тождественны и имеют принципиальные отличия как в идеологически-целевом значении, так и в использовании методов их реализации. Совершенно очевидно, что цели терроризма как радикального метода политической борьбы (путем ужаса, запугивания, принуждения) могут носить не сепаратистский характер. И эти понятия не тождественны.

Вместе с тем, если рассматривать «терроризм» и «сепаратизм» в соотношении, то одно явление вполне может спровоцировать и привести к другому. И. Хакамада, в частности, пишет о трансформации сепаратизма в Чечне в мировой терроризм⁴, когда сменился не только масштаб выше обозначенных тенденций и угроз, но изменилась и сама целевая политика.

Обобщая изложенный выше материал, мы приходим к выводу, что *сепаратизм как политическое действие выражен в форме сепаратизма или ирредентизма. Иначе говоря, он выражается в двух процессах: отделения (в случае образования отдельной независимой страны) или отделения-присоединения в качестве территориальной единицы к конкретному государству.*

¹ URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_\(2014\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Референдум_о_статусе_Крыма_(2014))

² URL: <http://lenta-ua.net/novosti/politika/49759-podderzhka-rf-separatizma-v-krymu-mozhet-zakonchitsya-razvalom-rossii.html>

³ Мороз Р.И. Терроризм как форма политического экстремизма: тенденции развития в 1990–2004 гг.: дис. ... канд. полит. наук. М, 2004. 175 с.

⁴ URL: <http://www.hakamada.ru/Folder.2004.03.12.0422/1321/Folder.2004.12.06.1658/Document.2004.11.18.3644>

Вторым признаком сепаратизма служит его конфликтный (остроконфликтный) характер в отношении политики, проводимой действующей государственной властью. Регионы, выдвигающие сепаратистские лозунги, противопоставляют их политике Центра. Этот признак особенно интересен с позиций понимания сепаратистской угрозы как объекта исследования политологической конфликтологии, а сам сепаратизм — как источник или причину этнополитического конфликта.

Третьим признаком сепаратизма служат его этнические или религиозные основания. По мнению Е.В. Крицкого, этнополитические и этнорелигиозные процессы и технологии по своей природной сущности носят сепаратистский характер и чаще всего выражены в конфликтном стремлении этнических общностей или отдельных территорий достичь самоопределения¹.

Очевидно, что в современной политике недопустимо игнорирование этнических и конфессиональных оснований сепаратизма. Так, отсутствие должного урегулирования руководством Советского Союза Бакинских этнополитических столкновений привело в перспективе к армяно-азербайджанскому конфликту из-за Нагорного Карабаха.

Проявления этнонационализма в регионах Сибири и республиках уральского региона сегодня также не имеют радикального характера. Однако угроза разрастания этносепаратизма здесь, бывшая явной в 90-е годы XX в., сохраняется и сегодня, хотя и носит латентный характер². Вследствие этого необходим постоянный мониторинг этнополитической ситуации в регионе, что позволит при необходимости корректировать региональную политику.

Этнополитический фактор зачастую имеет ключевое значение при возникновении сепаратистских движений и тенденций. Однако, признавая его значимость, многие ученые плодотворно отмечают, что он не может быть единственным. Не последнюю роль в детерминации сепаратизма играют также политические, экономические, социальные факторы. В таком контексте сепаратизм высту-

¹ Крицкий Е.В. Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России. 2007. С. 44.

² Гордеев В. Дальневосточный сепаратизм: миф или реальность? // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в.: сб. науч. статей. Владивосток, 1999. С. 135–155.

пает как многомерный феномен, обусловленный комплексом причин¹.

Таким образом, по нашему мнению, *сепаратизм есть политическая тенденция, протекающая в рамках конкретного региона в составе государства (или национально-государственного образования), выраженная в стремлении отделиться с целью создания независимого суверенного государства или территориального присоединения к другому государственному образованию. Сепаратизм протекает в форме сецессии или ирредентизма и носит остроконфликтный характер в отношении политик, проводимых действующей государственной властью.*

Остановимся подробнее на структурно-деятельностных компонентах сепаратизма.

Субъектами сепаратизма выступают: политическая элита (в том числе и этноэлита), политические лидеры (в том числе этнические и национальные), политические партии, общественные организации и объединения — носители сепаратистских идей и взглядов, участвующие в сепаратистской деятельности. Полагаем, что субъектом сепаратизма не может выступать полностью все территориальное население региона, в котором активизировались сепаратистские тенденции, поскольку население не может без участия политических сил формулировать и реализовывать сепаратистские ценности, идеи и программы.

М.А. Домарева вообще относит к субъектам сепаратизма органы центральной государственной власти, обосновывая это тем, что последние выражают интересы, противоположные сепаратистским, но так же, как и сепаратисты, участвуют в политическом противостоянии². Для нас совершенно очевидно, что участие в политическом противостоянии никоим образом не дает оснований для отнесения центральной власти к субъектам сепаратизма, ибо ими не поддерживается (и даже наоборот) сама сепаратистская идеология и ценности. По нашему мнению, субъектами сепаратизма могут скорее выступать иностранные органы государственной власти, поддерживающие и мотивирующие сепаратистские движения.

¹ Володин А.В. Региональный сепаратизм: Проблемы теории и практики. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 11.

² Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 21.

Объектом сепаратизма выступает государственная политика, связанная с территориальным отчуждением и стремлением региона выделиться в отдельное государственное образование или войти в состав другого национального государства.

Содержание сепаратизма имеет двойное значение. С одной стороны, сепаратистская тенденция — это политика, направленная на реализацию прав и свобод жителей региона, на их самоопределение, гарантированное международным и внутринациональным правом. С другой стороны, сепаратизм посягает на территориальную целостность страны и рассматривается как конституционное преступление. В связи с этим сепаратизм сегодня трудно однозначно транслировать в политико-правовом пространстве как «конституционное преступление» или «борьба за самоопределение».

Это коснулось и референдума в Крыму, который проходил 16 марта 2014 г., не получил единого толкования на международной арене — это «нарушение территориальной целостности Украины» или «законный политический выбор жителей Крыма».

Например, США не считают легитимным референдум о статусе Крыма. По мнению американских властей, проведение такого референдума противоречило конституции Украины. «Нельзя принимать решения о будущем Украины без участия правительства Украины», — говорится в заявлении. Кроме того, проведение референдума в США считают необязательным, поскольку украинские власти «дали понять, что готовы обсуждать расширение автономного статуса Крыма»¹.

Во всех позднее распавшихся империях призывы к сепаратизму, к отделению (сецессии) территорий, населенных этническим или религиозным меньшинством, являлось одним из самых преследуемых политических преступлений. И в СССР, и в Австро-Венгрии, и в Османской империи за самый мирный призыв к национальному самоопределению полагалось очень жестокое наказание. Так было буквально за «несколько часов» до их финального распада².

Методы реализации сепаратизма также многогранны и выражены в широком спектре: от политических переговоров до насильственных воздействий, террористических актов. Вместе с тем, сама сущность сепаратизма, определяя его как остроконфликтное

¹ URL: <http://news.rambler.ru/24117942/>

² URL: <http://www.kasparov.ru/>

явление, всегда сохраняет вероятность его ужесточения и радикализации.

Далее остановимся на характеристике различных классификаций сепаратизма. По сферам проявления принято выделять:

1. Экономический сепаратизм.

Под экономическим сепаратизмом следует понимать действия региона (субъекта Федерации), направленные на экономическую самоизоляцию и самостоятельность. Так, после дефолта, объявленного федеральным правительством в августе 1998 г., на экономическую автаркию были рассчитаны меры, предпринятые в ряде регионов России. Если обратиться к материалам Госкомстата Российской Федерации за 1998 год, то 79 субъектов России сами определяли и регулировали цены на различную продукцию в своем регионе¹.

Формами экономического сепаратизма являются также объявление региона субъектом международных экономических отношений (Татарстан в начале 90-х годов), проявление регионом самостоятельности при выборе экономических и бюджетных стратегий (Татарстан, Чечня, Саха), объявление территории региона «свободной экономической зоной», саботаж фискальных действий со стороны центрального правительства (бюджетный сепаратизм регионов России летом-осенью 1993 г.).

Очевидно, что подобные экономические действия самоизоляции регионов противоречили российскому конституционному законодательству и нарушали целостность единой экономической зоны страны².

2. Правовой сепаратизм.

Под правовым сепаратизмом следует понимать принятие законодательными органами региона нормативно-правовых актов, заведомо противоречащих Конституции и другим нормам права, действующим на территории страны.

Правовой сепаратизм был распространенным явлением в 90-е годы в России. Некоторые субъекты Федерации, согласно своим региональным конституциям (уставам), стали определять себя как «самостоятельный субъект международного права», как «суверен-

¹ Паин Э. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/2784/>

² Там же.

ное государство». Подобная ситуация произошла в Республике Татарстан, когда вся государственная собственность на ее территории (вместе со всеми недрами) была отнесена к исключительной собственности региона.

Правовой сепаратистский демарш республик был подхвачен другими регионами: ряд областей декларировали намерение провозгласить себя республиками и сепаратно принять соответствующие нормативные акты (Свердловская и Вологодская области). Таким образом, если не осуществляются своевременные и достаточные меры по правовому противодействию этой форме сепаратизма, он может приобрести стихийный и неуправляемый характер и привести к необратимым последствиям.

3. Конфессиональный сепаратизм¹.

Крайние проявления конфессионального сепаратизма нацелены на создание на той или иной территории суверенного теократического государства. Формой проявления конфессионального сепаратизма являются автономистские движения за создание территориальной автономии по конфессиональному принципу (например, исламское движение «Братья-мусульмане» в странах Ближнего Востока, движение «ультра» в Северной Ирландии и пр.).

В последние годы в Российской Федерации значительно актуализировалась проблема исламского сепаратизма в регионах с доминированием мусульманской религии². Это связано как с общей политической нестабильностью 90-х годов XX века, падением уровня жизни, так и с активной деятельностью этноконфессиональных антрепренеров в лице религиозных и политических организаций. Они, в условиях этнорелигиозного ренессанса, используя этноконфессиональные предрассудки населения, будучи заинтересованными в дестабилизации политической ситуации, разжигают сепаратистские настроения.

Таким образом, к формам сепаратизма можно отнести экономический, правовой, конфессиональный сепаратизм. В центре наше-

¹ Рагузин В.Н. Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. М., 1998. С. 45.

² См., например: Баринов В.В. Религиозно-политические процессы на Северном Кавказе и их влияние на безопасность России (политологический анализ): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 11.

го внимания — собственно политический сепаратизм, однако все вышеозначенные формы могут реализовываться самостоятельно, а могут выступать в качестве форм политического сепаратизма.

К.С. Пузырев на основе анализа зарубежной политической практики предлагает следующую классификацию сепаратизма:

1) этнолингвистический и национально-государственный сепаратизм, принимающий форму экономического и культурного регионализма как особой формы самоопределения («случай» Каталонии). Противовесом сепаратистским устремлениям Каталонии может служить политика испанских властей, нацеленная на реализацию принципа «многоуровневой идентичности» (общеевропейской и каталонской), осуществление совместных с автономным регионом проектов социально-экономической модернизации, проведение политики разумной децентрализации. При всем своем ненасильственном характере и преобладающих экономических и культурных ориентациях обладает значительной базой и нереализованным потенциалом, что создает серьезную угрозу целостности и единству испанского государства;

2) культурно-исторический сепаратизм, принявший форму «движения элиты» за политическое и государственное самоопределение (Шотландия). Политический потенциал шотландского сепаратизма далеко не исчерпан, и при определенных условиях он может способствовать подрыву единства Соединенного Королевства. Для эффективного ему противодействия правительство страны призвано принять меры по укреплению «общebritанской идентичности», прибегнуть к более справедливому перераспределению полномочий в социально-экономической сфере, разумно направляя революционные процессы;

3) этнокультурный и этнолингвистический сепаратизм, принявший форму массового движения за политическое и государственное самоопределение (Страна Басков). Баскский сепаратизм, в силу своих глубоких корней и радикального политизированного характера, имеет масштабный нереализованный потенциал, а противодействие ему требует долговременного диалога испанских властей с баскскими элитами и дальнейшую поступательную реформу испанского государства в направлении федерализации;

4) этнокультурный и этнолингвистический сепаратизм, принявший форму «латентного сопротивления», регионального изоляционизма и терроризма (Корсика). Корсиканский сепаратизм

в основном проявил свой деструктивный потенциал и превратился в преимущественно маргинальное политическое явление. Однако ослабить его все еще значительную базу может лишь комплексная стратегия французского государства по реинтеграции островного департамента Корсика в единое пространство¹.

В научной среде принято классифицировать также разновидности сепаратизма на евразийском пространстве.

Если коснуться сепаратистских тенденций в России, то исследователи Института национальной стратегии выделили следующие²:

1. Сибирский региональный сепаратизм. Может рассматриваться как своего рода «компенсацию» народам Сибири и Дальнего Востока за их невключение в антироссийский исламский фронт. Однако главную этническую базу движение видит не столько в нерусских народах, сколько в сибирских русских. Последним внушается, что они — никакие не русские, а особая «нация» — сибиряки, якобы угнетаемая «метрополией» (т.е. европейской Россией). Оживление наметилось в последние годы. Ведет, однако, «правопреемственность» от сибирского автономизма, возникшего еще во второй половине XIX века. Тактическая смычка с пантуранизмом весьма вероятна (в Якутии и Туве имеет место чисто этнонационалистический проект). Одновременно может стать авангардом регионального квази-этнического сепаратизма других регионов, населенных преимущественно русскими.

2. Сепаратизм финно-угорских народов. Поскольку большинство финно-угорских национальных республик вкраплены внутри территории России, сепаратистским это движение сможет стать только в результате своей межреспубликанской консолидации, подкрепленной претензиями на территории сопредельных субъектов Российской Федерации. Рассматривает финно-угорские народы как «коренные» и имеющие право на некие привилегии во всей северной половине Европейской части России, включая Московский регион, и в Западной Сибири. В тех субъектах Российской Фе-

¹ Пузырев К.С. Проблемы типологизации и оценки потенциала различных типов регионального сепаратизма в странах западной Европы // Вестник КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 120–124.

² «Дорожная карта этнорегиональной угрозы: Северный Кавказ и Поволжье» [Доклад Института национальной стратегии] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instrategy.ru/about/>

дерации, где нет местных финно-угорских этносов, действуют энтузиасты по «пробуждению национального сознания» (например, народа меря в северо-восточных областях Центрального федерального округа). В основном светское по характеру, движение местами проявляет тенденцию к неоязычеству. В таких поволжских республиках, как Мордовия, Марий-Эл, Удмуртия, активно действуют прозелиты ваххабизма, стремясь обратить титульные народы из православия в ислам и интегрировать их в антироссийское движение на этой основе.

3. Квази-этнический конфедерализм и сепаратизм русских регионов. Эксплуатирует недовольство политикой федерального центра во многих областях, в частности — перекачкой финансовых ресурсов в Москву и на подпитку Северного Кавказа. Внушает русским в соответствующих регионах, что они составляют отдельную нацию: «волгари», «уральцы», «поморы» и т. п. Сибирский сепаратизм можно расценивать как более «продвинутое», имеющую более давние исторические корни и развитые традиции ветвь данного направления. Местами апеллирует к «коренному этническому» самосознанию, смыкаясь с финно-угорским национализмом. В том же ряду стоит и повышенный интерес данного направления к неоязычеству.

4. Новые религиозные секты. Складываются как на базе отрицания религий, к которым исторически относит себя большинство населения России, так и формально внутри них (но на деле тоже, разумеется, отрицая их). Формируются также в ходе целенаправленной прозелитической деятельности из-за рубежа. В основном новые секты, как ответвившиеся в последнее время от официального православия, так и «импортированные» (Аум Сенрике, мормоны, сайентологи и т. д.), а также неоязычники могут представлять угрозу лишь как дополнительный фактор обострения обстановки в случае общей дестабилизации. При всем их нигилистическом отношении к гражданскому правопорядку и ценностям, разделяемым большинством российского общества, самостоятельной угрозы не представляют.

Особое значение в персонализации сепаратизма принадлежит разграничению его политических, этнических и этнополитических оснований. Так, на наш взгляд, в современных условиях необходимо разграничивать понятия: «политический сепаратизм», «этнический сепаратизм», этнополитический сепаратизм:

– Политический сепаратизм — институционализация противоречий в обществе, вызванных кризисом политической системы или политических подсистем, при которых совместное сосуществование социальных общностей становится проблематичным. Цель политического сепаратизма — политическое разграничение полномочий региона и Центра в условиях политической нестабильности и самоизоляции.

– Этнический сепаратизм — институционализация противоречий национальных и этнических общностей, проживающих на одной территории, проявляющихся во взаимных претензиях и притязаниях одних к другим, вплоть до открытых вооруженных конфликтов и войн. Цель этнического сепаратизма — достижение «этнической справедливости».

– Этнополитический сепаратизм — высшая стадия политического и этнического сепаратизма, обусловленная, с одной стороны, возникновением в регионе конкретных национальных или этнических противоречий, с другой — политическим кризисом. Примером проявления этнополитического сепаратизма является крымский сепаратизм, обусловленный политическим кризисом на Украине и этнокультурным притяжением крымчан к России.

Причины институционализации этнополитического сепаратизма заложены в нерешенности политических и этнических проблем в государстве, и бывают нередко обособлены ходом исторического развития субъекта Федерации¹.

По мнению С.Т. Мамсурова, в полиэтнических государствах любой политический конфликт по объективным причинам, как правило, приобретает этническую направленность. Поэтому разграничивать этнический и этнополитический сепаратизм, признаки которых могут совпадать, трудно².

На наш взгляд, с данным суждением трудно согласиться. Хотя этничность сама по себе не является причиной сепаратистской угрозы, социально-экономические и культурные детерминанты способны оказывать на нее определенное воздействие. Мы полагаем, что этнический сепаратизм может быть, хотя бы теоретически,

¹ Михайлов В.А., Михайлова О.В. Межнациональный конфликт // Национальные отношения. Словарь. М., 1997. С. 82.

² Мамсуров С.Т. Этнополитический конфликт и СМИ // Социология власти. 2007. № 4. С. 78–85.

абстрагирован от политики и быть вызван лишь экономическими и культурными разногласиями этнических общностей, отсутствием социально-этнической справедливости. Этнополитический сепаратизм (в отличие от этнического) вызван, прежде всего, политическим кризисом в государстве и неспособностью власти эффективно регулировать этнические противоречия в регионе.

При исследовании сущности сепаратизма, помимо его политических, этнических и этнополитических оснований, представляется интересным выделить соотношение этно-территориальных и регионально-территориальных границ сепаратистской тенденции, поскольку в условиях российского федерализма понятия «региональность» и «территориальность» являются несколько размытыми в полиэтнической среде.

Мы предлагаем выделять следующие территориальные единицы сепаратистской активности:

- этническая территория — территориальное пространство, в котором компактно проживает та или иная этническая общность. Этническая территория обусловлена ходом исторического становления государства и не имеет четких политико-правовых границ, установленных конституционным законодательством. Вместе с тем именно на этнической территории, как правило, формируются культура, самобытность, традиции той или иной этнической общности. Жители той или иной этнической территории являются носителями этнопамяти. Нельзя не отметить, однако, что на сегодняшний день отнюдь не все этнические общности в силу объективных причин имеют свои этнические территории.

- Субъект Федерации — административно-территориальная или национально-территориальная единица федеративного государства, в котором могут проживать различные этнические общности. Субъект Федерации может выступать этнической территорией для нескольких этнических общностей, максимально представленных в том или ином субъекте Федерации, как, например, Республика Башкортостан, которая может считаться этнической территорией народов Поволжья (башкир, татар). Субъект Федерации имеет четко закрепленные политико-правовые границы, которые закреплены конституционно.

При этом исследователь А.В. Высоцкий совершенно справедливо замечает, что отсутствие этнической территории в субъекте Федерации не исключает конституционного права других этнических

общностей (меньшинств) быть активными или пассивными субъектами данного «территориального общежития»¹.

– Регион — территориальный ареал, который формировался исторически и консолидировал в себе географический, экономический, культурный пласт этнических общностей. Причем «регион» не всегда подразумевает и совпадает в своем сущностном значении с категорией «субъект Федерации». Так, в Российской Федерации под регионом понимают: крупное муниципальное образование (мегаполис), субъект Федерации, федеральный округ или иное территориальное объединение внутри страны с целью решения экономических или социокультурных задач.

Таким образом, границы этнических территорий, субъектов Федерации, регионов могут не совпадать, актуализируя проблемы территориальной целостности государства.

Что касается Российской Федерации, хотелось бы отметить, что «регион» более масштабная территориальная единица, нежели «субъект Федерации». Об этом свидетельствуют территориальные трансформации, происходящие в стране и направленные на укрупнение субъектов Федерации. Регион в этом смысле является некой постоянной величиной трансформирующегося субъектного состава страны.

Как отмечает Президент России В.В. Путин, «потенциал укрепления субъектов федерации далеко не исчерпан. Но действовать в этой сфере надо разумно, поступательно и взвешенно, опираясь на мнения граждан»².

Президентом подписан закон об ответственности за призыв к сепаратизму. Данный законопроект был принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, 25 декабря 2013 г. одобрен Советом Федерации и вступил в законную силу 9 мая 2014 года. Согласно документу, в Уголовный кодекс России вносится специальная статья, по которой предусмотрена уголовная ответственность за публичный призыв к сепаратизму. В частности, в подписанном законопроекте говорится, что отныне публичные призывы к нарушению территориальной целостности страны будут

¹ Высоцкий А.В. Теоретико-методологические аспекты анализа роли этнического фактора в региональных конфликтах // Вопросы политологии. 2012. № 4. С. 56–63.

² См.: Демократия и качество государства // Коммерсант. 2012. 6 февр.

наказываться штрафом на сумму до 300 тыс. руб. или же в размере заработной платы и другого дохода осужденного человека за период до 2 лет. За подобные правонарушения в документе предусмотрены обязательные работы сроком до 300 часов, а также лишение свободы сроком до 3 лет. Следует отметить, что, помимо всего вышесказанного, в распоряжении прописано, что аналогичные противоправные деяния, совершаемые с использованием СМИ, будут наказываться обязательными работами на 480 часов либо лишением свободы на срок до 5 лет¹.

1.2. Социально-политические условия и детерминанты институционализации сепаратизма

В современной политической науке сложилось несколько подходов, которые раскрывают социально-политические условия реализации сепаратизма и позволяют проследить генезис институционализации сепаратистских движений. Рассмотрим их более подробно.

Природно-географический подход. В рамках данного подхода условиями реализации сепаратизма выступают демография, климат, экологические особенности, географическое расположение региона и т. д.

Действительно, в научной среде прослеживаются идеи о природно-географических факторах, институционализирующих сепаратистскую активность в регионах. По нашему мнению, данный подход не лишен здравого смысла и отражает некоторые объективные предпосылки формирования сепаратистской тенденции.

Так, крупнейший российский историк В.О. Ключевский в своих работах выделяет факторы, определяющие национальный и этнокультурный пласт российской государственности. К ним исследователь относит: российские бескрайние степи, леса, равнины. Лес в трудах В.О. Ключевского выступает неким «пристанищем вольных и свободных индивидуумов» и символизирует «народную волю» и «народную решительность». Равнина, в свою очередь, олицетворяет покорность, апатию, безынициативность².

¹ URL: <http://informing.ru/2013/12/30/putin-podpisal-zakon-ob-otvetstvennosti-za-prizyv-k-separatizmu.html>

² Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 83–84.

По мнению другого не менее известного ученого Н. Бердяева, «русскому народу» присущ «природный инстинкт», выраженный в необъятности и безграничности «земли русской», как и человеческой души¹.

Действительно, природно-географические факторы в той или иной степени определяют национальный и этнический уклад регионов, способствуют более глубокому пониманию сущности сепаратизма. На наш взгляд, следует обратить внимание на следующие природно-географические факторы институционализации сепаратизма:

- протяженность территории государства, в котором могут вспыхнуть сепаратистские угрозы;
- протяженность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности;
- приграничность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности, с другими государствами;
- удаленность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности, от Центра;
- освоенность и инфраструктурная развитость территории региона, «склонного» к сепаратистской активности;
- природно-географическая и этническая контрастность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности;
- демографическая контрастность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности;
- промышленная или сельскохозяйственная ориентированность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности;
- миграционная и инвестиционная привлекательность территории региона, «склонного» к сепаратистской активности.

Каждый из выделенных нами природно-географических факторов может спровоцировать усиление сепаратистской активности в регионе. Так, по мнению Ю. Голубчикова, территориальная бескрайность государства, демографически-географическая контрастность регионов препятствуют эффективному его централизованному управлению и может стать причиной сепаратистских и анархических движений в обществе².

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997. С. 109.

² Голубчиков Ю. Останется ли Россия на карте мира? // Россия и мусульманский мир. 1999. № 3. С. 9–15.

Среди обозначенных природно-географических факторов институционализации сепаратизма хотелось бы обратить особое внимание на последний фактор.

Миграционная политика в современных глобализационных условиях занимает особое положение в предотвращении сепаратистских угроз в регионах. Засилье мигрантов в Москве и Московской области, провоцирует этнические конфликты в регионах. Как известно, 10 октября 2013 г. в Бирюлево был убит Е. Щербаков. После его убийства местные жители вышли на стихийный митинг. Люди требовали найти убийцу, а также ужесточить миграционное законодательство и навести порядок на местной плодоовощной базе, которая стала рассадником преступности¹.

По сути, «бирюлевский инцидент» явился, если можно так выразиться, катализатором общественного мнения в отношении миграционной политики в стране. И если на него не реагировать, то он может стать причиной обострения сепаратистских угроз в регионе. Очевидно, что сепаратизм в своей основной форме (сецессии или ирредентизма) не может быть применим к Москве. В то же время в своей паритетной форме он может мутировать общественностью.

Природно-географические факторы институционализации сепаратизма необходимо рассматривать системно и не стоит их абсолютизировать. Только один из выше обозначенных факторов не может служить причиной активизации сепаратистской активности в регионе. Также ошибочно, по нашему глубокому убеждению, считать, что крупная территория государства сама по себе является причиной сепаратизма в отрыве от других факторов. И этому есть реальные политические доказательства. Например, Австралия или Канада, в которых сепаратистская активность минимальна или вовсе отсутствует. В то же время сепаратизм проявляется в небольших странах, таких как Молдавия или Бельгия. Отсюда вывод: территориальная ограниченность не может служить основанием защищенности государства от сепаратизма. Лишь системное изучение каждого из выше обозначенных факторов позволяет многоаспектно проследить институционализацию сепаратистской угрозы.

Культурно-цивилизационный подход. Данный подход связывает институционализацию сепаратистской активности в регионах

¹ URL: <http://izvestia.ru/news/558741>

с языковыми, ценностными, ментальными и традиционными различиями и особенностями социума. Сепаратизм выступает как культурно-цивилизационная категория. Сама культурно-цивилизационная парадигма складывается из цивилизационной и социокультурной компоненты, каждая из которых имеет свои специфические особенности.

Цивилизационная компонента раскрывается в научных работах таких ученых, как С. Хантингтон («Столкновение цивилизаций»), А. Тойнби, П. Сорокин, О. Шпенглер, Н. Данилевский.

Так, С. Хантингтон выделяет несколько типов цивилизаций, существующих в современном мире¹, методологическое изучение которых позволяет прийти к выводу, что в России синтезируются между собой православная, исламская и восточно-азиатская цивилизации. Синтезирование цивилизаций приводит к культурным разломам в обществе, субъектами которых выступают представители различных цивилизаций. Разработчики данного подхода убеждены в том, что в условиях социокультурного разнообразия невозможно достичь непротиворечивого и конструктивного сосуществования представителей различных цивилизаций². Согласно данной концепции, сепаратистская угроза в России реальна и имеет цивилизационные линии разлома.

Цивилизационные различия, по нашему убеждению, могут стать основаниями для институционализации сепаратистской активности в регионе. Вместе с тем их нельзя и абсолютизировать, поскольку современный глобализирующийся мир представлен как раз некой интеграцией существующих цивилизаций и культур, которые при всем своем многообразии синтезируются между собой, взаимопроникают друг в друга.

Сторонники социокультурной концепции связывают институционализацию сепаратистской угрозы со становлением национального и этнического самосознания различных народов и народностей. Ярким представителям социокультурной концепции следует отнести В.А. Ачкасова, Л.М. Дробижев, В.А. Тишкова, Р.А. Финка и др.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Аполитические исследования. 1996. № 2. С. 21.

² Шпенглер О. Закат Европы / пер. с нем.; под ред. А.А. Франковского [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml

Р.А. Финк пишет: «Первым шагом в национальном самоопределении общества является осознание народом своих специфических черт, что соответствует латентной, преднациональной, стадии формирования нации и исторически совпадает с ее государственным оформлением. Содержательной стороной такого осознания является формирование национально-цивилизационной идентичности общества как определение универсальности идеологий, социальных практик и духовности, к которым они себя причисляют. Такое самоопределение включает духовно-идеологическую основу идентичности, государственно-политическое самоопределение и ценностное отношение к территории проживания. Вторым шагом этого процесса выступает артикуляция основных черт нации в духовной сфере жизни общества (преимущественно в национальной литературе), завершающая этап оформления нации и переводящая ее в актуальную стадию. Дальнейшее ее развитие напрямую связано с рефлексией национального самоопределения и включением его в систему воспитания. Артикуляция самоопределения нации происходит через обращение к символическим проводникам общественного взаимодействия, основным источником которых является этническая (преднациональная) культура»¹.

На сегодняшний момент в современной политической науке нет однозначного понимания категории «этнос» и «этническое сознание». В связи с этим выделяются различные признаки этноса:

- общность территории совместного обитания;
- общность языкового сегмента;
- общность исторического хода развития;
- общность материальной и нематериальной культуры;
- общность самосознания и идентификация.

Основной проблемой в персонализации категории «этнос» является то, что многие из перечисленных признаков характерны также и для идентификации племен, народностей и даже наций. Не случайно К. Каутский называет данные признаки этноса всего лишь атрибутными². По мнению А.Ю. Каркмазова, «этнос»

¹ Финк Р.А. Национальная идея как выражение национальной специфики культуры // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2012. № 1 (105). С. 117–120.

² Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М.: Дело. 1917. С. 73.

и вовсе представляет собой «биологический организм», которому свойственны все природные процессы: рождение, развитие, старение и смерть¹.

Трудно не согласиться с тем, что категория «этнос» имеет биологические и социальные основания. Ю. Семенов отмечает, что биологически этнос связан с наследственностью (передача этнической принадлежности), а социально — с преемственностью культурной принадлежности этнической общности².

Далее Ю. Семенов продолжает: «В нормальных условиях культурное, социальное воспроизводство человека неотделимо от биологического. В результате неизбежно возникает иллюзия полного совпадения социального и биологического воспроизводства, биологического и социального наследования, более того, иллюзия производности социального наследования от биологического. Отсюда вытекает представление, что этническая общность в своей основе есть общность происхождения, что этнос есть совокупность людей, имеющих общую плоть и одну общую кровь, что каждый этнос — особая порода людей»³.

Действительно, категория «этнос» является продуктом природного и социального развития, и каждое из них накладывает свой отпечаток на сущность данного термина. Поэтому более перспективна методологическая позиция, в рамках которой этнос рассматривается как коллектив людей, обладающий общими стереотипами поведения на основе саморефлексии как представителей именно данной группы, отличной от других. С точки зрения Л. Гумилева, «противопоставление «мы — они», данное членам этноса в рефлексии, служит индикатором для определения этнической принадлежности, а тем самым и особым типом системообразующей связи»⁴. Таким образом, в основе этнической принадлежности лежит этническое самосознание. Под ним следует понимать видение своей этнической группы ее представителями сквозь призму ее априорной уникальности, самости, неповторимости.

¹ Каркмазов А.Ю. и др. Политология в терминах и понятиях. Ставрополь: СГУ, 1994. С. 248.

² Семенов Ю.И. Производство и общество // Социальная философия / под ред. И.А. Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. С. 236–266.

³ Там же.

⁴ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 254.

Шаколюкова В.Д. в одной из своих работ пишет: «Этническое самосознание как атрибутивное свойство этноса формируется в ходе исторического развития и в процессе осуществления межэтнических отношений. Роль этнического самосознания крайне важна, поскольку принадлежность индивида к этносу подчас ничем, кроме глубоко субъективного убеждения (самосознания), формально не удостоверяется, расселение его представителей не имеет четких территориальных границ¹. Важным в структуре этнического самосознания является способность к выделению характерных черт данного этноса. Этническое самосознание выполняет ряд функций, посредством которых оно моделирует поведение этносов, в первую очередь — в межнациональных и межэтнических отношениях»².

В. Тишков вносит уточнение в понимание этноса как общности на основе самосознания, утверждая, что этническое самосознание является не природным, а культурным продуктом. Это позволяет ему определить этнос как «общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях»³. Этот подход является исключительно продуктивным для понимания социокультурных аспектов природы сепаратизма. В частности, В. Тишков справедливо утверждает, что «границы общностей (этнических) являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативном планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков»⁴.

Таким образом, если понимать этнос как совокупность людей, осознающих (на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям), свою общность (как общность культуры, языка, истории, религии), а также свое отличие от членов других групп, то открывается широкая методологическая перспектива для выявления истоков феномена сепаратизма.

¹ Мартыанов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 102–109. С. 104.

² Шаколюкова В.Д. Национальное самосознание как фактор развития межнациональных отношений в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 26 с. С. 15.

³ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 42.

⁴ Там же. С. 26–40.

В частности, с позиций социокультурного подхода, каждое полиэтничное государство, территория которого включает этнорегионы, неизбежно сталкивается с угрозой сепаратизма, поскольку этнос при определенных объективных условиях реализует свое стремление к самости и потребность в идентичности посредством требований политической самостоятельности. Кроме того, социокультурный подход позволяет увидеть проблему межэтнического взаимодействия в границах общей государственности, в едином политическом пространстве, организуемом центральной властью.

Плодотворен также анализ специфики традиций, норм и стереотипов поведения, специфики политического мировоззрения отдельных этносов и выделение на основе анализа тех компонентов культуры этноса, которые осложняют их интеграцию в систему административно-управленческих отношений, моделируемую государством, а также являются основой для прорастания сепаратизма.

Вместе с тем, современная наука не позволяет нам ограничивать рассмотрение причин сепаратизма лишь социокультурными факторами. Природа сепаратизма сложнее и многограннее, и другие ее грани открываются нам посредством иных научных методологий.

Геополитический подход. Согласно точному и потому часто цитируемому суждению В. Тишкова, «сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии»¹. Действительно, перефразируя известное стихотворение В. Маяковского, можно с уверенностью сказать, что «если войны разжигают, значит это кому-нибудь нужно, значит это необходимо...». Интенсивность политического конфликта в сепаратистском регионе напрямую зависит от степени заинтересованности в его исходе крупных игроков на геополитической арене. Причем эта закономерность универсальна и не зависит ни от времени, ни от места реализации. «Этот момент присутствовал и в прошлом, когда после Первой мировой войны Вильсон, Клемансо и Ллойд Джордж, ползая по географической карте, «самоопределяли» народы Юго-Восточной Европы или когда в период Второй мировой войны Сталин и другие победители меняли границы под тем же самым лозунгом. Те-

¹ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. С. 76.

перь настала пора победителей в холодной войне навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения. Заметим, что никогда в истории поборники этого принципа не применяли его в отношении собственных государств, если это не касалось расширения их границ»¹.

Согласно общепринятому мнению, чем выше заинтересованность геополитического антрепренера в исходе сепаратистского движения, тем большее количество политических ресурсов им «задействуется» в данном направлении своей внешней политики. Используя эту закономерность, несложно обнаружить те интересы, которые реализуются крупными державами при поддержке того или иного сепаратистского движения. Вместе с тем, на наш взгляд, при таком анализе сложно избежать тенденциозности и не поддаться искушению рассматривать, в частности, США как самого крупного и «кровожадного геополитического хищника», который «ради достижения мирового господства и реализации своих геополитических интересов ставит на сепаратизм и подрыв целостности суверенных государств»².

Представляется, что при применении геополитического инструментария следует максимально взвешенно подходить к понятию «геополитические интересы» и избегать априорных суждений. При выполнении этого условия оказывается, что все крупные державы заинтересованы в сепаратизме. Например, традиционные Балканы представляли собой потенциальный геополитический объект притязаний в борьбе за европейское господство³ всех крупных европейских государств и США. Но при этом и Россия не станет исключением. Сложно (до практической невозможности) опровергнуть тезис, что Россия «геополитически прямо заинтересована в активной поддержке китайского сепаратизма... и начале антикитайской национально-освободительной борьбы во всей этой области»⁴. В действиях России на внешнеполитической арене также отражает-

¹ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. С. 76.

² Новая география. Коммюнике Международного Евразийского Движения в связи с признанием западными странами независимости Косова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rossia3.nl/ideolog/nashi/newgeography>

³ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998.

⁴ Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. С. 297.

ся то обстоятельство, что цели сепаратистских движений в Абхазии и Южной Осетии в определенный момент совпали с геополитическими интересами России, в то время как Приднестровский сепаратизм оказался на периферии карты российских внешнеполитических стратегий.

Однако рассматривать сепаратизм исключительно как следствие подрывных действий со стороны заинтересованных государств, а сепаратистские элиты как «марионеток» в руках всемогущих империй и их «спецслужб» также методологически бесперспективно. Особенно с учетом того обстоятельства, что сами сепаратисты сегодня умело играют интересами крупных держав, виртуозно манипулируют озабоченностью мирового сообщества фактами «геноцида», «нарушения прав меньшинств» и т.д.¹, используя то, что «мир еще по инерции принимает политическую корректность идеологии «прав меньшинств» и осуждает позицию в защиту государства и большинства»².

Политико-правовой подход. Ряд авторов обоснованно утверждает, что в современном мире причины сепаратизма во многом связаны с тем, что стремление регионов и этнических групп выйти из состава государств (реализовать право наций на самоопределение) наталкивается на противодействие государств этому движению. Противодействие реализуется в соответствующих мерах внутринациональных политик, которые всегда приоритетно нацелены на сохранение суверенитета и нерушимости границ государства. В пределах такой методологической парадигмы интересы государств рассматриваются как антиномичные по отношению к политическим интересам сепаратистских групп, а национальные политики государств — как контрнаправленные по отношению к этнополитическим процессам. Эта позиция весьма основательна, поскольку, в частности, американские политологи Т. Гурр и Б. Харфф в середине 90-х годов XX в. выявили более восьмидесяти народов, подержавших в то или иное время с 1940-х гг. движения за установление широкой политической автономии. Из них после окончания Второй мировой войны тридцать народов оказались вовлеченными в затяжные войны за национальную независимость или объедине-

¹ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. С. 76.

² Там же. С. 77.

ние с родственными группами, проживающими в других государствах¹. С тех пор эта цифра только возрастала.

В политико-правовом отношении сепаратистские движения опираются на право наций, на самоопределение², относящееся к общепризнанным нормам международного права, кодифицированным (с рядом ограничений) конституциями некоторых федеративных государств, в том числе Конституцией Российской Федерации. Ограничения также связаны с содержанием ряда норм как национального, так и международного права. В частности, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. указывается, что при реализации права народов на самоопределение ничто не должно толковаться как «санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств... имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи»³. Наличие этого ограничения, а также негативный опыт распада ряда постсоветских государств, в частности, Югославии и СССР, привел к тому, что сегодня право народов на полное самоопределение (то есть вплоть до сецессии) не встречается ни в одной конституции мира (хотя было предусмотрено в конституциях некоторых республик в составе Российской Федерации).

Таким образом, право наций на самоопределение как норма международного права, несмотря на наличие правовых коллизий с другими нормами, является своего рода политико-правовой основой сепаратистских движений.

¹ Ачкасов В.А. Этнополитология. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2005. С. 179.

² См.: Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. 1996. № 4. С. 16; Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение. // Московский журнал международного права. 1994. № 1. С. 3–4.

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Сборник «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии». Нью-Йорк, 1970. С. 151–155.

В политико-административном устройстве государств также кроются причины сепаратизма. Развитию сепаратизма способствует, как полагает большинство современных аналитиков, принцип административного устройства федерации по национальному признаку¹. Их рассуждения не лишены эмпиричности и в качестве неопровержимого аргумента содержат тезис, что Чехословакия, Югославия и бывший Союз ССР были национальными федерациями и распались по национальным же границам.

В меньшинстве остаются исследователи, которые полагают, что в национальном устройстве федерация сама по себе не является фактором развития сепаратизма. В. Федоров, директор ВЦИОМ, полагает, что «существовала... очень эффективная советская модель иерархии наций, где на конституционном уровне, на уровне государственной идеологии было четко сказано, какие есть нации, какие национальности, какого они уровня: одной положен статус союзной республики, другой — автономной республики, третьей — автономной области и т.п. Но всем было понятно, что такая иерархия наций не создает опасности рассыпания социалистического государства по национальному признаку. Это было действительно так. Ведь существовала не одна уникальная советская модель в СССР. Существовали Чехословакия, Югославия, социалистический Китай, где проживает огромное количество национальностей, из которых по европейским меркам вполне можно создавать отдельные государства. То есть, советской системой ответ на вызовы был дан очень эффективный»². Мы категорически не можем согласиться с этой позицией. Национально-территориальный принцип построения федерации, сталинские принципы национальной политики, реализовавшиеся на протяжении всей советской истории вплоть до 90-х годов, политические репрессии по национальному признаку, политика переселения народов — все это оказалось бомбой замедленного действия, детонировавшей в начале 90-х годов и вызвавшей взрыв сепаратистских настроений и неуправляемую ядерную реакцию сепаратистских движений на всей территории бывшего СССР.

¹ См.: Володин А.В. Региональный сепаратизм: проблемы теории и практики. М.: Диалог МГУ, 1999. 104 с.; Заяц Д.В. Пути снижения рисков сепаратизма // Преподавание истории и обществознания в школе. 2002. № 4. С. 36–52.

² Федоров В. Ярославль 2009 [Актуальные комментарии] [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomment.ru/theme/738/>

Модернизационный подход. Такие ученые, как Дж. Келлас, К. Дойч, М. Хетчер, Э. Геллер, Э. Смит, В.А. Тишков, А. Панарин, Л.М. Дробижева, не без оснований связывают возникновение сепаратистских тенденций с процессами социально-экономических и политических модернизаций. В этой методологии оказывается легко объяснимым, почему сепаратистские движения активизируются в периоды общегосударственных трансформаций, социально-политических и экономических кризисов.

Модернизация, инициируемая центральной властью государственного образования, как правило, носит во многом насильственный характер, нивелируя патриархально-традиционный общественный уклад. Трансформации быстрее и эффективнее реализуются в столицах: чем дальше к периферии, тем больше «помех» и соответствующих смещений, тем меньше ожидаемый положительный эффект от модернизаций. Соответственно, в провинции нарастают протестные настроения, которые во многом связаны с непониманием населением необходимости преобразований, нежеланием перемен. Кроме того, реформы нередко сопровождаются дестабилизацией социально-политической обстановки, снижением уровня жизни. Эти тенденции также сильнее на периферии, чем в центре. При заинтересованности периферийных элит в политическом обособлении задействуются этнополитические антрепренеры, которые, разжигая недовольство, трансформируют его в сепаратистские настроения и стремления масс, тем самым способствуя реализации политических и экономических интересов политического класса. Политический сепаратизм фиксирует определенную социально-политическую напряженность в обществе, стремление к его новому политическому структурированию, попытку разорвать и модифицировать прежние социально-политические взаимосвязи, поскольку они не устраивают часть населения, провоцируют конфликтность политических отношений.

Данный подход позволяет раскрыть собственно политический механизм появления тенденций сепаратизма, рассмотреть детерминацию сепаратистских тенденций политическими и экономическими модернизациями.

Глобализационный подход. Такие ученые, как Р. Бербах, Э. Цветкович, Д. Келлер, рассматривают глобализацию как основную тенденцию мирового развития, детерминирующую ослабление национальных государств и усиление сепаратистских тенденций.

Ю.В. Шишков, характеризуя суть глобализационных изменений, подчеркивает следующую закономерность: «По мере формирования наднациональных финансовых и прочих рынков и производственно-сбытовых структур всемирные экономические отношения все более обретают роль ведущих, определяющих, тогда как внутри-страновые отношения даже очень крупных и весьма могущественных стран, не говоря уже об остальных, вынуждены приспосабливаться к реалиям глобальной экономики. Иными словами, мировое хозяйство в эпоху глобализации постепенно становится сильнее и значимее национальных хозяйств»¹. В основе рассуждений сторонников глобализационной парадигмы лежит следующий тезис: глобальная экономическая система, становление транснациональных корпораций в качестве основных акторов экономического процесса способствуют постепенной утрате государством контроля над своей территорией: в этой логике явление сепаратизма является следствием ослабления государств.

Действительно, глобализация понижает эффективность макроэкономической политики развитых государств, уменьшая способность национальных правительств собирать налоги и поддерживать социальный баланс в странах. Кроме того, процессы глобализации также вносят свою лепту в актуализацию национализма «крови и почвы»² как идеологической манифестации архаической связи индивида с родом³. В постмодерную эпоху глобальных коммуникаций и новых массовых миграций всплески националистических проявлений являются наиболее традиционной и потому законо-

¹ Шишков Ю. В. Мировое хозяйство // Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 615.

² Впервые появление понятия «крови и почвы» отмечено в вышедшей в 1922 году философской работе О. Шпенглера «Закат Европы», в которой говорится о «борьбе между кровью и почвой за внутреннее сложение (форму) взращенного (на этой почве) вида животных или человека». Затем оно используется А. Виннигом в своих книгах «Освобождение» (1926) и «Рейх как республика» (1928), которые начинались с тезы: Кровь и почва — это судьба народов. Лишь в 1930-м году теория «крови и почвы» сформировалась в определенную национал-социалистскую доктрину — в сочинении Рихарда Дарре «Новая аристократия из крови и почвы». В этой работе раскрывались связи между расовыми, хозяйственными и аграрно-политическими основами в идеологии национал-социалистов [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/>

³ Будин А.А. Роль гражданского общества в обеспечении этнополитической безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 4.

мерной идеологической реакцией массового сознания на тенденции кризиса идентичностей, ассоциирующихся, в частности, с принадлежностью индивида к определенному сообществу и месту проживания¹.

Таким образом, глобализационная парадигма открывает широкие перспективы научного исследования истоков сепаратизма. Вместе с тем, эта методология также не универсальна, что обуславливается целым рядом обстоятельств.

Во-первых, пока преждевременно говорить о том, что глобальная перспектива утраты национальными государственными экономиками суверенитета неизбежна. В настоящее время мировое сообщество озабочено поисками «разумных границ» глобализации в экономической сфере.

Во-вторых, есть возможность рассматривать и направления глобализации, и ее последствия как многозначные и вероятностные. При всей кажущейся методологической простоте данного подхода сохраняется вероятность, что вызовы глобализации несут в себе возможность своеобразных «ответов» со стороны культур и цивилизаций. К примеру, У. Бек допускает, что глобализация стимулирует активную политику национальных государств, которые могут одновременно и опираться на собственные традиции, и реализовывать возможности для подъема (и даже обновления) национальной экономики². Подтверждением обоснованности этих предположений являются, в частности, те ответы, которые дают на вызовы глобализации страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Кроме того, существуют политологические теории, являющиеся методологическим ответом на вызовы глобализации. Одна из них — концепция глобального гражданского общества («Global Civil Society»)³. По словам Э. Брандмана, «данная концепция развивает представление о глобализации как процессе, соединяющем, но не сливающим воедино рост глобального капитализма и становление глобальной гражданственности (или глобальной общественной

¹ Степаненко В. Гражданская нация в перспективе формирования гражданского общества в Украине // Гражданское общество: идея, наследие социализма и современная украинская реальность. Луганск, Женева, 2002. С. 176–204.

² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Территория будущего, 2007. 230 с. С. 144–170.

³ Global Civil Society: Yearbook 2001. Oxford, 2001. P. 4.

сферы)»¹. Методологическая значимость теории состоит в том, что она, как указывает видный британский социолог Э. Гидденс, устанавливает баланс двух процессов, происходящих во всем мире, — падения роли государства и резкого возвышения рынка.

Институциональный подход. В методологических пределах институциональной методологии исследования сепаратизм выступает как следствие оформления и начала самостоятельного функционирования региональных политических структур. По мере укрепления региональных административных структур, политических партий, общественных организаций и движений сепаратистские движения оказываются инструментами реализации политических интересов региональной элиты.

Институциональный подход методологически продуктивно сочленяется с модернизационным подходом: эмпирический анализ подтверждает, что региональные элиты укрепляются, а сепаратистские тенденции в регионах нарастают в условиях политических и экономических модернизаций. Причем все эти тенденции являются сложно детерминированными и взаимообуславливающими.

Таким образом, истоки природы сепаратизма сложны, его развитие детерминируется множеством факторов различного порядка. К их числу относятся природные, культурные, геополитические, политико-правовые, модернизационные, глобализационные, институциональные факторы.

Каждый из подходов оказывает определенное влияние на развитие сепаратизма, причем каждая из методологий выявления причин сепаратизма обладает значительным исследовательским потенциалом. Вместе с тем, в своем исследовании автор склонен ориентироваться на предостережение В. Тишкова, который подчеркивал, что на вопрос о том, откуда берется ксенофобия, есть несколько вариантов ответа. «Считается, например, что в природе человека заложено отторжение чужого: я могу состояться как „я” только потому, что я себя противопоставляю им — другим. И есть даже идеологическая основа, заложенная еще в ранней эволюции человека, откуда берется расизм, неприятие культурных, расовых и религиозных различий, <...> Однако современная наука говорит о том, что все гораз-

¹ Брандман Э.М. Глобализация: социокультурное измерение образовательного пространства. М.: Изд-во ГПИБ России, 2005. С. 43.

до сложнее <...> Поэтому нужно уметь расшифровывать не только корни, но и пути, маршруты» сепаратизма¹.

В качестве одного из таких маршрутов мы рассматриваем развитие кризиса государственности. Наша задача стоит в том, чтобы проследить, как в разломы, возникающие в монолите государственности, проникает сепаратизм и становится дополнительным фактором, расшатывающим ее. Следует также иметь в виду, что сепаратизм более чем какое-либо иное явление политической практики динамичен в своем развитии, поскольку характер и содержание процессов, реализующихся на его основе, зависит от конкретной ситуации.

Вместе с тем без выявления воздействия на сепаратистскую активность различных факторов, действующих во времени, без анализа роли того или иного процесса в «расширении» сепаратистской трещины, невозможно рассмотреть динамические аспекты сепаратизма и «вряд ли можно приблизиться к полноценному познанию современной российской реальности и прогнозированию развития событий»².

Остановимся подробнее на тех процессах в современном социально-политическом развитии нашей страны, которые выступают в качестве условий актуализации, то есть своего рода «катализаторов» по отношению к сепаратистским тенденциям. Это позволит увидеть, как в тех местах, где существуют корни (объективные факторы) развития сепаратизма, при возникновении условий (катализаторов) появляются и активно развиваются ростки сепаратистских движений. Так можно проследить «пути» и «маршруты» сепаратизма³.

К числу главных условий актуализации сепаратистских тенденций в современном российском обществе следует, на наш взгляд, отнести следующие:

1. Последствия глобального социально-экономического кризиса 2008–2013 года

¹ Тишков В.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь / авт.-сост. А.А. Чернобаев; под ред. В.А. Динеса. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2005. Т. 2 (М–Я). С. 405.

² Виноградов М., Ядыкин А. Сепаратизм в современной России // Со-Общение. 2003. № 3.

³ Тишков В. Ярославль 2009: [Актуальные комментарии] [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomrment.ru/theme/738/>

Согласно данным Госкомстата, уже в январе 2009 г. размер доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации значительно сократился по сравнению с январем 2008 года. Совокупный объем поступлений в бюджеты составил 296 млрд руб., то есть на 24% меньше, чем в январе 2008 года¹. Тенденции снижения доходов бюджета были отмечены в 79 регионах. При этом в 47 субъектах Российской Федерации доходы снизились более чем на 30%. Наиболее неблагоприятная экономическая ситуация сложилась в республиках Калмыкия, Карелия, Коми, Саха, Татарстан, Забайкальском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Еврейской автономной области и некоторых других.

Экономический кризис в регионах усугубился тем, что выплаты из федерального бюджета по ряду социальных статей на 2010 год были приостановлены, а нагрузки по осуществлению социально ориентированных расходов «переложены» с федерального бюджета на региональные. В структуре бюджетных расходов большинства регионов большая часть приходится на расходы на оплату труда и начисления. Поэтому экономические проблемы вызвали негативные социальные последствия: региональные бюджеты оказались «под гнетом» неподъемной нагрузки, региональные власти не справились с реализацией социально ориентированных программ, что негативно сказалось на социальной обстановке в регионах.

Дефицитность бюджетов, снижение оплаты труда, невыплаты зарплат и социальных начислений, инфляция² привели к тому, что в январе-сентябре 2009 г. в 60 регионах значительно сократились реальные доходы населения. Более чем на 10% (по сравнению с тем же периодом 2008 года) доходы населения уменьшились в Республиках Алтай и Ингушетия, Рязанской, Ивановской, Ярославской, Вологодской, Орловской, Омской, Кемеровской, Томской, Сахалинской областях, Ямало-Ненецком автономном округе.

Ситуация в социальной сфере усугубилась ростом безработицы. В декабре 2009 г. уровень безработицы в России составлял 8,2%,

¹ Бухарова О. Группа риска: Минрегионразвития представило результаты мониторинга страны // Российская Бизнес-газета. 2009. № 694. 24 марта.

² Делягин М. Инфляции — это удар по бедным и среднему классу [Электронный ресурс]. URL: www.k2kapital.com

а число безработных доходило до 6,17 млн человек. По сравнению с 2009 годом число безработных в абсолютном исчислении выросло на 670 тыс. (+10,8%). Показатель в годовом исчислении вырос на 5,2%. Опасной тенденцией является то, что в регионах с высоким сепаратистским потенциалом уровень безработицы особенно высок. Так, в Ингушетии безработными являются 25% работоспособного населения.

В настоящее время в большинстве субъектов федерации бюджетные доходы регионов и реальные доходы населения продолжают снижаться, безработица — расти, что приводит к ухудшению социальной обстановки, росту социального недовольства и увеличивает опасность перехода кризиса из социально-экономического поля в политическое.

Представители федеральной и региональных властей заверяют население в эффективности предпринимаемых правительствами антикризисных мер. Однако граждане не склонны верить, что кризис идет на спад: 66% россиян оценивают нынешнее состояние российской экономики как плохое¹. Оптимистический настрой властей относительно окончания кризиса разделяет менее 20% населения, зато 75%² респондентов настроены пессимистично и даже скептически. Согласно данным ВЦИОМ, 84% российских граждан определяют ситуацию в стране как нестабильную, а 15% респондентов оценивают свои возможности адаптации к кризису как низкие. Растет и социальное недовольство: так, согласно данным Фонда «Общественное мнение», 15% россиян оценивают протестные настроения в своем регионе как высокие³.

Причем наиболее взрывоопасными, по мнению экспертов, считаются регионы со значительным сепаратистским потенциалом: Дальний Восток, Сибирь, национальные республики — в первую очередь, северокавказские.

В начале 2010 г. по России уже прокатилась волна социально-политического протеста: в Калининграде, Самаре, Иркутске, Архангельске прошли массовые митинги. В ходе митингов выражалось недовольство действиями органов федеральной и региональной

¹ Фонд «Общественное мнение». Экономический кризис превратил россиян в пессимистов [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/>

² Там же.

³ Там же.

власти и выдвигались требования отставки губернаторов областей, региональных и федерального правительства.

Высокий уровень протестных настроений наблюдается на Дальнем Востоке и в Сибири. Неконвенциональный потенциал политического поведения населения Дальнего Востока усиливается за счет относительно высокой степени независимости общественного мнения в дальневосточных регионах и неприятия их жителями политики федеральных властей. Социальное возмущение федеральной политикой в этих регионах обострилось после повышения пошлин на ввоз машин-иномарок, а также пошлин на вывоз необработанного леса. Эти решения, принятые в Москве, оставили без работы, средств передвижения и практически без средств к существованию значительную часть жителей этих регионов. Не просто несогласное, а именно протестное отношение населения к принятым решениям, в частности, показывает опрос общественного мнения, проведенный в Иркутске. 67,6% респондентов, отвечавших на вопрос: «Куда переселиться любителям японских автомобилей после ввода таможенных пошлин?», из шести предложенных вариантов ответов выбрали самый радикальный: «В танк, и на нем в Кремль»¹.

В Сибири экономический фактор является ключевым условием нарастания сепаратистских настроений². Политическая элита и граждане, разделяющие сепаратистские взгляды, утверждают, что «Москва толкает... к сепаратистским действиям»³. Они обращаются к аргументу, что федеральное правительство ведет колониальную политику по отношению к сибирскому региону. Основания для таких утверждений, строго говоря, существуют, если принять во внимание соотношение экономического потенциала (природных ресурсов, производимой продукции) Сибири и уровня жизни сибиряков. Таким образом, сторонники сибирского сепаратизма имеют формальные поводы для провокационных заявлений, что «восточные территории России давно стали объектом нещадной эксплуатации и получения прибыли в интересах других

¹ Архив голосований // РИЦ. Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.babr.ru/>

² Аваков А.И. Сибирь и Дальний Восток: проблемы регионального развития и пути их решения // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 1. URL: http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2013_1/stati/politologiya/avakov.html

³ Архив голосований // РИЦ. Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.babr.ru/>

территорий и групп населения», и констатировать, что «за последние десять-пятнадцать лет контраст стал еще резче»¹. Поэтому закономерно, что, согласно данным опросов, сепаратистская идеология пользуется популярностью среди населения: в настоящее время, к примеру, значительная часть иркутян (25,7%) наиболее выгодным для Иркутской области считает существование в форме самостоятельного государства².

Нет оснований рассматривать Сибирский и Дальневосточный очаги сепаратизма как угрожающие внутривнутриполитической безопасности России. Сегодня речь идет скорее о попытках заявить о проблемах регионов с использованием сепаратистской риторики, своего рода политического шантажа. Однако — с учетом бедственного экономического положения региона — существует угроза разрастания сибирского и дальневосточного сепаратизма до реальной стратегии политического поведения элиты и масс.

Опасность дестабилизации политической обстановки в условиях экономического кризиса осознается субъектами принятия управленческих решений на федеральном уровне. Поэтому в настоящее время определенные меры экономической политики государства нацелены на снижение разбалансировки уровня доходов между регионами и смягчение социальных последствий кризиса. Однако, с точки зрения предотвращения опасности разрастания сепаратизма, эти меры пока недостаточно эффективны. Национальные автономии Кавказа, Поволжья и Крайнего Севера остаются территориями, на которых риск эскалации политической напряженности особенно велик.

Таким образом, можно констатировать, что социально-экономический кризис является ключевым условием актуализации сепаратизма. Социальное недовольство, вызванное экономическим кризисом и усиленное неэффективной антикризисной политикой федеральных властей, трансформируясь в социально-политический протест, при подпитке сепаратистской идеологией может реализоваться в неконвенциональном политическом поведении, ориентированном на реализацию сепаратистских стратегий.

¹ Пронин Ю. Государство Сибирь: факт или химера? // Байкальские вести. 2005. 10 сент.

² Архив голосований // РИЦ. Сибирь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.babr.ru/>

2. Следующее условие актуализации сепаратизма — *развитие негативных тенденций в этнополитической сфере.*

В настоящее время этнополитические процессы в России характеризуются появлением и развитием ряда тревожных тенденций, создающих почву для развития ростков этносепаратизма. К числу этих тенденций, в частности, относятся следующие:

- рост этнического самосознания большинства народов;
- повышение «удельного веса» в структуре этнического сознания большинства народов этнических предрассудков и стереотипов, имеющих историческое или псевдоисторическое происхождение и искусственно формируемых и поддерживаемых этническими антрепренерами¹;
- уменьшение «удельного веса» русского населения в демографической структуре населения федерации и различных регионов;
- рост популярности, в том числе, в среде руководящей политической элиты, русского национализма в качестве потенциальной государственной идеологии;
- рост расхождений в культурном, этнодемографическом, религиозном развитии российских этносов и народностей;
- рост этнофобий, особенно в отношении к иноэтническим мигрантам;
- ограниченность форм межэтнической кооперации только сферой рыночной экономики;
- активизация деятельности и рост популярности религиозных организаций, в том числе, радикально ориентированных;
- актуализация негативной исторической памяти народов, подвергшихся порабощению, оккупации и политическим репрессиям по этнонациональному признаку и др.

Каждая из этих тенденций требует отдельного анализа, поскольку обусловлена рядом причин и развивается по собственным закономерностям. Каждую из них можно рассматривать как условие актуализации этносепаратизма. Соответственно, все они в системном единстве являются мощным фактором дестабилизации этнополитической обстановки и эффективным «удобрением» для развития ростков этносепаратизма.

¹ Шаколюкова В.Д. Национальное самосознание как фактор развития межнациональных отношений в постсоветской России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 21.

Дестабилизирующая роль этих тенденций усиливается из-за действия другого, не менее важного условия актуализации сепаратизма, лежащего вне сферы этнополитических процессов, а именно — *активизации региональных политических элит*. Мы солидарны с Э. Паиным в видении одной из главных причин развития сепаратизма в том, что в условиях, когда Россия дрейфует в потоке стереотипов, захлестывающих общество, «множество политиков пытается играть на негативных этнических стереотипах»¹. Именно поэтому «наибольшая угроза обществу ныне представлена не столько фанатичным экстремизмом масс, сколько прагматичной радикальностью элит»².

Сегодня в сепаратистских регионах отмечается использование политическими элитами всех известных стратегий воздействия на общественное мнение: в диапазоне от популизма, элитизма и консерватизма до национализма, ксенофобии и сепаратистской риторики³. Каждая из стратегий, используемая региональными элитами для повышения уровня своей легитимности, является одновременно стратегией расшатывания легитимности государственной власти, следовательно, фактором актуализации сепаратизма в субъектах федерации. Стратегии региональных политических элит как условие расшатывания устоев российской государственности будут проанализированы более подробно во 2-й главе работы.

Таким образом, к числу ключевых условий актуализации сепаратистских тенденций в современном российском социуме относятся следующие:

1. Социально-экономический кризис, социально-политические последствия (2008–2014 гг.) которого усугубляются неэффективностью антикризисной политики, осуществляемой органами государственной власти и управления.

2. Развитие негативных тенденций в этнополитической сфере: рост этнического самосознания большинства народов и повышение в его структуре «удельного веса» этнических предрассудков, стереотипов, этнофобий, негативной исторической памяти и т.д.,

¹ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 206.

² Там же. С. 206.

³ Нигматуллина Т.А. Национальная политика России: субфедеральный уровень // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 2 (44).

которые являются мощным фактором дестабилизации этнополитической обстановки и эффективным «удобрением» для развития ростков этносепаратизма.

3. Активизация региональных политических элит, прагматично спекулирующих этническими предрассудками и социальным недовольством с целью повышения своей популярности и расшатывания устоев легитимности центральной власти.

Глава II

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ СЕПАРАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Приднестровский кризис и сепаратизм в Республике Молдова

После распада СССР Молдавия, обретя статус суверенного государства, практически сразу столкнулась с проблемой сепаратизма, причем одновременно в двух регионах — Гагаузии и Приднестровье. В то же время следует признать, что к настоящему времени «если на приднестровском направлении негибкая и зачастую неразумная политика официального Кишинева привела к «замораживанию» конфликта при полном отсутствии каких-либо ясных и обнадеживающих перспектив его «размораживания» и благополучного урегулирования, то на гагаузском направлении, напротив, имели место обнадеживающие тенденции и добрые подвижки¹.

Особенностью приднестровского конфликта является то, что, в отличие, например, от абхазского или юго-осетинского, здесь в качестве основных противоречий, приведших к сепаратизму, нельзя говорить исключительно о межэтническом и межконфессиональном противостоянии, поскольку он включает в себя идентичностный, статусный и территориальный элементы. Приднестровье заселено тремя крупными национальными группами: русскими, украинцами и молдаванами, каждая из которых составляет почти треть населения, а также болгарами, белорусами, гагаузами, евреями и немцами.² В начале 1990-х годов — в период формирования

¹ Андриевский В. Что в Европе — автономия, в Молдавии — «сепаратизм» // Единая Гагаузия. 2007. 10 окт.

² Статистический сборник Государственной службы статистики министерства экономики Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2000. С. 16.

Республики Молдова как национального государства — активное развитие получила идея румынизации.¹

В противостоянии поглощению румынской культурой, чуждой большинству жителей приднестровского региона, произошло основанное на советской идентичности сплочение полиэтнического населения Приднестровья. Позже параллельно с формированием приднестровской государственности зарождалась и приднестровская идентичность. Наряду с этим, в приднестровском сепаратизме в концентрированном виде присутствуют практически все черты, свойственные другим видам сепаратизма на постсоветском пространстве. Многослойность структуры данного сепаратизма затрудняет процесс его урегулирования.

Само начало сепаратизму было положено в конце 80-х годов прошлого века. В мае 1989 г. на съезде гагаузов — представителей тюркоязычной национальности православного вероисповедания, компактно проживающих на юге Молдавии, — посредством объединения четырех национальных движений был сформирован «Гагауз Халкы» — общегагаузский политический блок. В том же году на Съезде народных депутатов СССР впервые на всесоюзном уровне было официально заявлено о стремлении гагаузов к автономизации. По окончании съезда была образована комиссия Президиума Верховного Совета Молдавской ССР: перед ней была поставлена задача всестороннего изучения вопроса о необходимости и целесообразности предоставления гагаузам статуса автономии.

Однако работа комиссии не могла увенчаться успехом в условиях республиканского и всесоюзного политического кризиса. В 1989–1990-х годах уровень легитимности партийного руководства Молдавии очень быстро и неуклонно снижался. Одновременно росла популярность националистически ориентированного «Народного фронта» леворадикальной организации, созданной в мае 1989 года. Народным фронтом были организованы массовые забастовки и де-

¹ См., напр.: Андриевский В. Объединение Молдовы и Румынии: иллюзии и реальности // Сайт проекта «Политическая экспертная сеть Кремль.Орг». URL: <http://www.kreml.org/opinions/159576226?mode=print>; О Декларации о независимости Республики Молдова: Закон Республики Молдова от 27.08.1991 № 691 [Электронный ресурс]. URL: http://old.justice.md/lex/document_rus.php?id=5CB608D4:BB9C51A4; Селиванова И.Ф. Политическая система непризнанного государства — Приднестровской Молдавской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/nauchnie_tetrady/01/5.pdf

монстрации под националистскими лозунгами, в ходе которых выдвигались требования политической и экономической самостоятельности Молдавии. На первых независимых выборах в Верховный Совет Молдавской ССР, проведенных 25 февраля 1990 г., сторонники Народного фронта одержали убедительную победу, что позволило им в последующие четыре года определять вектор политики Молдавии¹. Руководство Молдавской республики, чтобы сохранить власть, стало во главе националистических политических сил.

Сецессионистские цели политического класса Молдавии довольно быстро трансформировались в ирредентистские: националистские лозунги Народного фронта: «Молдавия — молдаванам!», сменились требованиями выхода Молдавии из состава СССР и присоединения к Румынии. Руководство республики, будучи увлеченным прорумынскими ирредентистскими устремлениями, игнорировало автономистское движение — вопрос об образовании гагаузской автономии оставался не решенным, несмотря на то что политические лидеры гагаузов требовали решения проблемы от руководства республики и различных согласительных комиссий. Поэтому противоречия между республиканским центром, с одной стороны, и Гагаузией — с другой, лишь нарастали.

Ключевым фактором обострения противоречий между Гагаузией и республиканским центром было то, что праворадикальная ориентированность республиканской политики противоречила устремлениям политических классов Гагаузии и Приднестровья, которые заявляли о нежелании поддерживать прорумынский ирредентизм. Среди населения Гагаузии и Приднестровья ультра национализм, набиравший все больше сторонников в центральных районах Молдавии, также не находил поддержки. Прорумынские националистические лозунги республиканских властей лишь раздражали граждан этих регионов, тогда как антинационалистическая риторика политической элиты Гагаузии и Приднестровья находила всеобщее понимание и приводила к росту авторитета политических лидеров, возглавлявших автономистские движения.

Несмотря на протест со стороны населения Гагаузии и Приднестровья, развитие республиканского молдавского национализ-

¹ История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. 2-е изд., перераб. и доп. / Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Кишинев.: Elan Poligraf, 2002. С. 165–168.

ма прошло правовую и политическую «точку невозврата». В июне 1990 г. Парламентом ССР Молдова было принято Постановление об утверждении «Заключения по пакту Молотова — Риббентропа», которое объявляло Бессарабию и Буковину «оккупированными румынскими территориями», а закон СССР «Об образовании Молдавской ССР» от 2 августа 1940 г. был признан незаконным и недействительным. Тем самым Молдавская ССР, преобразованная перед этим в ССР Молдова, «упразднила» саму себя. В июле Народный фронт выступил с требованием о переименовании Молдавии в Румынскую Республику Молдова.

Несогласие политических лидеров и населения Гагаузии и Приднестровья с прорумынской политикой республики, решительно артикулированной в действиях республиканских органов власти, привели к их делегитимации в политическом поле автономистских регионов. В результате, в республиках требования автономии трансформировались в сепаратистские движения. Таким образом, в Гагаузии *автономизм превратился в сепаратизм в результате взаимодействия двух основных факторов:*

1. Игнорирования автономистского движения республиканскими властями.

2. Несогласия местной элиты и местного населения с взятым властями Молдавской ССР курсом на объединение с Румынией.

На нижней точке падения популярности республиканской политики и авторитета республиканской власти в Приднестровье и Гагаузии прошли «сепаратные» референдумы по вопросам функционирования языков. По результатам гагаузского референдума официальными языками Гагаузии были объявлены молдавский, гагаузский и русский. Вслед за этим Приднестровье и Гагаузия объявили о создании собственных государственных образований в составе СССР. Гагаузская Автономная Советская Социалистическая Республика со столицей в Комрате была провозглашена на первом съезде народных депутатов всех уровней от территорий компактного проживания гагаузского народа 19 августа 1990 года. На съезде была принята Декларация о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова и назначены выборы в органы власти самопровозглашенной республики.

Гагаузская республика не была признана республиканскими и союзными органами власти. Политическое руководство Молдавии, не имевшее ни поддержки гагаузского населения, ни автори-

тета в политических кругах Гагаузии, не проявляло политической гибкости и не предпринимало попыток налаживания конструктивного диалога с лидерами сепаратистского региона: в качестве метода урегулирования ситуации было избрано принуждение. «На Гагаузской Республике молдавское руководство впервые решило попробовать силу, а заодно и проверить реакцию союзного центра на возможность силового решения назревших конфликтов»¹.

Для подавления сепаратистского движения из республиканского центра в Гагаузию были направлены добровольцы Народного фронта Молдавии, румынские волонтеры, а также отряды республиканской милиции. Идеологом силового подавления сепаратизма был М. Друк, занимавший должность премьер-министра Молдавии и являвшийся одним из лидеров праворадикального Народного фронта. Официальным поводом организации «похода» добровольцев была необходимость помешать проведению незаконных выборов в органы власти самопровозглашенной республики. Силловые действия повлекли за собой жертвы среди гагаузского населения. Массовых жертв и дальнейшей эскалации насилия удалось избежать благодаря вмешательству частей специального назначения Советской Армии, выступивших в качестве миротворцев². Несмотря на начало вооруженного противостояния сепаратистов и поддерживавших их добровольцев из Приднестровья, с одной стороны, и республиканских сил и румынских волонтеров — с другой, выборы в органы власти самопровозглашенной Гагаузской республики состоялись. Первым Президентом Гагаузской республики по результатам выборов 1 декабря 1990 года стал С.М. Топал³.

1991 год ознаменовал собой пик кризиса Советской государственности на территории Молдавии. Руководство республики отказалось от участия Молдавии в референдуме о сохранении СССР: центральные республиканские комиссии по проведению референдума не были созданы. 27 августа 1991 г. Парламентом Республики

¹ Андриевский В. Что в Европе — автономия, в Молдавии — «сепаратизм» // Единая Гагаузия. 2007. 10 окт.

² История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. 2-е изд., перераб. и доп. / Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску-Спэтару. Кишинев: Elan Poligraf, 2002. С. 165–170.

³ Там же. С. 190–193.

Молдова была принята Декларация о независимости Республики Молдова. Вместе с тем граждане самопровозглашенных Гагаузской и Приднестровской республик приняли участие в референдуме 17 марта 1991 г., причем более 90% выразивших свою волю граждан этих республик проголосовали за сохранение СССР.

Таким образом, к середине 1991 г. политики самопровозглашенных республик и руководства Республики Молдавия оказались контрнаправленными. Гагаузия стремилась к независимости от Молдавии, но сохранению советской государственности и юрисдикции, а политический класс Молдавии был нацелен на ее выход из состава СССР и распространение на Гагаузию и Приднестровье суверенитета Молдавии.

В целях реализации этой политики руководством Молдавии прежде всего был активизирован ресурс юридического принуждения: летом 1991 г. была распущена Компартия Молдавии, арестована часть депутатов Верховного и местных советов Приднестровья, а затем политические лидеры Приднестровья и Гагаузии. Следует подчеркнуть, что это произошло сразу после августовских событий 1991 года в Москве, решивших политическую судьбу Советского Союза и в значительной степени наметивших развитие постсоветской России и других государств постсоветского пространства. Фактически августовский путч конституировал ликвидацию легитимности советского руководства, олицетворяемого Горбачевым, и падение институциональной советской государственности. Соответственно, с конца августа 1991 г. руководство Молдавии принимало самостоятельные решения, на содержание которых уже не влияла политическая воля руководства Советского Союза, несмотря на то что юридически Россия признала независимость Молдавии лишь 18 декабря 1991 года.

Таким образом, подписание и ратификация Беловежских соглашений, признание Россией и Украиной независимости Молдавии и подписание Президентом Молдавии 21 декабря 1991 г. договора о вступлении Молдавии в СНГ лишь юридически зафиксировали существование Молдавии как суверенного государства. Фактически же в 1991 году руководство республики уже действовало самостоятельно, рассматривая сепаратизм как внутриреспубликанскую проблему.

Однако политическая власть Республики Молдова к 1991 году не обладала ни экономическими, ни правовыми ресурсами, ни ре-

сурсами легитимности для подавления сепаратизма в Приднестровье и Гагаузии. Поэтому осенью 1991 г. политическим руководством страны было принято решение о применении на территории Приднестровья военной силы — внутренних войск Молдавии: было предпринято несколько попыток вооруженного вторжения в Дубоссары — столицу Приднестровья.

В течение зимы 1991–1992 гг. Приднестровский вооруженный конфликт разрастался: весной 1992 г. он приобрел форму полномасштабных боевых действий между вооруженными силами и полицией Молдавии, с одной стороны, и Приднестровской армией — с другой. К лету 1992 г. в результате кровопролитных боев на территории Приднестровья с обеих сторон погибло более тысячи человек, в том числе около 400 мирных жителей. Конец боевым действиям был положен 21 июля 1992 г. подписанием президентами Молдовы и России в присутствии Президента Приднестровья «Соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова».

В ходе Приднестровской войны органами государственной власти Молдовы была продемонстрирована их несостоятельность в силовом урегулировании сепаратистского конфликта. Подписание «Соглашения о принципах мирного урегулирования» зафиксировало исчерпание принудительного ресурса преодоления сепаратизма.

Девальвация принуждения сыграла свою положительную роль в урегулировании Молдавско-Гагаузских отношений. Конфликт в Приднестровье привел к падению авторитета той части политической элиты Молдавии, которая выступала за применение силовых методов борьбы с сепаратизмом. Глава правительства Молдавии и министр обороны ушли в отставку. Кадровые перемены в Правительстве зафиксировали падение авторитета националистических сил, в частности Народного фронта, которые олицетворяли эти политические фигуры. На фоне падения легитимности праворадикальных националистов росла популярность аграрной и коммунистической партий Молдавии.

Таким образом, именно неудавшаяся контрсепаратистская военная операция вооруженных сил Молдавии на территории Приднестровья привела к тому, что в Молдавии произошла перегруппировка политических сил. В ходе парламентских выборов 1994 года

национальные (прорумынские) партии потерпели серьезное поражение, а аграрная партия и социалистический блок получили большинство голосов. После выборов новым политическим классом Молдавии была проявлена политическая воля и предприняты решительные шаги по урегулированию политической ситуации в сепаратистских регионах. Таким образом, дискредитация молдавского национализма дала возможность политическим силам и лидерам, которые пришли к власти, «озаботиться» гагаузской проблемой. Ими была продемонстрирована способность «самостоятельно и нешаблонно мыслить, объективно анализировать ситуацию и принимать стратегически важные решения»¹.

В итоге к концу 1994 г., *благодаря укреплению Молдавской государственности, отказу государства от прорумынской политики, от силовых методов урегулирования сепаратистских конфликтов, был достигнут существенный прогресс в сфере преодоления сепаратизма*. В соответствии со ст. 111 принятой в 1994 году Конституции Молдавии, Гагаузия сохранилась как «неотъемлемая часть Республики Молдова», но стала «автономно-территориальным образованием с особым статусом» и «формой самоопределения гагаузов»². Гагаузия получила право «самостоятельно, в пределах своей компетенции, в соответствии с положениями Конституции Республики Молдова, решать вопросы политического, экономического и культурного характера в интересах всего населения»³.

В течение 1994 года шла работа над законом, закрепляющим правовой статус Гагаузии. Для написания законопроекта весной 1994 г. была создана межпарламентская рабочая комиссия Молдовы и Гагаузии. Проект закона был готов к лету 1994 года, затем обсужден на встречах Президента Гагаузской Республики С.М. Топала и Председателя Верховного совета Гагаузии М.В. Кендигеляна с Президентом Молдовы М. Снегуром и Председателем Парламента П. Лучинским. Закон Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» был принят Парламентом Молдо-

¹ Андриевский В. Что в Европе — автономия, в Молдавии — «сепаратизм» // Единица Гагаузия. 2007. 10 окт.

² Конституция Республики Молдовы от 29 июля 1994 г. // Конституции государств. Европы. М.: НОРМА, 2001. С. 43.

³ Там же.

вы 23 декабря 1994 года. Особую роль в его принятии сыграл авторитет президента Молдавии М. Снегура, подкрепленный широкими президентскими полномочиями. Президентом было сделано официальное заявление в Парламенте о намерении создать автономию прямым президентским указом в том случае, если Парламент не примет законопроект.

В Законе о статусе Гагаузии были определены компетенция и полномочия органов власти автономии, содержание и объем которых удовлетворили политический класс и население Гагаузии. Поэтому принятием Закона конституировано достижение консенсуса между автономистской Гагаузией и Молдавским государством.

Важно отметить, что в Законе «Об особом правовом статусе Гагаузии» зафиксировано отрицательное и «потенциально неконвенциональное» политическое отношение населения и политической элиты Гагаузии к возможным колебаниям государственной политики Молдавии в сторону воссоединения с Румынией. Согласно ст. 1 Закона, «в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства, народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение»¹. Эта статья была включена в текст Закона, несмотря на протест националистических политических сил. Таким образом, население Гагаузии получило правовую гарантию того, что территория автономии не станет частью Румынии. В настоящее время это положение Устава продолжает оставаться «правовым поводом» для эскалации сепаратизма в автономии, особенно в последние годы, когда в Молдове вновь отмечается заметный рост прорумынских тенденций.

Что касается содержания достигнутого консенсуса, мы согласны с В. Андриевским, который пишет о том, что «можно по-разному оценивать степень тех автономных прав и свобод, которые получил от Кишинева в 1994 году Комрат», «поскольку с позиции большей части гагаузского общества, получили гагаузы слишком мало, Кишинев, напротив, считает, что дал гагаузам слишком много, а потому кое-что можно «подсократить» или вообще отобрать». Выводы аналитика о том, что «конфликт интересов между Комратом и Кишиневом еще далеко не преодолен» и что «сохра-

¹ Закон Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» // Официальный сайт Гагаузии. URL: www.gagauzia.md

няется не только напряженность в отношениях автономии с метрополией, но и опасность их нового обострения»¹, также не вызывают возражений. Окончательному урегулированию проблемы Гагаузского сепаратизма объективно препятствуют следующие обстоятельства:

- Гагаузская автономия в условиях острых экономических и социальных кризисов активно ищет помощи и поддержки не столько у политической власти Молдавии, сколько у других государств, в частности, у России и Турции, что создает геополитические предпосылки для актуализации сепаратизма;

- в последние годы в условиях социально-экономического кризиса, против которого Правительство Молдавии бессильно, в стране наблюдается значительный рост прорумынских настроений. Это позволяет сделать вывод о несостоятельности политики «молдовенизма», примененной в качестве официальной идеологии коммунистического правительства в сфере регулирования межнациональных отношений в Молдавии² и недостижимости внутримолдавского межнационального и межрегионального консенсуса на основе этой идеологии;

- Гагаузия была «урезана» в автономных правах и полномочиях решением Конституционного суда Молдавии, постановившего, что Уложение (Конституция) Гагауз-Ери противоречит молдавской Конституции;

- лидеры Приднестровья придерживаются позиции, что права и полномочия Гагаузской автономии незначительны, и выражают протест против использования Гагаузского опыта для решения Приднестровской проблемы. Это дает повод предполагать, что в случае, если Приднестровье получит от Молдавского государства более широкие права и полномочия, чем АТО Гагауз Ери, в Гагаузии, в свою очередь, вспыхнет новая волна сепаратизма, что в лучшем случае принудит власти Молдавии пойти на очередные уступки.

Вместе с тем следует признать, что проявленная в 1994 году заинтересованность органов государственной власти в разрешении

¹ Андриевский В. Ключи к решению приднестровской проблемы находятся в Гагаузии? [Электронный ресурс]. URL: kreml.org

² Цэрану А. Треть населения Молдавии настроена прорумынски // РИА «Днестр». 2010. 2 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://dniester.ru/>

сепаратистской проблемы, будучи артикулированной в законодательной воле, нашла свое отражение и в политической ситуации в Молдове. Уже 29 декабря 1994 г. в Комрате впервые прозвучал гимн Молдавии, а над зданием исполкома были подняты ее флаг и герб. В 1995 году состоялись выборы депутатов Народного собрания и башкана (главы) Гагаузии, в 1998 г. принято Уложение (Конституция) Гагаузской автономии.

Гагаузская автономия в 2013 году отметила 15-летие. Все это время на основе широких полномочий в политической, экономической и культурной сферах автономия развивается как часть Молдавского государства. Противоречия разрешаются исключительно в правовом поле и в рамках полномочий и компетенции органов государственной власти и власти автономии.

Это дает поводы высказывать осторожные предположения, что «решение гагаузской проблемы могло стать хорошим примером для урегулирования подобных конфликтов на постсоветском пространстве и в других регионах Европы» и что «следует считать не только досадным упущением, но и стратегической ошибкой Кишинева, потому что сегодня, в его ожесточенной и пока безуспешной дискуссии с Тирасполем о будущем статусе Приднестровья в составе единого государства, ссылки на успешный пример Гагаузии могли бы сыграть решающую роль». В любом случае события начала 90-х годов показали, что автономистское движение может трансформироваться в сепаратистское в условиях кризиса государственности и политическое противостояние и эскалация насилия не являются эффективным способом разрешения сепаратистской проблемы. Напротив, предоставление Гагаузии статуса и полномочий автономии на основе взаимных уступок и в ходе процесса согласования интересов не только позволило избежать кровопролития и преодолеть сепаратизм, но и способствовало укреплению молдавской государственности.

Следует особо отметить, что 2 февраля 2014 г. прошел местный консультативный референдум о вступлении Республики Молдова в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана на территории Гагаузской автономии. Во время народного голосования 98,09% избирателей проголосовали за выход Гагаузии из Молдавии. Однако в Кишиневе этот референдум называли незаконным. Российский вице-премьер Д. Рогозин прокомментировал референдум о геополитическом векторе Молдовы и об отложенном статусе Гагаузии

следующим образом: «Референдум в автономной Гагаузии состоялся с беспрецедентной явкой. Молдавские евроинтеграторы в бешенстве. Подождем итогов и тогда поймем, что так обеспокоило официальный Кишинев»¹. В качестве контрмеры кишиневским руководством был принят закон, согласно которому в пределах страны нельзя проводить плебисциты, касающиеся национальных интересов страны².

Вместе с тем результаты данного референдума мотивировали жителей Гагаузии к новым политическим действиям. В социальных сетях появилось Обращение политика Л. Доброва, в котором выдвигаются новые политические требования: «1. Статус Органического Закона Республики Молдавия «Об особом правовом статусе Гагауз Ери» от 23 декабря 1994 г. не будет поднят до уровня Конституционного Закона на основании положительных результатов Референдума в Гагаузии от 2 февраля 2014 года. 2. Все Законодательство Республики Молдавия не будет приведено в соответствии со статусом Гагауз Ери, включая ст. 18 Закона о Гагаузии, где говорится, что все 100% налогов остаются в Гагаузии и лишь потом Гагаузия перечисляет в бюджет Республики Молдавия 5% от всех видов налогов, а это, по подсчетам специалистов, не менее 3 млрд руб. в год. 3. В Парламенте Республики Молдавия и во всех структурах Правительства Республики Молдавия законодательно должна быть оговорена квота для АТО Гагаузии в количестве 5% (население Гагаузии составляет около 5% от населения Молдовы)»³.

Далее Л. Добров отмечает: «Если же все три вышеизложенных пункта наших предложений не будут учтены и реализованы в ближайшее время, до парламентских выборов Республики Молдавия, то общественность Гагаузии в лице Комитета спасения Гагаузии сможет убедить все руководство Гагаузии о полном бойкоте (неучастии) АТО Гагаузия на очередных выборах страны. В случае отказа в реализации вышеизложенных трех пунктов в кратчайшее время, а также опираясь на результаты Референдума от 2 февраля 2014 г. «Об отложенном статусе Гагаузии», общественность вправе поднять вопрос о целесообразности проведения в 2015 году еще одного Референдума по вопросу об отделении Гагаузии от Молдовы, если

¹ URL: <http://vfokuse.md/news/index.php?newsid=4543>

² URL: <http://www.allmoldova.com/moldova-news/1249094980.html>

³ URL: <http://www.kp.md/daily/26190.2/3078081>

к тому времени не будет реализован в Молдове план Д. Козака о федерализации страны с участием трех субъектов Федерации (Молдова, Приднестровье, Гагаузия), где 70% всех без исключения налогов, включая таможенные сборы, должны будут оставаться в местных Советах и примариях, 25% — у региональных властей, и лишь 5% всех налогов передаются центральным властям Молдовы (чтобы не создавать большого повода для коррупции)»¹.

С. Маркедонов отмечает: «Гагаузский референдум (а в более широком контексте проблема Молдовы и ее выбора), как ранее истории с Украиной, Грузией, Арменией, Азербайджаном и Белоруссией, показал, что «восточная политика» ЕС не будет и просто не может быть триумфальным шествием «европейских ценностей». Слишком разное понимание вкладывают в них и рядовые граждане и элиты стран с несформировавшейся до конца политической и гражданской идентичностью. И далеко не все видят в присоединении к Евросоюзу триумф демократии и равных возможностей для всех. Кто-то ожидает от такой перспективы высоких социальных издержек, проблем для безопасности и угроз для сохранения своей этнической или региональной идентичности. И не считаться с этим, следуя упрощенной прогрессистской модели «научного демократизма», — значит заведомо дискредитировать саму идею европейского выбора»². И с ученым действительно трудно не согласиться.

Вместе с тем сегодня в среде политологов можно услышать нелицеприятные упреки Российской Федерации в разжигании новых сепаратистских угроз в Республике Молдавия. «Вполне возможно, что Республике Молдова снова придется испытать на себе давление со стороны Российской Федерации, которое имело место до Вильнюсского саммита», — отмечает европарламентарий Г. Уотсон³.

На Западе имеются и более радикальные высказывания по поводу участия России в институционализации сепаратистских тенденций в Республике Молдова. Так, Госсекретарь США Д. Керри в одном из интервью отметил, что США будут выделены деньги

¹ URL: <http://www.kp.md/daily/26190.2/3078081>

² Маркедонов С. Референдум в Гагаузии: что в итоге? // Новая Евразия [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2014/02/05/референдум-в-гагаузии-что-в-итоге>

³ URL: http://www.noi.md/ru/news_id/32834

Молдове для поддержки усилий страны в области повышения конкурентоспособности, которая является ключом к росту бизнес-среды и экономики. Заявление Джона Керри было сделано в контексте кризиса на Украине и напряженной ситуации на Крымском полуострове. «Я с сожалением констатирую, что Россия оказывает давление на Молдову на фоне проблем на Украине. Речь идет о вопросах, связанных с их энергетическими ресурсами и товарооборотом. Мы твердо поддерживаем направление, которое выбрали для себя граждане Молдовы и по которому их правительство решило двигаться», — заявил госсекретарь США Джон Керри¹.

Имеются и противоположные позиции по обозначенной проблематике. Лидер общественного движения «Родина — Евразийский Союз» И. Тулянцеv в одном из своих выступлений выразил крайнюю озабоченность и обоснованное возмущение грубым вмешательством центральных властей Молдовы в дела АТО Гагаузия, связанные с открытыми попытками помешать проведению на территории автономии консультативного референдума по вопросу определения мнения гагаузского народа относительно членства в Таможенном союзе. «Центральная власть своими действиями, по сути, поддерживает и усиливает сепаратистские настроения в отдельно взятых регионах Молдовы, плотно населенных русскоязычными гражданами, считая свое мнение единственно правильным, а свои внешнеполитические шаги непогрешимыми и неоспоримыми», — заявляет И. Тулянцеv².

А. Талмач предлагает рассматривать проблему вокруг «гагаузского вопроса» в асимметричном конфликте (по линии государство — меньшинство), и для этого явление сепаратизма он разделяет на три условные группы в зависимости от преобладающих требований:

1) «Голос». Требования предоставить больше возможностей озвучивать свои проблемы, участвовать в политической жизни страны, расширение демократических возможностей этнической группы, равный доступ к СМИ, к обсуждению важных вопросов на политическом уровне, экономические и политические гарантии, требования культурной автономии или ее расширения;

¹ URL: <http://news.mail.ru/inworld/moldova/politics/17226494>

² URL: <http://kro-rodina.ru/all-news/1141-tulyantsev-vlast-moldovy-usilivaet-separatistskie-nastroeniya-v-regionakh>

2) «Лояльность». Конфликт для того, чтобы отказ от конфликта можно было обменять на дружественный подход государства к проблемам этнического меньшинства, гарантии реализации возможностей меньшинства, закрепление уже достигнутых результатов, налаживание общего канала с центром и преследование иных политических целей.

3) «Выход». Требование расширения или предоставления независимой автономии, требование передать самоуправление, имущественные или территориальные права, права на использование природных ресурсов на региональный уровень¹.

Главный вывод, к которому приходит А. Талмач, сводится к следующему постулату: «Гагаузия стала предметом двухуровневой предвыборной кампании: башканской и парламентской. Остается один вопрос: будет ли укреплен статус автономии или будем играть в сепаратизм?»².

Однако не стоит забывать: не исключено, что определенный интерес к данной проблеме может проявить и Турция. И хотя гагаузы (тюркоязычный народ, составляющий 82,1% населения автономии) исповедуют в большинстве своем христианство, Анкара играет определенную роль в развитии этого образования (с помощью турецких средств была модернизирована система водоснабжения). И в этом смысле не стоит спешить с выводами о появлении «второго Приднестровья». А вот помнить о том, что первое (и ныне существующее) появилось после провала целого ряда попыток достичь компромиссов в рамках единой Молдавии, следует. Как стоит, впрочем, и задуматься о том, так ли уж противопоказан федерализм постсоветским образованиям³.

Также хотелось бы отметить, что у Гагаузского референдума было несколько предпосылок. Во-первых, это была возможность дать понять Кишиневу, что регион резко настроен против интеграции с ЕС и что любое движение в этом направлении может иметь серьезные последствия. Кроме того, это был шанс продемонстриро-

¹ URL: <http://avtonomia.md/news/igra-v-separatizm-ili-ukreplenie-statusa-avtonomii>

² Там же.

³ Маркедонов С. Референдум в Гагаузии: что в итоге? // Новая Евразия [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.voanews.com/russian/new-eurasia/2014/02/05/референдум-в-гагаузии-что-в-итоге/>

вать солидарность Гагаузии с Турцией, которая, благодаря финансовому содействию и различным культурным инициативам, имеет значительное влияние в регионе. И самое главное — референдум демонстрирует, что степень российского влияния и количество рычагов в стране по-прежнему велики и любые решения молдавского правительства должны принимать во внимание российские интересы. Молдавия по природе своей раздробленная страна, как на уровне внутреннего политического ландшафта, так и в смысле соперничества за нее внешних держав. Это создает потенциал для нестабильности в случае большого внешнеполитического шага в сторону России или Запада. Напоминание о том, что российские интересы надо учитывать, особенно важно в контексте того, что в ноябре пройдут парламентские выборы и правительство, как показали прошлые выборы, может подвергнуться серьезной реструктуризации. Если абстрагироваться от Молдавии, референдум демонстрирует, что попытки Евросоюза усилить свои связи с европейской периферией наталкиваются на серьезные препятствия, хотя народная поддержка интеграции с ЕС довольно солидна. Как показывает ситуация на Украине, усилия по дальнейшей интеграции с ЕС, идею о которой многие поддерживают, наталкиваются на сопротивление как со стороны элементов внутри страны, так и со стороны России, что может иметь критические последствия. Это также применимо к ситуации с другими государствами региона, например с Грузией, правительство которой также поддерживает идею об интеграции с Евросоюзом, но может натолкнуться на сопротивление со стороны своих сепаратистских регионов — Абхазии и Южной Осетии. Следовательно, по мере того, как усилия по интеграции между этими странами и ЕС будут крепнуть, противостояние этим усилиям также будет нарастать. В случае Украины и, вероятно, Молдавии и Грузии геополитический расклад не позволит ни Западу, ни России окончательно перетянуть страну в свой лагерь. Это не только затруднит дальнейшую интеграцию, но и будет дестабилизировать эти государства по мере того, как соперничество за влияние будет расти¹.

¹ URL: <http://www.inosmi.ru/world/20140205/217186350.html>

2.2. Этнорегиональные особенности крымского сепаратизма на Украине

Крымский сепаратизм на Украине проявляет себя настолько радикально, что привлекает такое же внимание научной мысли и средств массовой информации, как гагаузский сепаратизм. Это особенно заметно в последнее время в контексте вопросов, связанных со стремлением некоторых политических лидеров Украины к федерализации страны и ростом в отдельных регионах популярности движений за автономизацию: сепаратизм все чаще рассматривается аналитиками как серьезная угроза национальной безопасности государства.

Наибольшую опасность с точки зрения наличия предпосылок для развития сепаратизма в Украине представляет собой Крымский регион. Развитие русского сепаратизма (в последние годы появилось второе, параллельное сепаратистское движение — татарское) в этом регионе было детерминировано, в первую очередь, этническим фактором. Крым был и остается единственной территорией Украины, на которой более 60% населения составляют русские, по своему официальному статусу являющиеся национальным меньшинством в Украине, и значительную часть которой населяют народы, возвратившиеся из депортации: крымские татары, армяне, греки, немцы и болгары. Лишь четверть населения Крыма относится к этническим украинцам¹.

«Практически каждая из областей Украины — это отдельная субкультура. Кроме закарпатской, черновецкой и крымской, есть еще более десятка субкультур. И если мы не полюбим себя как единый народ, красивый и неповторимый в своем разнообразии — мы не состоялись как государство. Лучший вариант для нас — югославский сценарий, чтобы все прошло без крови, иначе будет кровавый», — отмечают исследователи Э. Копатько и О. Ляшенко².

В начале 90-х годов опасность развития сепаратистских движений в Крыму подогревалась тем, что в политическом сознании

¹ Сенюшкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / под ред. В.Тишкова и Е.Филипповой. М.: Авиаиздат, 200– С. 355–385. С. 361.

² Копатько Э., Ляшенко О. Украинские сепаратизмы // Разделенный мир. 2008. 9 июня.

крымчан глубоко укоренилась идея об автономизации. Она приобрела широкое распространение в конце 80-х гг., когда на волне популярности у высшего советского руководства идеи о расширении полномочий местных властей, политическая элита Крыма (тогда — партийная номенклатура) инициировала движение за провозглашение автономии¹.

«Точкой отсчета, превративший Крым в регион наиболее вероятного конфликта на территории Украины, можно считать 20 января 1991 года. В этот день в Крыму состоялся референдум, в ходе которого большинство жителей полуострова высказались за восстановление Крымской АССР как субъекта СССР и участника Союзного договора. После горячих дебатов Верховный совет Украины «легализовал» результаты референдума, приняв закон о воссоздании Крымской АССР в составе Украины. Так было положено начало крымскому сепаратизму, завязан тугой узел политических, социальных, экономических проблем, осложненных к тому же возросшим межэтническим напряжением. При образовании на месте СССР Союза суверенных государств импульс автономистского движения реализовался в том, что Крым получил статус автономии в составе Украины»². Однако принятие решения об автономизации Крыма во многом предотвратила радикализацию проявлений сепаратизма в Крыму и развитие событий по конфликтному сценарию, поскольку, согласно социологическим данным, большинство крымчан испытывали удовлетворение от автономизации³.

Вместе с тем в начале 90-х годов XX столетия определенные политические силы показали свою заинтересованность в трансформации автономистского движения в сепаратистское. Сразу после распада СССР в общественном сознании русских крымчан риторикой этнических «антрепренеров» начал активно формироваться и закрепляться миф о перспективе присоединения Крыма к России. Возникла и получила широкое распространение идея, что этот политический шаг даст крымчанам возможность, став гражданами

¹ Копатько Э., Ляшенко О. Украинские сепаратизмы // Разделенный мир. 2008. 9 июня.

² Ковалев А.: Крым — «яблоко раздора» или «мост дружбы»? // Экспертный клуб РБК. 2008. 28 авг.

³ Информационно-аналитический бюллетень по проблемам этнополитики межнациональных отношений и конфликтологии. Симферополь, 1997. № 1 (15).

России — более развитого в экономическом отношении государства, чем Украина, — получить значительно более высокий уровень социальной защиты и социальных возможностей, чем они имеют как граждане Украины. В дальнейшем эта идея активно поддерживается ирредентистски ориентированными политическими элитами: ими активно эксплуатировались лозунги, призывающие к отделению Крыма от Украины и присоединению его к России.

Одним из ключевых тезисов крымской ирредентистской идеологии было и остается утверждение незаконности отчуждения Крыма от РСФСР и передачи территории Крыма Украинской ССР в 1954 году. Правовым основанием этих действий был Закон СССР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» от 26 апреля 1954 г., утвержденный Указом Президиума ВС СССР от 19 февраля 1954 года. Закон предписывал внести соответствующие изменения в ст.ст. 22 и 23 Конституции СССР. 2 июня 1954 г. был также принят Закон РСФСР «О внесении изменений и дополнений в статью 14 Конституции (Основного Закона) РСФСР», которым Крымская область исключалась из состава РСФСР.

Сторонники ирредентизма подчеркивают, что законы несут на себе следы спешки и правовой небрежности, что в них отсутствует четкая формулировка (в качестве такого примера см. следующую формулировку: «Передать Крымскую область и утвердить изменение границ между РСФСР и УССР»). Кроме того, отмечается, что приведенные в документах, принятых органами государственной власти СССР, РСФСР и УССР, партийными органами, основания для передачи Крымской области выглядят расплывчатыми. Утверждается также, что акты 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР были приняты органами государственной власти РСФСР, неправомочными решать такого рода вопросы, то есть с нарушением действовавшего законодательства. На основе данных аргументов сторонники ирредентизма делают вывод о том, что «данные акты не имеют юридической силы с момента их принятия»¹.

Дополнительным факторами, обуславливающими развитие сепаратистского движения в Крыму, был и остается фактор геополити-

¹ Информационно-аналитический бюллетень по проблемам этнополитики межнациональных отношений и конфликтологии. Симферополь, 1997. № 1 (15).

тический. Действия российской политической элиты длительное время опровергали идеалистические утверждения Сергея Миронова, что «для России постсоветское пространство — вовсе не шахматная доска для разыгрывания геополитических игр»¹. Российское руководство, ориентируясь на слабость авторитета украинских властей, на самом высоком уровне поддерживало политику Ю. Мешкова, избранного в 1994 году Президентом Крыма.

Популистская политическая тактика, а также поддержка со стороны российской политической элиты обеспечили Ю. Мешкову победу на выборах Президента автономной республики Крым. За его кандидатуру отдали свой голос более миллиона крымчан (более 72% от числа принявших участие в голосовании). Риторика предвыборной программы основывалась на сепаратистских и пророссийских лозунгах. Населению Крыма было обещано двойное крымско-российское гражданство, проведение референдума о государственном статусе Крыма, единение с Россией, вхождение Крыма в рублевую зону, осуществление социальных выплат и пенсий в рублях.

Свои полномочия Президент Крыма осуществлял, имея негласный статус «пророссийского президента». Его политическая деятельность была во многом нацелена на разжигание ирредентизма и в значительной степени строилась на спекуляции «русскоориентированными» общественными настроениями. Однако популистский стиль политики Ю. Мешкова, невыполненные данные им предвыборные обещания и политическая борьба между Президентом и блоком «Россия» (под крылом которого объединились все сепаратистские партии и движения) дискредитировали пророссийскую идеологию в глазах населения.

Важно отметить, что основной причиной резкого падения популярности сепаратистской идеологии среди населения полуострова стал кризис легитимности власти самого Ю. Мешкова. После конфликта между Президентом и парламентом и предпринятой Ю. Мешковым неудавшейся попытки так называемого конституционного переворота (11 сентября 1994 г.) число граждан Крыма, разочарованных в проводимой политике, возросло в два раза.

¹ Миронов С. Постсоветское пространство для России не шахматная доска для геополитических игр // Новости Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru>

Таким образом, годичное правление президента автономии имело два основных итога: глубокий внутриполитический кризис в автономии и резкий спад сепаратистских тенденций. Результаты опросов свидетельствовали о том, что всего один процент респондентов целиком одобрял политику Ю. Мешкова, 76 процентов из числа опрошенных либо с самого начала не доверяли ему, либо разочаровались в его действиях. Более 70% также считали, что Ю. Мешков не выполняет свои предвыборные обещания¹. Уже к концу 1994 г. Президента автономии оставили большинство бывших политических соратников.

До 1995 года государственная власть в Украине имела слабый авторитет у населения, поэтому политическое руководство на нижней точке падения легитимности вынуждено было снисходительно реагировать на нарастание сепаратистских тенденций в Крыму. В этом отношении справедливым является заявление С. Цекова, главы Русской общины Крыма, что ирредентистские настроения крымчан, всегда в большей степени отражали политику руководства Украины, чем являлись результатом деятельности российских государственных или каких-либо иных структур².

Однако укрепление государственных институтов и последовавший за ним рост авторитета государственной власти позволил проводить решительную политику борьбы с сепаратизмом. Уже в начале 1995 г. был упразднен институт президентства в Крыму, и сепаратистские движения оказались лишены легального политического лидера. Кроме того, был запрещен гимн республики и референдум о статусе Крыма. Верховный Совет Крыма оказался лишенным практически всех реальных полномочий, а правительство автономии было переподчинено Президенту Украины и центральному правительству. Большинство партий и общественных организаций, представляющих этнополитические интересы, также были запрещены.

В июне 1996 г. Верховная Рада принимает Конституцию Украины, закрепившую основы конституционного строя государства,

¹ Миронов С. Постсоветское пространство для России не шахматная доска для геополитических игр // Новости Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru>

² Цеков С. Крымский сепаратизм — реакция на политику украинской власти // Пресс-служба Русской общины Крыма. 2009. 10 авг.

в том числе единый суверенитет, гражданство и территориальную целостность. Действовавшая на момент принятия Конституции Украины Конституция Крыма противоречила ей 94-я статья-ми. Поэтому в декабре 1997 г. Верховная Рада Украины отменила Конституцию Крыма как не соответствующую Основному Закону государства и настойчиво предложила крымскому парламенту разработать и принять новую Конституцию, не противоречащую Конституции государства. Новая Конституция была принята парламентом Крыма 21 октября 1998 года. В целом этим событием зафиксировалось снижение сепаратистских амбиций политической элиты и основных политических сил Крыма.

Против принятия Конституции протестовала Русская Община Крыма, партия «Союз». Эти политические силы, оставшиеся на сепаратистских позициях, оказались в меньшинстве. Основной причиной недовольства новой Конституцией русскоязычного населения Крыма и крымско-татарского народа была языковая проблема: русский и крымско-татарский языки не были закреплены в Конституции как государственные в Крыму.

Однако анализ содержания Конституции Крыма свидетельствует, что в ней в достаточной степени учтены языковые интересы основных этнических групп Крыма. Так, п. 1 ст. 10 определяет, что в Крыму, «наряду с государственным языком, обеспечивается функционирование и развитие, использование и защита русского, крымско-татарского, а также языков других национальностей». Пункт 2 той же статьи гласит: «В Автономной Республике Крым русский язык как язык большинства населения и приемлемый для межнационального общения используется во всех сферах общественной жизни». Согласно п. 3, крымчанам «гарантируется право изучения, обучения и воспитания на родном языке в детских дошкольных учреждениях, в учебных заведениях государственной, республиканской и коммунальной форм собственности или через национально-культурные общества в порядке, определенном законодательством Украины и нормативно-правовыми актами Верховной Рады Автономной Республики Крым». Это позволяет заключить, что недовольство Русской общины языковой политикой Украины в Крыму безосновательно и политические акции, выражающие это недовольство, несут не столько правозащитную, сколько политическую нагрузку, а их организаторы преследуют провокационно-сепаратистские цели.

23 декабря 1998 г. была принята поправка в Конституцию Крыма, согласно которой в случае противоречия между решениями и постановлениями крымских органов власти с украинскими законами и Конституцией Украины приоритет остается за законами Украины. Пятой статьей новой Конституции Крыма было закреплено положение о том, что Президент Украины, Верховная Рада Украины, Кабинет министров Украины, другие органы власти осуществляют свои полномочия по отношению к Автономной Республике и ее органам власти в пределах и формах, предусмотренных Конституцией и законами Украины. Содержание нормы предусматривает, что в отношении Автономной Республики Крым и ее органов власти не вправе применяться меры, прямо не предусмотренные Конституцией и законами Украины. При разработке этих положений использовался европейский опыт урегулирования взаимоотношений государственных органов с органами регионального и местного самоуправления, в частности, Европейская Хартия местного самоуправления. Кроме того, статьей 3 предусмотрено, что органы власти Автономной Республики Крым в своей деятельности обязаны сочетать интересы республики и общегосударственные интересы Украины.

Таким образом, принятие Конституций Украины и Крыма конституировало правовую победу украинского государства над крымским сепаратизмом в его русской форме. Важным шагом в дальнейшем урегулировании отношений между институтами государственной власти и политическим руководством Крыма стало подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной¹.

Согласно этому документу, Высокие Договаривающиеся Стороны принимали на себя обязательство строить отношения друг с другом «на основе принципов взаимного уважения, суверенного равенства, территориальной целостности, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, права народов свободно распоряжаться своей судьбой, невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод, сотрудничества между государствами, добросовестного вы-

¹ Копатько Э., Ляшенко О. Украинские сепаратизмы // Разделенный мир. 2008. 9 июня.

полнения взятых международных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права». Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон приняла на себя обязательство «воздерживаться от участия или поддержки каких бы то ни было действий, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны», и обязывалась «не заключать с третьими странами каких-либо договоров, направленных против другой Стороны. Ни одна из Сторон не допустит также, чтобы ее территория была использована в ущерб безопасности другой Стороны»¹.

Таким образом, можно заключить, что *укрепление демократических институтов власти и становление в Украине демократических процедур и способов взаимодействия между политическими институтами позволило субъекту государственной власти деактуализировать на время проблему сепаратизма в Крыму. Но сепаратизм практически не был побежден и проявил себя в новой форме.*

Следующая волна крымского сепаратизма на Украине была мотивирована политическим кризисом в стране в 2013–2014 гг., вызванным решением украинского правительства в ноябре 2013 г. приостановить процесс подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Это решение привело к массовой мирной акции протеста в центре Киева, а также в других городах Украины, получившей в социальных сетях и СМИ название «Евромайдан».

После Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» (28–29 ноября) разгона палаточного городка оппозиции и принятия 16 января 2014 г. Верховной Радой законов, предусматривавших ужесточение санкций за участие в массовых беспорядках², протестная акция приняла резко антипрезидентский и антиправительственный характер. В качестве основных причин такого развития событий называют социальную несправедливость, огромную поляризацию доходов и уровня жизни населения Украины и разгул коррупции, пронизывающей исполнительную и судебную власть, правоохранительные органы³.

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной. Ратифицирован Федеральным Собранием (Федеральный закон от 02.03.1999 № 42-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст.1159.

² URL: <http://readtiger.com/www.analitik.org.ua/current-comment/int/52dd1706970d>

³ Ярошинская А. От Майдана до войны с Россией // Росбалт. 2014. 22 янв.

30 ноября 2013 г. для защиты Евромайдана началось формирование отрядов самообороны. Уже к середине декабря в них записалось более 5 тыс. человек¹. Разнородные националистические группировки (УНА-УНСО, «Тризуб», «Патриот Украины» и другие) составили праворадикальное экстремистское объединение «Правый сектор», рассматривавшее Евромайдан лишь как удобный повод для начала «национальной революции», которая, по словам лидера «Правого сектора» Д. Яроша, должна была завершиться «полным устранением режима внутренней оккупации и получением украинского национального государства с системой всеохватывающего национального народовластия»².

19 января 2014 г. в Киеве после очередного «народного вече», созванного лидерами парламентской оппозиции (ВО «Батькивщина», УДАР, ВО «Свобода»), начались столкновения радикально настроенных манифестантов с отрядами милиции. Оппозиция потребовала отставки правительства и продолжения евроинтеграции. В последующие дни оппозиционно настроенные манифестанты в регионах Украины перешли к захватам зданий областных администраций. На западе Украины эти действия имели успех, тогда как в регионах центральной Украины эти попытки были пресечены правоохранительными органами.

В результате силового противостояния в центре Киева, начавшихся захватов административных зданий и органов власти в столице и областных центрах, создания параллельных органов власти, организации неформальных силовых структур Украина оказалась на грани введения чрезвычайного положения, утраты территориальной целостности и экономического коллапса.

Переговоры между Президентом Украины В.Ф. Януковичем и лидерами парламентской оппозиции, продолжавшиеся несколько дней, привели к уступкам со стороны властей: было созвано внеочередное заседание Верховной рады, проголосовавшей за отмену ряда законов от 16 января и принявшей закон об амнистии для участников событий ноября 2013 — января 2014 гг. 28 янва-

¹ Понад 5 тисяч осіб записалися до загонів самооборони на Євромайдані — Парубій // Радіо Свобода. 2013. 17 дек. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/25203452.html>

² «Правый сектор» недоволен соглашением с Януковичем // РБК-Украина. 2014. 21 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://euromaidan.rbc.ua/rus/-pravyy-sektor-nazval-soglashenie-s-yanukovichem-ocherednym-21022014160600>

ря Президент принял отставку премьер-министра Н. Азарова и Кабинета министров, который продолжил выполнять свои обязанности до формирования нового состава правительства. Несмотря на это, акции протеста продолжились. Оппозиция выдвинула требование возвращения Украины к парламентско-президентской системе правления и Конституции 2004 года. 12 февраля Президент Украины В.Ф. Янукович согласился пойти на формирование коалиционного правительства. К 15 февраля в рамках амнистии были освобождены все ранее задержанные участники протестов. В ночь с 15 на 16 февраля протестующими были разблокированы здания областных администраций. 18 февраля произошло резкое обострение ситуации, сопровождавшееся массовым кровопролитием. На заседании Верховной Рады оппозиция потребовала немедленно возвращения к парламентско-президентской форме правления и восстановления конституции 2004 года. В это же время в Киеве возобновились столкновения митингующих с милицией, что привело к гибели десятков человек. Крайне обострилась ситуация на западе Украины. По данным Минздрава Украины, с 18 по 21 февраля в Киеве погибли 77 человек, по данным МВД, погибло 16 милиционеров¹.

21 февраля под давлением стран Запада В.Ф. Янукович пошел на уступки и подписал с оппозицией соглашение об урегулировании кризиса на Украине, предусматривавшее, в частности, немедленный (в течение 2 суток) возврат к Конституции в редакции 2004 года, конституционную реформу и проведение досрочных президентских выборов не позднее декабря 2014 года. В тот же день В.Ф. Янукович покинул Киев.

На следующий день вышла в телеэфир видеозапись интервью с В.Ф. Януковичем, в котором он заявил, что не собирается подавать в отставку и не собирается подписывать решения Верховной Рады, которые он считает противозаконными, а происходящее в стране квалифицировал как «вандализм, бандитизм и государственный переворот». Через несколько часов Верховная Рада приняла постановление, в котором заявила, что В.Ф. Янукович «неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий» и не выполняет свои обязанности, а также назначила досрочные президентские выборы на 25 мая 2014 года.

¹ URL: <http://readtiger.com/www.rosbalt.ru/ukraina/2014/02/21/1236065.html>

23 февраля обязанности Президента Украины были возложены на Председателя Верховной Рады А. Турчинова. 24 февраля и. о. министра внутренних дел А. Аваков сообщил на своей странице в одной из социальных сетей о возбуждении уголовного дела по факту массовых убийств мирных граждан, в связи с чем В.Ф. Янукович и ряд других должностных лиц объявлены в розыск¹.

Новая украинская власть получила признание со стороны Евросоюза и США. Официальный представитель Еврокомиссии О. Байи охарактеризовал решение Верховной Рады возложить обязанности Президента на Александра Турчинова как «демократическое и законное», а посол США на Украине Джеффри Пайетт заявил: «Мы отвергаем любые намеки на то, что здесь происходит переворот, и на то, что легитимность случившегося якобы находится под вопросом из-за иностранной поддержки»².

27 февраля стало известно, что В.Ф. Янукович обратился к руководству России с просьбой обеспечить ему личную безопасность «от действий экстремистов» в связи с поступающими в его адрес угрозами расправы. В своем обращении он неоднократно подчеркнул, что считает себя «действующим Президентом» Украины, а решения, принятые Верховной Радой в последние дни, квалифицировал как нелегитимные, принимаемые в отсутствие многих членов Партии регионов и других фракций, причем, по его словам, некоторые из депутатов подверглись физическому воздействию и были вынуждены покинуть Украину. В.Ф. Янукович также заявил о незаконности возможных приказов, которые могут быть отданы на применение Вооруженных сил Украины внутри страны. По его словам, он как глава государства не позволял армии вмешиваться в происходящие внутриполитические события. В.Ф. Янукович также обвинил оппозицию в невыполнении соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине, заключенного 21 февраля 2014 года.

28 февраля Виктор Янукович провел пресс-конференцию в Ростове-на-Дону, где призвал российское руководство не оставаться безучастными к ситуации на Украине: «Россия должна использо-

¹ URL: http://readtiger.com/zn.ua/UKRAINE/protestuyuschie-otkryli-proezd-pogrushevskogo-osvobodili-chetyre-oga-i-gotovy-pokinut-kievskuyu-meriyu-138862_.html

² ЕС признал новую власть в Киеве вслед за США // Newsru.com. 2014. 24 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/world/24feb2014/euoukra.html>

вать все имеющиеся возможности для того, чтобы предотвратить тот хаос, террор, который сегодня есть на Украине»¹.

После победы активистов Евромайдана и фактической смены власти на Украине 23 февраля 2014 г. жители Севастополя провели многотысячный митинг, на котором отказались признать новую власть².

В итоге Верховный Совет Крыма принял решение назначить референдум о статусе Крыма на 16 марта 2014 года. На референдум было вынесено два вопроса. Первый: «Выступаете ли Вы за вхождение Крыма в состав Российской Федерации в качестве субъекта Федерации?», второй: «Выступаете ли Вы за восстановление Конституции Крыма 1992 года?». Согласно Конституции Крыма 1992 года, республика входит в государство Украина и определяет с ней свои отношения на основе договора и соглашений³.

Как отмечает С. Орджоникидзе, «с технической точки зрения, референдум проходит безупречно. Было несколько незначительных нарушений, в том числе попытки препятствовать голосованию. А в остальном все было спокойно, ощущается атмосфера праздника, везде играет музыка. Народ на референдум идет вдохновенно, чувствуется их энтузиазм. Еще до восьми утра люди вставали в очереди, чтобы проголосовать. Было приятным сюрпризом, что референдум стал настоящим праздником для крымчан, потому что решалась их судьба, как им дальше жить, какова будет их безопасность, какие у них будут социальные и экономические условия. Это неординарное и историческое событие, которое они давно ждали и которое круто повернет их жизнь. Люди плакали, радовались, были очень вдохновлены и всячески проявляли свои эмоции, потому что сегодня они действительно почувствовали себя хозяевами своей судьбы. Явка на референдуме запредельная, думаю, результаты тоже будут впечатляющими»⁴.

В итоге участие в референдуме в Республике Крым приняли более 80% ее жителей. Более 95% проголосовавших согласились с вхождением республики в состав России. В Севастополе, который

¹ Янукович призвал Россию спасти Украину от хаоса // Forbes.ru. 2014. 28 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/news/251510-yanukovich-prizval-rossiyu-spasti-ukrainu-ot-khaosa>

² URL: <http://www.dk.ru/wiki/krym>

³ URL: <http://opr.ru/press/news/2014/newsitem/24154>

⁴ URL: <http://opr.ru/press/news/2014/newsitem/24188>

де-юре не входит в состав республики, был проведен аналогичный референдум. Итоги схожи: более 80% проголосовавших и более 90% «за»¹.

Однако ни Украина, ни ЕС, ни США не признают результаты крымского референдума и угрожают России санкциями. Директор департамента информационной политики украинского МИДа Е. Перебийнос, в частности, заявил на брифинге. «Мы не признаем и не признаем никогда ни так называемой независимости, ни так называемого соглашения о присоединении Крыма к Российской Федерации, — сказал он. — То, что произошло сегодня в Москве, не имеет ничего общего ни с демократией, ни с правом, ни со здравым смыслом»².

18 марта 2014 г. Президент России В. Путин выступил в Кремле перед депутатами Государственной Думы Федерального Собрания, членами Совета Федерации Федерального Собрания, руководителями регионов России и представителями гражданского общества. Он отметил: «Понимаю крымчан, которые поставили вопрос на референдуме предельно прямо и четко: быть Крыму либо с Украиной, либо с Россией. И можно с уверенностью сказать, что руководство Крыма и Севастополя, депутаты законодательных органов власти, формулируя вопрос референдума, поднялись над групповыми и политическими интересами и руководствовались, во главу угла поставили исключительно коренные интересы людей. Любой другой вариант плебисцита, каким бы привлекательным он ни казался на первый взгляд, в силу исторических, демографических, политических и экономических особенностей этой территории был бы промежуточным, временным и зыбким, неизбежно привел бы к дальнейшему обострению ситуации вокруг Крыма и самым пагубным образом отразился бы на жизни людей. Крымчане поставили вопрос жестко, бескомпромиссно, без всяких полутонов. Референдум был проведен открыто и честно, и люди в Крыму ясно, убедительно выразили свою волю: они хотят быть с Россией. Уважаемые члены Совета Федерации! Уважаемые депутаты Государственной Думы! Граждане России, жители Крыма и Севастополя! Сегодня, основываясь на результатах референдума, который прошел в Крыму, опираясь на волю народа, вношу в Федеральное Собрание и прошу рас-

¹ URL: http://www.dp.ru/a/2014/03/17/CHto_zhdet_Krim_i_Rossiju_po

² URL: <http://news.rambler.ru/24041369>

смотреть Конституционный закон о принятии в состав России двух новых субъектов Федерации: Республики Крым и города Севастополь, а также ратифицировать подготовленный для подписания Договор о вхождении Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию. Не сомневаюсь в вашей поддержке»¹.

Особый научный интерес в исследовании крымского сепаратизма играет положение в регионе крымских татар. Высшим полномочным представительным органом крымских татар является Меджлис, а политическим лидером — его председатель Мустафа Джемилев. С начала 90-х годов этот орган остается главным институтом представления этнополитических интересов крымских татар в поле украинской политики. Этим органом, с одной стороны, организовывались акции протеста против политики украинского государства и Крымской автономии, с другой — предпринимались попытки инициировать процесс согласования интересов разных национальных сообществ Крыма, а также наладить конструктивный диалог с органами государственной власти. Определенным результатом его деятельности стало признание в 1993 году за крымскими татарами права на гарантированное представительство («квоту») в Верховном Совете Крыма².

Масштабная акция, организованная Меджлисом, была направлена на выражение протеста крымских татар против принятия Крымской Конституции 1998 года. Лидеры диаспоры обратились к Президенту Украины и парламенту с просьбой не рассматривать Конституцию Крыма до принятия законодательных и нормативных актов, связанных с восстановлением прав крымско-татарского народа в Украине, поскольку «утверждение Конституции автономии до рассмотрения упомянутого комплекса вопросов нанесет ощутимый урон развитию независимой демократической Украины и приведет к усилению позиций антигосударственных сил в Крыму»³.

Однако Конституция была утверждена, что, с точки зрения политических лидеров, представляющих интересы крымских татар,

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603>

² Сениюшкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ / под ред. В.Тишкова и Е.Филипповой. М.: Авиализдат, 2001. С. 355–385.

³ Цит. по: Сениюшкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ / под ред. В.Тишкова и Е.Филипповой. М.: Авиализдат, 2001. С. 355–385. С. 380.

«явилось очередным политическим актом, направленным на ассимиляцию и исчезновение его как самостоятельного этноса в условиях новой, независимой Украины»¹. В связи с этим Меджлис принял решение провести акции протеста и в очередной раз обратить внимание общественности на свое бесправное положение². Решение было воплощено в жизнь, однако, несмотря на массовость, акции носили преимущественно мирный характер.

По мере непрерывного роста диаспоры растут и территориальные, экономические и политические притязания крымско-татарского населения полуострова, а также активность тех политических сил, которые представляют его этнополитические интересы в украинской политике. В целом экономическое, демографическое и политическое поведение крымско-татарской диаспоры отличается высочайшей степенью активности и пассионарности. Эти тенденции дают основания прогнозировать дальнейший рост крымско-татарского сепаратизма в Крыму.

Наибольшее недовольство крымских татар вызывает государственная политика в сфере осуществления земельной реформы и приватизации земли в Крыму. Негативное отношение к ней было артикулировано в письме, направленном М. Джемилевым в адрес Председателя Правительства Крыма С. Куницына. В этом письме глава диаспоры не только объясняет суть проблемы³ и выдвигает от имени своего народа определенные требования к органам власти⁴, но и констатирует происходящее в форме, близкой к ультимативной: «Ответственность за повышение напряженности в регионе в связи с игнорированием интересов крымско-татарского народа в приватизации земли полностью ложится на органы власти»⁵.

¹ Авдет. 1999. № 6 (216). 2 апр.

² Там же.

³ Джемилев М. Об игнорировании интересов крымско-татарского народа в процессе реформирования земельных отношений в Украине // Авдет. 2000. № 3 (237). 14 февр.

⁴ Сениошкина Т.А. Управление местными сообществами в Крыму // Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ / под ред. В.Тишкова и Е.Филипповой. М.: Авиализдат, 2001. С. 355–385.

⁵ Джемилев М. Об игнорировании интересов крымско-татарского народа в процессе реформирования земельных отношений в Украине // Авдет. 2000. № 3 (237). 14 февр.

Этнополитическая ситуация в Крыму осложнялась негативным отношением русскоязычных крымчан к иммигрантам. Несмотря на то, что значительная часть притязаний крымских татар действительно основывается на общечеловеческих представлениях об исторической и социальной справедливости, русскоязычные средства массовой информации активно формируют образ врага в лице крымских татар, называя их варварами, исламистами, захватчиками и «пособниками немецких фашистов». В связи с этим Меджлис делает заявления, содержащие обвинения в адрес государства в игнорировании фактов проявления ксенофобии. «Очередное открытое проявление ксенофобии связывается (Меджлисом) как с беспомощностью правоохранительных органов, не сумевших до сегодняшнего дня раскрыть акт массового вандализма, совершенного неизвестными преступниками на мусульманском кладбище в п. Сейтлер (Нижнегорский), так и с участвовавшими публикациями в ряде крымских СМИ материалов, авторы которых выступают с позиций лжи, ненависти и оскорбления религиозных и национальных чувств людей»¹.

В контексте рассматриваемой проблемы, следует отметить, что ход крымского референдума не мог бы быть объективным без участия в нем крымских татар, которые при всех противоречиях с крымскими властями все же выполнили свой политический долг и проголосовали.

В свою очередь Президент России В.В. Путин особо отметил, выступая в Кремле 18 марта 2014 г. с торжественным заявлением по случаю вхождения Крыма в состав Российской Федерации, что в Крыму будут на равных условиях действовать три языка: украинский, русский и крымско-татарский².

Официальное признание легитимности нынешних лидеров крымских татар может способствовать снятию угрозы разрастания конфликтов в условиях новой российской государственности. Не следует забывать и о том, что крымско-татарская политическая элита была относительно лояльна по отношению к украинским властным институтам и не просто была готова к сотрудничеству,

¹ Беспомощность правоохранителей порождает очередную волну ксенофобии // Пресс-служба Меджлиса // Голос Крыма. 2008. № 14. 4 апр.

² URL:http://ipress.ua/ru/news/putyn_razreshyl_pryznavat_v_krimu_try_yazika_55009.html

но и сама выступала с инициативами начала процесса согласования интересов. Еще в 90-е годы XX в. крымско-татарская диаспора выступала за государственную целостность Украины и выражала несогласие с политикой Ю. Мешкова, а также политических партий и блоков, выступавших за ирредентизм. Поскольку и «Мустафа Джемилев, и Рефат Чубаров — лидеры Меджлиса — слишком тесно привязаны к системе украинской национал-демократии»¹.

В этом отношении мы согласны с Л. Грачом в том, что «в настоящее время в Автономной Республике Крым в условиях ограниченности ресурсов возникает опасность конфронтации, усиливается этнополитическая напряженность, в первую очередь, между нелегитимным Меджлисом крымско-татарского народа, его структурами и органами представительной и исполнительной власти, местного самоуправления автономии. Используя высокий протестный потенциал крымско-татарского населения, фактор недостаточной включенности репатриантов в активный процесс государственного строительства, возникший в силу объективных причин, руководство Меджлиса, действуя вне правового поля Украины, усиливает ставку на деструктивные методы борьбы».

Отметим, что лидеры крымско-татарской диаспоры обладают высоким уровнем авторитета, основывающемся на традиционном типе легитимности. Это дает им в руки широкие возможности по консолидации крымско-татарской диаспоры, в том числе на основе сепаратистски ориентированной идеологии.

Вместе с тем насильственный захват власти на Украине позволил выявить слабости политического руководства страны, подставив «под удар» регионы Украины: потенциал крымской легитимности оказался противопоставленным авторитету действующих украинских властей и украинской государственности в целом.

Признание легитимности Меджлиса и начало процесса согласования интересов, на наш взгляд, является единственным путем преодоления крымско-татарского сепаратизма в будущем. Ибо гарантии от институционализации крымского сепаратизма (под руководством крымских татар) уже в составе России никто не может дать.

¹ Копатько Э., Ляшенко О. Украинские сепаратизмы // Разделенный мир. 2008. 9 июня.

Соответственно следует помнить, что авторитет лидеров крымских татар достаточно велик, чтобы быть использованным как для разжигания сепаратизма, так и для урегулирования ситуации. Нельзя не учитывать и того, что авторитет украинских властей в крымско-татарской среде был относительно низок по нескольким причинам:

- во-первых, легитимность украинского государства и его институтов имеет рациональную природу, которая не органична традиционной политической культуре крымско-татарского народа;

- во-вторых, крымско-татарская диаспора имеет реальные основания упрекать украинское государство в игнорировании интересов крымско-татарского народа. Сошлемся на Н. Ибадуллаева, который заявляет: «У многих моих соотечественников, в особенности после погромов крымско-татарского самостроя в Симферополе на ул. Балаклавской и показательного сноса крымско-татарских предприятий на Ай-Петри, больше опасений за настоящее и будущее крымско-татарского народа возникает после упорного нежелания сменяющих друг друга составов парламента и правительства Украины принять Закон о восстановлении прав крымских татар, политикой обезземеливания коренного народа, упорного нежелания государственной машины не уступать крымским татарам ни в большом, ни в малом»¹;

- в третьих, затянувшееся на несколько лет противостояние между украинским Президентом и Парламентом подорвало доверие всех граждан Украины не только к политическим лидерам, но и к самой институциональной организации и механизмам функционирования украинского государства;

- в настоящее время оппозиционные политические силы имеют реальную возможность упрекать государство в неэффективности предпринятых органами государственной власти мер по ликвидации последствий всемирного финансово-экономического кризиса.

В современных российских реалиях эти аспекты должны быть учтены при выстраивании отношений России со своим 85 субъектом Федерации — Республикой Крым для предотвращения новых сепаратистских угроз уже в лоне новой государственности.

¹ Ибадуллаев Н. Призраки из прошлого, или Где искать причины «сепаратизма» крымских татар? // Крымские еженедельники. 2008. 4 апр.

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что институционализация сепаратистских тенденций в постсоветских государствах имеет под собой реальные субъективные и объективные основания. С развалом СССР и возникновением суверенных государств проблема национального единения приобрела совершенно новые социально-политические и этнические окрасы. С одной стороны, Запад, который не заинтересован в евразийской интеграции постсоветских стран с Россией. С другой стороны, сам процесс национального строительства в новообразованных странах испытывает трансформационные трудности и едва ли систематизирован. В связи с этим сепаратизм зачастую используется наднациональными или внутринациональными элитами в своих собственных интересах, что естественным образом не способствует позитивной национальной консолидации страны.

Глава III

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ СЕПАРАТИСТСКИХ УГРОЗ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

3.1. Тенденции, перспективы и противоречия преодоления сепаратистских угроз в постсоветской России

Сепаратистские тенденции представляют большую угрозу для целостности государства. Проблема сепаратизма, с точки зрения России как целостной федеративной системы, гораздо опаснее, чем может показаться на первый взгляд.

В целом сама проблема сепаратизма в федеративной России выражена в двух взаимообусловленных уровнях:

- идеологическое обособление этнических общностей от Центра. Как правило, субъектами подобного сепаратизма выступают этнические общности, стремящиеся к политической независимости их региона от Российской Федерации. При этом сам вопрос о выходе из страны не ставится. Равнодушие к общефедеральным процессам, к становлению общегражданской идентичности, экономическая независимость — вот основные цели сепаратистов. Подобные тенденции развивались и протекали в последние годы существования Советского Союза и были выражены в антисоветских лозунгах этнических меньшинств. Советская государственность воспринималась ими как некая спонсорская помощь регионам;

- физическое обособление регионов от Центра и разрушение полиэтнической целостности государства и общероссийской идентичности. Цель сепаратистов заключается в физическом разрушении страны как целостной политической системы. Подобные сепаратистские тенденции носят открытый антигосударственный характер, в советское время поддерживались как русскими, так

и нерусскими сепаратистами и сыграли субъектное значение в развале СССР¹.

Сепаратистские тенденции в Российской Федерации были активированы, если так можно выразиться, еще на этапе «парада суверенитетов». В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть этот аспект более подробно.

Сегодня с определенной долей условности можно резюмировать, что тенденции единения все же перевешивают сепаратистские угрозы в стране. Однако «парад суверенитетов» сыграл определенную роль не только в децентрализации власти, но и провоцировал усиление центробежных течений в стране. Об этом свидетельствуют следующие факты: две военные компании в Чечне, объявление себя отдельными субъектами Российской Федерации независимыми экономическими зонами (например, Татарстан), институционализация сепаратистских движений не на этнической, а на региональной основе (проекты создания Дальневосточной Республики, Уральской Республики) и т. д.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания России С. Митрохин справедливо по этому поводу отметил, что в период «парада суверенитетов» были выявлены явные и грубые нарушения федеральной конституции российскими регионами в сфере налогообложения, языкового и национального равноправия, защиты прав и свобод национальных и этнических меньшинств и т. д.²

Особо стоит обратить внимание на то, что в постсоветский период субъекты политических и общественных отношений, стремящиеся сохранить новую федеративную государственность в целостности, не были едины в своих политических решениях и не могли противопоставить ничего серьезного лидерам российских республик и русским националистам, перед которыми были поставлены разные задачи. Некоторые руководители российских республик, занимаясь суверенизацией своих регионов, полностью растворялись в этом процессе, забывая общенациональные законы, которые не были на тот период в полной мере сформированы и потому не работали. Русские националисты и вообще утопично относились к новой

¹ Национальная идея России: В 6 т. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 5. 696 с.

² Аналитический обзор к парламентским слушаниям на тему «О проблемах соответствия конституций субъектов Российской Федерации Конституции России». М., 1994.

государственности, ностальгируя по советским временам и территориям. Все это не могла сказываться позитивно на укреплении общегосударственного контура государства и провоцировало новые сепаратистские угрозы в стране.

Г. Зюгановым, одним из главных идеологов коммунистической идеологии в России, неоднократно озвучивается лозунг, согласно которому современная Россия — это всего лишь некий «государственный обрубок» с разорванными территориальными контактами¹. В другой своей работе лидер КПРФ пишет, что стратегическая цель современной России заключается в становлении централизованного российского государства в его прежних геонациональных границах².

Более радикальных позиций придерживается другой политический деятель России В.В. Жириновский. По мнению лидера ЛДПР, «Россия должна вернуть свое прежнее территориальное могущество (советское или имперское)»³. И для этого необходимо преодолеть асимметричный коллапс в государстве посредством двух взаимоисключающих способов:

- предоставления всем российским регионам реальных фактических прав в финансовой и экономической сферах, без корректировки и приведения их к общей административно-территориальной единице;

- радикального перехода к симметричной федерации, построенной по губернскому или областному принципу⁴.

Представляется, что определенная взаимосвязь между асимметричностью Российской Федерации и активизацией в ней сепаратистских угроз действительно существует. Нам импонирует позиция А.Р. Сулейманова, который в одной из своих работ связывает институциональные отношения федерализма с ослаблением сепаратистских тенденций в России. По его мнению, следует вести речь о необходимости рассмотрения следующих возможных сценариев дальнейшего развития российской государственности, ко-

¹ Зюганов Г. Драма власти. М.: Палея, 1994. С. 202–203.

² Зюганов Г. На рубеже тысячелетий. М., 2001. С. 404.

³ Жириновский В.В. Что мы предлагаем. Предвыборная программа ЛДПР // Юридическая газета. 1993. № 40–41.

⁴ Жириновский В.В. Заметки по геополитике // Геополитика и русский вопрос. М., 1996. С. 325.

торые очевидным образом скажутся на сепаратистской активности в стране:

1) сохранение асимметричной федерации с укреплением позиций Центра и дальнейшей вертикализацией власти. В этом случае сепаратизм будет пресекаться правовым и силовыми методами;

2) всеобщая губернизация России и развитие уставного-договорного федерализма;

3) всеобщая республиканизация России и развитие конституционно-договорной модели федеративного устройства;

4) построение Российской Федерации по окружному принципу¹.

В любом случае при модернизации федеративного устройства современной России необходимо исходить из повышения политико-правового статуса российского региона, поскольку даже на психологическом уровне проще смириться с тем, что «кто-то дорос до тебя», чем с тем, что «ты опустился до кого-то».

Очевидно и то, что с разрушением советской политической системы и социокультурной общности «советский человек» в российском социуме еще не выработана новая форма общегражданской идентификации. В.М. Суханов писал: «Не случайно одна из ключевых причин, породившая дефрагментацию социальной идентичности как на личностном, групповом так и территориальном уровне в 1990-е годы, заключалась в деструктуризации не только географического пространства Советского государства, но и в разрушении «единой исторической памяти», цементирующей прежде единую идентификацию на всех уровнях. Советский человек, воспитанный на единой мировоззренческой и идеологической основе, в интернациональном духе и идентифицирующий себя как гражданин великой державы, прокладывающей путь в «светлое будущее всего человечества», вдруг оказался в мире фрагментированном и разорванном в пространстве и времени с предшествующим состоянием. В результате развитие его идентичности стало фиксироваться в основном посредством включенности и соотнесенности с миром локальных пространственно-временных форм и локальной исторической памяти. Начался повсеместный поиск новых осей идентификации, искусно направляемый представителями этноэлит в борьбе

¹ Сулейманов А.Р. Современная Россия между федерализмом и унитаризмом: политико-правовой аспект // Политический альманах Башкирского государственного университета: сб. науч. статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 93–99.

за власть на определенной территории. Процессы региональной этнической идентификации получили вначале социокультурное обоснование, а затем институциональное, идеологическое и политико-правовое оформление»¹.

Л. Вартазаров подчеркивает, что «в России фактически проявляются черты, характерные для процесса государственного образования ранних периодов становления национальной государственности»². В постсоветской России центробежные тенденции проявлялись от постепенной децентрализации Дальнего Востока и Калининградской области до открытого вооруженного политического конфликта в Чечне.

Можно выделить объективные причины развития сепаратистских тенденций в постсоветской России. Во-первых, к началу девяностых годов Россия, хотя и являлась формально федерацией, по сути, оставалась унитарным государством, поскольку управление регионами происходило из федерального центра. В начале девяностых годов Р. Абдулатипов в своей работе «Парадоксы суверенитета» отмечал, что необходимо «возродить федерацию как способ государственного жизнеустройства российских народов, веками пробивавший себе путь сквозь барьеры унитарных устремлений»³.

Во-вторых, устарели хозяйственно-экономические отношения между центром и регионами. Как пишет Э.А. Паин, «средства, заработанные наиболее развитыми областями Центрального региона, Урала и Поволжья, а также сверхдоходы нефтедобывающей Тюменской области, расположенной в Западной Сибири, уходили в федеральную казну, и назад в регионы возвращалась только малая часть, величина которой не имела связи с результатами производственной деятельности региона»⁴. Крупнейшими получателями государственных дотаций стали столичные города Москва и Санкт-Петербург. Неэффективность данного управления проявилась еще в СССР, а после распада Советского государства приобрела еще бо-

¹ Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в России: теоретический анализ состояния и перспективы: автореф. дис. ... д-ра. полит. наук. Саратов, 2009.

² Вартазанова Л. О некоторых социокультурных аспектах построения федеративного государства // Федерализм. Теория. Практика. История. 1998. № 3. С. 71–82.

³ Абдулатипов Р.Г. Парадоксы суверенитета. М., 1995. С. 6.

⁴ Паин Э.А. О кризисе идентичности // Этнопанорама. 2002. № 1. С. 10–18.

лее негативно-радикальный характер. Централизованная система управления и старые экономические отношения между территориями разрушались, и вся экономическая власть в регионах сосредоточивалась в руках местных властей.

В-третьих, с падением СССР и разрушением «советской идентичности» в общественном сознании образовался вакуум, который был заполнен сепаратистскими лозунгами этнических элит, и люди снова стали просто русскими, татарами, башкирами, чеченцами, удмуртами. Как отмечал В.А. Тишков, «люди, которые оказываются захваченными националистическими лозунгами просто в силу этнической солидарности, по принципу «наших быют», или оказываются вынужденными поддаться их давлению, едва ли могут рассматриваться в качестве социальной базы национализма. Национализм, как и любая иная идеология, коренится в материальных условиях жизни, в социальных противоречиях между людьми»¹.

Можно выделить и субъективные причины развития сепаратистских тенденций в постсоветской России. В начале 90-х годов XX в. в стране существовала политическая нестабильность, выраженная в борьбе Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Обе политические силы старались заручиться поддержкой субъектов Российской Федерации, которые, в свою очередь, требовали больших привилегий для своих территорий. Причина противостояния между Президентом и Парламентом Российской Федерации заключалась в распределении властных полномочий и в контроле над правительством России.

Конституция РСФСР 1978 года устанавливала, что Председателя Правительства с согласия Верховного Совета назначает и отправляет в отставку Президент; однако Верховный Совет и Съезд народных депутатов России, не имеющие права назначения премьер-министра, в любой момент могли отправить правительство в отставку простым большинством голосов и без каких-либо ограничительных условий. Президент имел право единолично назначать и освобождать от должности министров, но не мог распустить парламент или приостановить его деятельность. Кроме того, Конституция страны запрещала роспуск каких-либо законно избранных органов власти. Таким образом, и у Парламента, и у Президента

¹ Тишков В. А. Союз до и после пяти лет перестройки // Национальные процессы в СССР. М., 1991. С. 72.

имелись основания претендовать на контроль над правительством, однако механизма разрешения неизбежных в данной ситуации конфликтов Конституция не предусматривала¹.

М.С. Горбачев в одной из своих работ пишет: «В центре нарастала чехарда в связи с тем, что власть, если не де-юре, то де-факто, раздвоилась между Кремлем и «Белым домом». Занятая этой внутренней междоусобицей, столица все больше теряла рычаги контроля за экономикой. А это, в свою очередь, побуждало «места» все больше полагаться на самих себя, действовать на свой страх и риск»². В.А. Черепанов отмечает, что «децентрализация государственной власти как приоритетное направление региональной политики в девяностых годах прошлого столетия привела к появлению дезинтеграционных процессов в федеративных отношениях. Наметились конфедеративная направленность в развитии Российского государства»³.

Кроме того, многие национальные республики стремились выйти из состава Российского государства (Татарстан, Чечня), а края и области — повысить свой статус и провозгласить себя республиками. В связи с этим обострилась проблема этнического сепаратизма в регионах, особенно в национальных республиках. Татарстан в девяностые годы объявил себя «суверенным государством» и субъектом международного права. Верховный Совет ТАССР 30 августа 1990 г. принял декларацию «О государственном суверенитете ТАССР». В этом документе речь шла о том, что «Верховный Совет ТАССР, отмечая несоответствие статуса автономной республики интересам дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа... провозглашает государственный суверенитет Татарии и преобразует ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику — Республику Татарстан»⁴.

¹ Филиппов А.В. Новейшая история России 1945–2006 гг. : кн. для учителя. М.: Просвещение, 2007. 494 с.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М.: Новости, 1995. С. 584.

³ Черепанов В. А. Федеративная реформа в России // Федерализм. 2005. № 3. С. 95.

⁴ Декларация Верховного Совета Республики Татарстан от 30.08.1990 № 334-ХП «О государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики» [Электронный ресурс]. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/deklaracia/>

Для урегулирования сложившейся ситуации 31 марта 1992 г. между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти ее субъектов был заключен Федеративный договор «О разграничении предметов ведения и полномочий». Однако Татарстан и Чечня его не подписали. 6 ноября 1992 г. Татарстан принял Конституцию Республики Татарстана, по которой за республикой был закреплен статус «суверенного государства». Двусторонний договор между Россией и Татарстаном «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» был подписан лишь спустя два года — в 1994 году. Данный договор снял основные противоречия между двумя конституциями и тем самым внес ясность в политические отношения республики с центром.

В этот же период и Чеченская республика стремилась выйти из состава российского государства. Противостояние федерально-го центра и Чечни проходило в два этапа: первая чеченская война (1994–1996 гг.) и вторая чеченская война, которая с 2000 года переросла в постоянно тлеющий конфликт. В сентябре 1991 г. в Грозном был разгромлен Верховный Совет ЧИАССР.

После распада СССР Дж. Дудаев объявил о выходе Чечни из состава Российской Федерации и о создании Республики Ичкерии, следствием чего явились боевые действия на территории самопровозглашенной республики. Конфликт и предшествующие ему события характеризовались большим количеством жертв среди населения, военных и правоохранительных органов¹.

31 августа 1996 г. принимаются Хасавюртовские соглашения, подписанные начальником штаба вооруженных формирований сепаратистов А. Масхадовым (по поручению «Президента Чеченской Республики Ичкерии» З. Яндарбиева) и секретарем Совета безопасности Российской Федерации А. Лебедем (по поручению Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина). Подписание данных соглашений считается концом первой чеченской войны. Итогом договоренности стало прекращение военных действий и вывод федеральных войск из Чечни, а вопрос о статусе территории был отложен до 31 декабря 2001 г. 10 октября 1996 г. Совет Федерации

¹ См.: Канич М. Забытый геноцид (часть 1) // Полярная Звезда. 2006. 13 окт. С. 22; он же Забытый геноцид (часть 2) // Полярная Звезда. 2006. 20 окт. С. 13.

России постановил считать документы, подписанные в Хасавюрте, «свидетельством готовности сторон разрешить конфликт мирным путем, не имеющим государственно-правового значения»¹.

Однако после подписания Хасавюртовских соглашений и вывода российских войск в 1996 году мира и спокойствия в Чечне и прилегающих к ней регионах не наступило. Чеченские криминальные структуры безнаказанно делали бизнес на массовых похищениях людей, захвате заложников (в том числе официальных российских представителей, работающих в Чечне), хищениях нефти из нефтепроводов и нефтяных скважин, производстве и контрабанде наркотиков, выпуске и распространении фальшивых денежных купюр, терактах и нападениях на соседние российские регионы. На территории Чечни были созданы лагеря для обучения боевиков — молодых людей из мусульманских регионов России. Сюда направлялись из-за рубежа инструкторы по минно-подрывному делу и исламские проповедники. Значительную роль в жизни Чечни стали играть многочисленные арабские наемники. Главной их целью явилась дестабилизация положения в соседних с Чечней российских регионах и распространение идей сепаратизма на северокавказские республики (в первую очередь, на Дагестан, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию)².

30 сентября 1999 г. после провокационного вторжения чеченских бандформирований в Дагестан, федеральные войска были отправлены в Чеченскую республику, и данная операция получила официальное название контртеррористической.³

Только 16 апреля 2009 г. в Чеченской республике был официально отменен режим контртеррористической операции. Однако совершенно очевидно, что еще не все национальные проблемы и противоречия разрешены между федеральным центром и Чечней, и данное спокойствие может быть затишьем перед бурей.

Если обратится к историческим фактам, то конфликт на территории Чечни берет свое начало со времен Кавказской войны XIX в., когда Российская империя, расширяя территории на юге, натолк-

¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 08.10.1996 № 336-СФ «О ситуации в Чеченской Республике» [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/5277>

² URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Война_в_Чечне

³ Интервью В. Путина телеканалу ОРТ 15 января 2000 г. // Сайт Президента России. URL: <http://события.президент.рф/выступления/24123>

нулась на сопротивление народов Кавказа. Чеченский конфликт — как борьба за независимость Чечни или выход ее из состава российского государства — зародился, как почти все иные национальные конфликты на территории бывшего СССР, в годы Второй Мировой войны, продолжился во второй половине 1980-х гг., с началом перестройки и ослаблением государственно-партийного контроля над всеми сферами общественной жизнедеятельности. Экономических предпосылок для развития чеченского сепаратизма фактически не было: Чеченская республика, являясь одним из самых бедных экономических регионов России, во многом существовала на субсидии из федерального центра¹. Однако жители Чечни по целому ряду параметров ощущали себя изгоями советского общества, не вошедшими в «новую историческую общность — советский человек», в результате чего национально — сепаратистские тенденции приобрели массовую поддержку в обществе.

В начале 90-х годов XX столетия ситуация усугубилась тем, что сепаратистские тенденции стали проявлять себя и в собственно русских регионах. Так, в 1993 году Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики. Она была разработана учеными Уральского отделения РАН под руководством профессора А. Гайды. Конституция была создана с целью повышения ее статуса в составе Российской Федерации и приобретения большей экономической и законодательной самостоятельности и провозглашала: «Уральская Республика есть субъект Российской Федерации, обладающий всеми правами, установленными для республик в составе России в соответствии с Конституцией Российской Федерации»². Для того чтобы в будущем иметь большую самостоятельность в экономической и законодательной сферах, руководством Свердловской области была выдвинута идея преобразования области в республику. Однако данное государственное образование просуществовало лишь до 9 ноября 1993 г. и прекратило свое существование после издания Указа Президента Российской Федерации о роспуске Свердловского Областного совета, а затем — об отстранении от должности главы администрации Э. Росселя.

¹ Проскуров Ф. Геополитика. Дестабилизация Евразии // Военно-промышленный курьер. № 50 (216). 26 дек. 2007 — 08 янв. 2008.

² Конституция Уральской республики 1993 // Областная газета г. Екатеринбург. 1993. 30 окт. С. 1.

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, «регионализация» российских областей и краев не представляли реальной угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 года признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над региональными законами на своей территории¹. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций протеста.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в СССР существовало противоречие между двумя государственно образующими принципами: национально-территориальным и административно-территориальным. Это противоречие было заложено еще в царской России, что, в свою очередь, привело к пренебрежению национально-этническими интересами. С развалом Советского союза ситуация в Российской Федерации не изменилась, однако механизмы управления Центра субъектами федерации еще не были сформированы, а существовавшие были неэффективными. Это привело в самом начале 90-х годов XX в. к всплеску этнического сепаратизма в национальных республиках.

Только к концу 1993 г. центробежные тенденции начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности национальных движений, которые выступали с сепаратистскими лозунгами. Кроме того, выборы 1994 г. и более поздние выборы в органы государственной власти субъектов федерации показали, что национальные движения во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны².

С другой стороны, роспуском парламента завершилось противостояние Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Свою роль сыграло и выступление в октябре 1993 г. Б.Н. Ельцина о необходимости пересмотра осуществления хозяйственной реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы. В результате стали меняться прежние

¹ Конституция Уральской республики 1993 // Областная газета г. Екатеринбург. 1993. 30 окт. С. 1.

² Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atreidis.narod.ru/politology/pain.html>

экономические отношения между регионами и центром. Так, к примеру, была увеличена доля региональных бюджетов, и несколько расширены права регионов во внешнеполитической деятельности¹.

Как отмечает Э.А. Паин, «в основном перелом сепаратистских тенденций в области федеративных отношений был достигнут за счет переговорного процесса, компромиссов и взаимных уступок, сделанных как федеральной властью, так и лидерами субъектов федерации»².

Однако в 1998 году — в период экономического кризиса в России — центробежные тенденции вновь актуализировались. Субъекты Российской Федерации ввели административное регулирование цен на продукты питания и запрет на их вывоз за пределы соответствующего региона. В прессе заговорили о том, что «продовольственный сепаратизм сильнее политического»³. Однако федеральный центр отреагировал на сложившуюся ситуацию моментально, и 23 сентября 1998 г. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Скуратов дал указание всем прокурорам субъектов федерации проверить законность действий местных властей о приостановлении перечисления налоговых и иных платежей в федеральный бюджет. Уже на следующий день действия региональных властей были опротестованы, а области и края, которые ограничили вывоз продовольствия, в ответ перестали получать бензин и горюче-смазочные материалы, в результате чего регионам пришлось отменить свои решения.

Огромное значение для сохранения целостности России как многонациональной страны имеет подписание Федеративного договора 1992 года и принятие Конституции 1993 года. Как отмечает действующий член РАЕН В. Власов, «это был очень тяжелый обоюдный процесс, но процесс, имевший колоссальное значение. К примеру, федеративный договор, который инициировала Республика Саха и который затем ратифицировали 87 субъектов, сегодня наши оппоненты называют чуть ли не документом, развалившим страну. Это лицемерие чистейшей воды! Наоборот, федеративный договор стал инструментом сохранения целостности

¹ Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atreidis.narod.ru/politology/pain.html>

² Там же.

³ Коновалов В. Губернаторы перегораживают страну // Известия. 1998. 22 сент.

российского государства. Ведь сегодня никто уже не вспоминает о том, что отказались его подписывать только два субъекта — Чечня и Татарстан»¹.

31 марта 1992 г. Федеративный Договор был подписан полномочными представителями субъектов Российской Федерации, а от имени Федерации — Председателем Верховного Совета и Президентом. 10 апреля 1992 г. Шестой съезд народных депутатов России одобрил Федеративный Договор и включил его содержание в текст Конституции Российской Федерации. Значение договора заключалось в том, что была снята угроза дезинтеграции страны. Впервые за время существования российского государства устанавливались равноправные федеративные отношения. Договор поворачивал страну от преимущественно унитарного к формально федеративному устройству. В договоре были четко определены полномочия федеральных органов государственной власти (вопросы принятия и изменения Конституции, установление федеральных границ, внешняя политика и международные отношения, вопросы войны и мира, установление федеральных налогов и ряд других), а также вопросы, относящиеся к совместному ведению федеральных органов и органов власти субъектов в составе Российской Федерации (природопользование и охрана окружающей среды, координация вопросов здравоохранения, общие вопросы воспитания, образования и науки, проведение мероприятий по борьбе с катастрофами и др.).

В статье 3 Федеративного договора был определен статус республик и их полномочия. Республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации в соответствии с настоящим договором². В договоре была предпринята попытка установить равноправные отношения между центром и регионами, впервые устанавливалось, что все спорные вопросы между сторонами решаются Конституционным Судом³.

¹ Федеральный информационный портал «SakhaNews». 2005 г. 21 авг. URL: <http://www.1sn.ru/1301.html>

² Федеративный договор. Документы. Комментарий. М., 1992. С. 10–19.

³ Проблемы национальной государственности и новый российский федерализм // Вестник Марий Эл. 1999. № 2. С. 22.

В ответ на принятие Договора первый Президент Республики Башкортостан М.Г. Рахимов в своем Послании народу и Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан от имени граждан республики заявил: «Наше единство с Россией закреплено в веках договорными узами. Уместно вспомнить, что в такие же весенние дни 1919 г. было подписано Соглашение о признании Башкортостана первой автономией Российской Федерации. В условиях гражданской войны и иностранной интервенции это имело огромное значение для восстановления целостности страны. И в современной истории, при подписании Федеративного договора в 1992 году, Башкортостан еще раз сыграл особую роль в сохранении единства обновленной России»¹.

Федеративный договор основывался на пяти институциональных принципах:

1) признание в качестве субъектов Российской Федерации не только национально-государственных и национально-территориальных образований, но и административно-территориальных единиц высшего звена;

2) равенство конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации — национальных и территориальных;

3) наличие общедоверального масштаба прав человека и признание равенства прав и свобод независимо от этнической, конфессиональной или иной принадлежности граждан на всей территории Российской Федерации;

4) единство экономического, политического и конституционно-правового пространства России;

5) сочетание единства и целостности федеративного государства с максимальной самостоятельностью составляющих его субъектов².

Таким образом, Федеративный договор сыграл позитивную роль в развитии федеративных отношений в постсоветской России и во многом предотвратил распад Российского государства, создав более благоприятные условия для развития демократических и правовых институтов.

¹ Выступление Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова с Посланием народу и Государственному Собранию — Курултаю Республики Башкортостан от 20.04.2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gsrb.ru/Poslanie/poslanie2006.php>

² Федеративный договор. Документы. Комментарий. М., 1992. С. 10–19.

Кроме того, еще до подписания Федеративного договора, в 1991 году, произошло повышение статуса всех автономных областей до уровня автономных республик (а автономные республики провозглашали себя союзными), что автоматически предполагало и их выход из состава соответствующих краев. Заметим, что тем самым разделение на области и края потеряло всякий юридический смысл, ибо при создании краев в начале 1920 года подчеркивалось, что край отличается от области тем, что имеет в своем составе национальные образования¹.

Парадоксально и то, что «выделившиеся из краев слабые автономные области приобрели более высокий статус (республики), чем мощные края»², что, соответственно, актуализировало проблему равноправия субъектов и вызвало протест со стороны российских областей.

Однако не все исследователи видят в подписании Федеративного договора позитивные аспекты в укреплении целостности Российского государства. И.А. Умнова считает подписание договора «концептуально ошибочным», поскольку «договор заключался не по поводу объединения независимых государств, а по поводу разделения государственной власти в России — суверенном государстве путем децентрализации», не во вновь формирующемся государстве, а в государстве, существовавшем задолго до этого. «Поэтому ни о какой передаче полномочий снизу вверх не могло идти и речи, за федеральными органами закреплялись и ранее им присущие полномочия»³.

В августе 1993 г. в «Российской газете» было опубликовано обращение глав исполнительной и законодательной власти ряда крупных регионов к Президенту Российской Федерации и Правительству страны. Авторы письма требовали прекращения сепаратных переговоров с руководством республик (в том числе через Совет глав республик), аннулирования всех достигнутых без участия краев и областей договоренностей об экономических привилегиях республик, отмены всех Указов Президента и постановлений Правительства, «противоречащих законам России и дарующих экономические при-

¹ Вторая сессия ВЦИК XI созыва: стенографический отчет. М., 1924. С. 459.

² Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М.: Экономика, 2000. С. 47.

³ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. С. 70.

вилегии отдельным республикам в составе России». Подписанты настаивали, что к республикам, не перечисляющим в федеральный бюджет предписанные законом налоги, Правительством России должны быть немедленно применены адекватные экономические санкции. Требовалось также заложить в проект новой Конституции Российской Федерации полное «политико-экономическое равенство всех типов регионов России» и тем самым «перейти от национально-государственного деления» страны к «государственно-территориальному». Предлагалось также ликвидировать разнородность субъектов федерации, введя единообразное их наименование — «земля». Фактически это означало бы ликвидацию национального принципа при формировании территорий. Наконец, двусторонние договоры, заключенные между Федеральным центром и некоторыми республиками, должны были, по мнению руководителей регионов, «прекратить свое существование как противоречащие описанному выше федеративному устройству России»¹.

Поскольку и федеральная власть, и руководители регионов рассматривали Федеративный договор как своего рода плод взаимного компромисса, ни одна из сторон не собиралась его воспринимать как принятый «всерьез и надолго», а считала сугубо временным документом. Не случайно Н.П. Медведев, бывший в тот период председателем Комиссии по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета России, признавался впоследствии, что Федеративный договор и не собирались соблюдать, а должны были сменить его принятой референдумом Конституцией².

Конституция Российской Федерации была принята 12 декабря 1993 г. по результатам всенародного голосования, проведенного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации (от 4 октября 1993 года) «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации». Термин «всенародное голосование» (а не «референдум») был использован для того, чтобы обойти положение действовавшего Закона о референдуме РСФСР, согласно которому Конституция может быть изменена лишь большинством голосов от общего числа избирателей страны. Конституция Россий-

¹ Морозов А. Как строить федерацию // Российская газета. 1993. 5 авг.

² Договорная федерация и угрозы федеративных отношений в России: Материалы научной конференции в ИзиСП // Журнал российского права. 1998. № 3.

ской Федерации 1993 года вступила в силу в день ее опубликования в «Российской газете» — 25 декабря 1993 года.

Однако в отдельных республиках, в частности в Республике Татарстан, голосования по Конституции Российской Федерации не проводили, а в некоторых регионах России существовали политические силы, настроенные крайне негативно к принятию данного нормативно-правового акта. По отзыву директора Института истории АН Татарстана Р. Хакимова, «референдум по Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. показал недовольство многих субъектов предложенным проектом. С учетом Татарстана, где голосование не состоялось, и Чечни, где референдум не проходил, число субъектов, проголосовавших против Конституции, составило 32. Таким образом, Конституция Российской Федерации уже в момент ее официального принятия не обладала полной легитимностью»¹.

Как пишет в одной из своих работ Д.Н. Миронов, «существует вопрос о легитимности голосования по проекту Конституции. Он связан с оценкой нормативной базы подведения итогов. Был закон, устанавливавший один порядок. Но вышел указ Президента. Вопрос о пороге нормативной основы признания процедуры проголосовавших был решен по-другому. Результаты голосования в регионах были довольно своеобразными. Не все избиратели республик поддерживали проект Конституции. В ряде республик на референдум пришло менее 50% избирателей».²

Большое значение в сохранении целостности российского государства имела политика, проводимая В.В. Путиным, выраженная в укрупнении регионов Российской Федерации и в жесткой централизации и вертикализации государственной власти. Как отмечает О. Крыштановская в своей работе «Анатомия российской элиты», «Б. Ельцин так и не смог интегрировать верховную власть. При этом ни одна государственная структура не стала доминантной. В условиях вакуума власти неформальные группировки и кланы брали на себя государственные функции, конкурируя между собой за право

¹ Хакимов Р.С. Перспективы федерализации России: взгляд из Татарстана // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 325–337.

² Конституция Российской Федерации: дальнейшее развитие российского федерализма: материалы науч.-практич. конф., посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации (г. Якутск, 23 дек. 2008 г.). Якутск, 2008. 150 с.

выступать от имени Президента. В ельцинский период произошел распад верховной власти. Диффузия власти привела не к демократическому разделению властей, а к управленческому хаосу. Путинский этап характеризуется устранением причин, которые привели к разрушению управленческой вертикали при Б. Ельцине. Новый Президент вернул федеральному центру значительный объем власти над регионами, расширил базу поддержки центра на местах и наметил пути для восстановления действия механизмов управления территориями, при этом формально не нарушая демократических принципов. Была создана управляемая, упорядоченная система исполнительной власти. Если при Б. Ельцине власть рассредоточивалась, перемещаясь от центра к регионам, то при В. Путине власть снова стала возвращаться в центр, центробежные тенденции уступили место центростремительным»¹.

Чтобы предотвратить центробежные тенденции, В.В. Путин провел политические реформы с целью укрепления властной вертикали. В 2000 году изменился порядок формирования Совета Федерации: в Верхнюю палату Парламента стали делегировать по одному представителю от исполнительной и законодательной власти субъекта федерации, но не первых лиц, как было ранее. В конце 2004 г. был принят федеральный закон, изменивший порядок избрания глав субъектов федерации: они стали избираться соответствующими законодательными собраниями по представлению Президента страны. В результате данной политики власть федерального центра была восстановлена, а главы субъектов Российской Федерации стали полностью зависимы от Президента². Опасность распада страны была преодолена благодаря отказу от демократической процедуры проведения всенародных выборов. О. Крыштановская пишет: «Парадокс состоит в том, что не выборы, а назначения привели наверх новых людей»³. Путин В.В. в статье «Россия на рубеже тысячелетий» подчеркнул, что плодотворная и созидательная работа, в которой так нуждается наша страна, невозможна в раздробленном и дезинтегрированном обществе — обществе, где основные социальные

¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 235.

² Нигматуллина Т.А. Механизмы формирования современной российской молодежной политики: региональный аспект. М.: NOTA BENE, 2013; она же: Молодой политик в управлении регионом. М.: NOTA BENE, 2014.

³ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 133.

проблемы и политические силы существуют отдельно от базисных ценностей и фундаментальной идеологической ориентации¹.

Как бы подводя итог подобной политике, английский политолог Ричард Саква, изучающий демократические процессы в современной России, отмечал, что «концепция национального строительства, предложенная В.В. Путиным, основывается на четырех ключевых пунктах. Во главе угла стоит патриотизм, не имеющий ничего общего с национализмом и, напротив, проповедующий гордость за разнообразие российской культуры, исторических традиций и менталитета, за то место, которое Россия занимает в мире. Далее следует государственничество, которое обеспечивает порядок, интегрированность страны и защиту ее интересов за рубежом. Третье положение данной концепции заключается в прагматическом патриотизме, который должен быть надэтническим, поэтому должен преследоваться регионализм, стремление к обособленности. Таким образом, конституционное пространство должно стать единым для всего государства, а местные этнократические элиты влиться в более широкое политическое сообщество на равных правах. В-четвертых, новое национальное государство должно быть социально ориентированным»².

В целом, несмотря на то, что угрозы сохранения целостности страны как таковой сегодня не существует и лозунги обособления используются политическими силами исключительно как ресурс для торга с Федеральным центром, есть смысл назвать возможные очаги развития сепаратизма в современной России:

- Северный Кавказ;
- богатые национальные республики (напр., Республика Татарстан);
- финно-угорские народы (Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Карелия).

У сепаратистской активности в этих регионах существует два источника. Первый — стремление местной элиты к повышению собственного статуса (к улучшению материального положения) через контакты с Финляндией, Венгрией и Эстонией. Большинство из них делает акцент на возрождении культуры финно-угорских народов, обходя вопросы «политического самоопределения» сторо-

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama.ru/works/putin/programm.html>

² Саква Р. Путин: выбор России / пер. с англ. М., 2005. С. 310–311.

ной. Второй — деятельность местных политических сил, обвиняющих региональные власти в «потакании» Москве («партия Дорьям асьнымос» в Коми, группа эрзянских националистов вокруг газеты «Эрзянь Матор» в Мордовии). Национал-радикалы высказывают крайне негативные оценки российского влияния на историю финно-угорских народов, обвиняя Москву в ассимиляции, а также в колониальной политике выкачивания ресурсов;

- Сибирь и Дальний Восток. Однако эти регионы настолько обширны и разнородны, что порождение внутренних источников сепаратизма здесь возможно лишь при содействии зарубежных государств (в 90-е годы XX в. много говорилось о сепаратизме Тувы, включившей в свою конституцию упоминание о возможности отделения от Российской Федерации. На Дальнем Востоке — Курильские острова, Камчатка).

На сегодняшний день можно утверждать, что сепаратистская активность на территории Российской Федерации (за исключением Чечни, где ситуация требует особого рассмотрения) носит преимущественно маргинальный характер. Политических сил внутри страны, способных поставить под угрозу территориальную целостность России, в настоящее время нет. Сепаратистская деятельность проявляется в основном в культурной, научной и идеологической сферах.

Тем не менее некоторые исследователи отмечают, что тема сепаратизма остается крайне важной, и выделяют ряд причин этого:

- экономические и иные диспропорции в развитии регионов России сохраняются и в любой момент могут дать импульс для протестной активности, в том числе сепаратистского характера, и региональные властные элиты могут использовать «сепаратистскую» тематику в торге с федеральным Центром;

- многонациональный состав населения Российской Федерации продолжает продуцировать этнические конфликты, в качестве одной из форм разрешения которых будет предлагаться пересмотр существующих границ и выделение из России тех или иных территорий;

- процессы глобализации разрушают изоляцию между этнически близкими жителями анклавов (как коренных народов, так и между диаспорами выходцев из стран ближнего, а иногда и дальнего зарубежья);

- официальное отношение к проблеме сепаратизма остается противоречивым. Сохраняющаяся двусмысленность в поведении

Российской Федерации по отношению к Абхазии, Приднестровью, Крыму свидетельствует, что восприятие федеральными властями проблемы сепаратизма носит конъюнктурный характер. Если русское население Российской Федерации не обращает на подобную двойственность серьезного внимания, то элиты потенциально взрывоопасных территорий внимательно следят за этим вопросом;

— Центр сохраняет возможности для политической игры вокруг сепаратизма — от раздувания угрозы сепаратизма и взращивания квазисепаратистских сил до целенаправленных попыток девальвирования фактора этничности в пользу строительства нации на основе гражданской, а не этнической идентичности. При этом очевидно, что даже гипотетически возможный в случае очередного витка дезинтеграции Российской Федерации выход одного или нескольких регионов еще не тождественен распаду России;

— сепаратистская карта может разыгрываться не только действующей властью, но и любым из политических игроков. При этом возможности для маневров весьма велики — от создания «образа врага» до совместных протестных акций и даже использования квазисепаратистских сил с целью мобилизации радикально настроенной молодежи (пока более восприимчивой к «имперским» проектам вроде партии Э. Лимонова, но демонстрирующей интерес к любым эпатажным движениям, претендующим на оригинальность поведения);

— попытки «тестирования» целостности и непротиворечивости официальной идеологии будут продолжаться и в дальнейшем. На сегодняшний день готовность государства к таким испытаниям сравнительно невелика, поскольку официальные СМИ и пропагандисты больше ориентированы на блокирование и «зачистку» конкурентов, нежели на победу в честном профессиональном споре¹.

Вместе с тем далеко не все научное сообщество склонно считать, что в современной России имеются реальные очаги сепаратистской активности. Директор Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН А.Б. Юнусова убеждена в отсутствии реальных внутренних угроз целостности Российской Федерации. «Я думаю, понятие «сепаратизм» возможно применить к пограничным регионам. Правда, я не думаю, что в республиках Северного Кавказа или, например, в Оренбургской области вынашивается идея

¹ Виноградов М., Ядыкин А. Сепаратизм в современной России // Со-Общенье. 2003. № 3. С. 18–20.

выделения из состава Российской Федерации. Что касается сепаратизма в республиках Поволжья, Якутии, финно-угорских регионах, о которых Вы спрашиваете, то я считаю, что здесь говорить не о чем», — так отвечает ученый на вопросы корреспондента¹.

При всем уважении к коллеге с данным мнением нельзя согласиться. И современная политическая действительность тому подтверждение. Те сепаратистские тенденции, которые запущены в региональном измерении на современном евразийском пространстве, не могут не настораживать. От синдрома политического сепаратизма не смогли застраховать себя даже европейские государства, такие как Англия (возможности территориального отчуждения Шотландии от Англии).

Более того, по последним данным «Левада-центра» (на конец 2013 г.), проблему сепаратизма существенной в той или иной степени считают 74% россиян, и лишь 9% уверены, что «такой проблемы нет»².

Каковы же возможные очаги (центры) консолидации сепаратистской активности в федеративной России? Об этом подробнее речь пойдет ниже.

3.2. Дорожная карта сепаратистских угроз в современной России и пути их медиативной нейтрализации

Сепаратистские тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги сепаратизма лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муссироваться отдельными политическими силами для реализации своих узконаправленных интересов.

¹ Юнусова А.Б. Сепаратизм в России? Считаю, говорить не о чем [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravda.ru/news/politics/11-11-2013/1181656-separatizm_unusova-0/

² Опрос прошел 15–18 ноября 2013 г. в 45 регионах Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2354209>

Зарубежный ученый М. Херрера рисует следующую картину вероятности выхода в долгосрочной перспективе того или иного региона из состава России: «Адыгея — 15%, Кабардино-Балкария — 20%, Карачаево-Черкессия — 15%, Башкирия — свыше 20%, Татария — свыше 40%, Восточная Сибирь — 30%»¹.

Так ли это? Насколько соответствуют прогнозы М. Херрера реальности? Действительно ли обозначенные субъекты Российской Федерации (как основные очаги сепаратистской активности) имеют «склонность» к политическому сепаратизму и насколько серьезно можно говорить об институциональных и структурных основаниях сепаратистской угрозы? Сразу хотелось бы обозначить теоретический характер подобных научных размышлений, которые могут быть использованы если не для нейтрализации открытых сепаратистских угроз, то для профилактики их латентных видов в отдельных регионах.

Республика Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия (проект «Великая Адыгея», «Великая Черкессия»). Данный тип сепаратизма, на наш взгляд, **геоэтнический** и формируется на базе Абхазии, Черкессии, Кабардино-Балкарии, и Адыгеи.

Абхазы, черкесы, кабардинцы, адыгейцы, а также их соплеменники, живущие в Турции, Сирии, Иордании, составляют один суперэтнос — «адыгэ». В Российской империи и в странах Ближнего Востока представители этого народа более известны, как «черкесы». С образованием независимой Абхазии (а в состав России абхазское государство в обозримом будущем принято быть не может во избежание обвинений в аннексии) возникают предпосылки для формирования нового геополитического проекта — «Великой Адыгеи» или «Великой Черкессии»².

Э. Крюков пишет в газете «Суть времени», что под проект черкесских ультранационалистов «Великая Адыгея» найдутся и спонсоры, и способный к диалогу лидер³.

Адыгское население Карачаево-Черкессии представлено восточными подразделениями — кабардинцами и бесленеевцами, а Ка-

¹ URL: <http://vened.org/statii/2386-2009-04-27-03-32-58.html>

² Серенко А.Н. Проект «Великая Черкессия». 2009 г. 5 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politrus.com/2009/05/05/>

³ Крюков Э. Юг России. Земельные и территориальные споры // Суть времени. 2013. № 22. 3 апр.

бардино-Балкарии — собственно кабардинцами. Название Адыгеи является производным от самоназвания (автонима) этноса — «адыгэ», адыгский компонент в названии Карачаево-Черкессии происходит от иноназвания (экзоэтнонима) «черкес», название Кабардино-Балкарии — от наименования подразделения кабардинцев.

Искусственное разделение единого этноса получило «научную» базу в советской историографии, провозгласившей выделение из некогда единого адыгского (черкесского) народа трех близкородственных, но разных народов — адыгейцев, черкесов и кабардинцев. Однако в результате демократических преобразований в новой России, в которой историческая наука во многом утратила функции государственной монополии, политического и идеологического инструмента, советская мифологема о трех народах утратила свой смысл и актуальность, уступив место процессу осознания адыгами Северного Кавказа своего национального единства, выражающегося в общности этногенеза, истории, языка, культуры и ментальности. Этот процесс более всего углубляется в молодежной среде, свободной от псевдонаучных историографических концепций советского периода.

Х. Бжахо выделяет следующие приоритеты дальнейшего развития адыгского (черкесского) народа:

- восстановление единого этнонима (унификация) для обозначения адыгов (черкесов), проживающих в Российской Федерации, признание органами государственной власти Российской Федерации их этнического единства, внесение соответствующих изменений в наименование республик Северного Кавказа, в которых адыги являются одним из субъектообразующих этносов;

- создание межгосударственных координационных органов республик Адыгея, Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария для решения гуманитарных вопросов по сохранению и развитию адыгского (черкесского) этноса;

- создание единого адыгского (черкесского) алфавита, возможно, единого литературного языка;

- создание политико-правовой и финансовой базы для репатриации потомков вынужденных эмигрантов XIX века;

- создание единого субъекта Российской Федерации (при жестком и непременном условии соответствующих договоренностей с народами и группами, чьи интересы будут затронуты при подобной трансформации);

– возрождение института, статуса и функций Адыгэ Хабзэ как морально-нравственной и духовной основы адыгства, регулятора общественных отношений через внедрение соответствующих предметов и программ в систему образования Республики Адыгея, Карачаево-Черкесской Республики и Кабардино-Балкарской Республики, создание социальной сети материальной поддержки малоимущих и другую деятельность в подобном формате;

– установление органами государственной власти названных выше республик прочных связей и осуществление взаимодействия с адыгской (черкесской) диаспорой в координации с Министерством иностранных дел Российской Федерации¹.

Республика Башкортостан (контрэлитный сепаратизм). Республика Башкортостан, как и другие республики Поволжья, на этапе «Парада суверенитетов» испытывала на себе тенденции этнического сепаратизма, выраженного в некоем социально-культурном сопоставлении так называемого титульного этноса с другими этническими общностями и народностями. В Республике Башкортостан подобные тенденции были выражены в следующих аспектах: обязательное изучение башкирского языка в школах, результаты переписи и т.д. Необходимо особо подчеркнуть, что радикальной конфронтации этносов на территории Республики Башкортостан не было и сам сепаратизм был скорее лингвистическо-культурным. Хотя определенные трудности все же возникали. Так, до сих пор определенное внимание общественности Республики Башкортостан вызывает обязательное изучение в школах башкирского языка.

В новой редакции Закона Республики Башкортостан «Об образовании» от 1 июля 2013 г. № 696-з преподавание и изучение башкирского языка остается обязательным². Согласно п. 2 ст. 6 республиканского законопроекта преподавание башкирского языка будет осуществляться как государственного языка Республики Башкортостан в государственных и муниципальных образовательных учреждениях на территории республики. Изучение будет вестись в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ в соответствии с федеральными стандартами³.

¹ URL: <http://adygi.ru/index.php?newsid=109>

² URL: <http://www.rg.ru/2013/07/17/bashkiriya-zakon696-reg-dok.html>

³ URL: <http://proufu.ru/obcestvo/item/26258>

Данный закон внес окончательную ясность в дискуссии вокруг вопроса, связанного с изучением башкирского языка в республиканских школах.

Вместе с тем, на наш взгляд, лингвистическо-культурный (лингвистическо-этнический) сепаратизм в Республике Башкортостан сегодня трансформировался в контрэлитный сепаратизм, который выражен в определенной политической конкуренции действующей власти в Республике Башкортостан с оппозицией, в своем большинстве поддерживающей прежнюю власть.

Совершенно очевидно, что подобная политическая контрастность в Республике Башкортостан, существование как минимум двух «центров» региональной власти пагубно сказывается на преодолении сепаратистских тенденций в регионе, т. к. в политических играх элит и контрэлит вновь может быть разыграна «этническая карта», как в период «Парада суверенитетов», но с более радикальной выраженностью.

Республика Татарстан (радикально-интеллектуальный сепаратизм). Еще в период «Парада суверенитетов» Республика Татарстан (как, собственно, и Чеченская республика) находилась на особом положении в сфере отношений центр — периферия. Татарстан не принимал участия во всенародном голосовании за проект Конституции России 1993 года. Более того, республика окончательно подписала Федеративный договор о разграничении полномочий Центра и регионов 1992 года лишь в 2007 году. Это позволяет утверждать, что Республика Татарстан, если так можно выразиться, выступает «привилегированным» субъектом Федерации, что совершенно недопустимо для преодоления сепаратистских тенденций.

«Татарстанские власти пытаются защитить самостоятельность республики, и это неплохо, — отмечает академик Российской академии политических наук В. Беляев. — Это нужно, чтобы было больше возможностей в остатках федерализма, и унитарная вертикаль была демонтирована»¹.

Вместе с тем стремительное социально-экономическое развитие Татарстана, объясняющееся во многом огромными и фактически безвозмездными кредитами, которыми регулярно подпиты-

¹ URL: <http://grrussia.ru/page/29-06-2012>

вает республику федеральный центр, оборачивается для Москвы дальнейшим ростом местного сепаратизма¹.

Республика Татарстан переживает сейчас интересную эволюцию. Татарстану удалось стать главным претендентом на роль (альтернативного официальной Москве) научного генератора гуманитарных подходов, создающим собственную модель исторического, этнологического и политологического описания российской реальности. Именно интеллектуальная деятельность канализирует в республике татарскую активность. Процесс выращивания в республике сепаратизма примечателен тем, что в Казани серьезно занимаются проблемой адаптации собственных наработок к российскому общественному мнению — как либеральному, так и склонному к традиционным ценностям. Истоки этих ценностей — в работах Л. Гумилева и А. Фоменко, склонных к «реабилитации» роли татар в русской истории, что свидетельствует об интеллектуальном характере татарского сепаратизма.

Хотя и в этом вопросе не все так просто. В последнее время сепаратизм в Республике Татарстан явно радикализировался. Татарские сепаратисты начинают находить поддержку не только у США или Турции, но также и у постсоветских стран, ориентирующихся на них. Речь идет о Грузии и Азербайджане. Тбилиси, который сейчас взял курс на раскручивание проблемы так называемого «геноцида черкесского народа», все больше обращает внимание на сепаратистов из Поволжья. По телеканалам Грузии транслируются видео-мосты между Тбилиси и «татарскими борцами против имперской политики России». Сюда можно отнести периодически проводимые «Вечера памяти Джохара Дудаева» в Казани, устраиваемые местными сепаратистами. Татарские национал-радикалы поддерживают связь с женой Дж. Дудаева, проживающей в Грузии. Что же касается поддержки со стороны Азербайджана, в том числе и финансовой, то она происходит в результате пантюркистских заявлений татарских сепаратистов в поддержку Баку в нагорно-карабахском конфликте².

¹ Сепаратизм «тюркских окраин». Татарстану вскружило голову от экономических «успехов» за федеральные деньги [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianskz.info/politics/3806-separatizm-tyurkskih-okrain-tatarstanu-vskruzhilogolovu-ot-ekonomicheskikh-uspehov-za-federalnye-dengi.html>

² Идеология, организации, зарубежное влияние национал-сепаратизма в Татарстане в начале XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/ideologiya-organizacii-zarubezhnoe-vliyanie-nacional-separatizma-v-tatarstane-v-nachale-xxi-veka/>

Заместитель председателя Общества русской культуры Татарстана М. Щеглов считает, что сепаратизм в Татарстане демонстрирует собой не просто желание создать татарское государство, а ненависть к России, русским как этносу, русской культуре и православной вере. «Сепаратисты в Казани пытаются внушить русским, что Россия — это плохое государство, да и сами русские как народ олицетворяют собой все плохое, грязное и противное», — отмечает М. Щеглов. По его мнению, при чтении подобных информационных ресурсов, как правило, русскоязычных, создается ощущение, что татарские русофобы пытаются внушить чувство вины русским людям, ждут их раскаяния за грубо и предвзято интерпретируемые события прошлого, пытаются сформировать у них комплекс неполноценности, ведь зачастую русскоязычные сайты татарских сепаратистов рассчитаны не только на татарскую аудиторию, но и на русскую публику. Несмотря на поток русофобии, сепаратистам удастся добиться определенных результатов: у определенной части русского населения Татарстана не только не сформировано здоровое национальное самосознание, но и гражданское. «Особенно сильно национал-сепаратисты в Татарстане обрушиваются на православие, что и понятно, поскольку именно в православии заключена воля и дух русского народа», — далее пишет М. Щеглов. Поэтому целью сепаратизма является подрыв основ не только единства Российского государства, но и русского народа. «Эти идеи воспроизводятся и в татарских семьях, когда уже 8-летний ребенок знает о «грязных русских», представление о неполноценности и ущербности русских продолжается и в СМИ, и даже в академической среде», — констатирует эксперт, справедливо полагая, что эти тенденции тянут самих татар в тупик¹.

Хотелось бы обратить внимание, что сепаратизм в Республике Татарстан проявляется в открытых радикальных формах. Так, в ночь с 16 на 17 ноября 2013 г. сгорели молитвенный дом в селе Ленино-Новошешминского района и строящийся храм в Чистополе. А в ночь с 28 на 29 ноября 2013 г. сгорели церкви в селе Албай Мамадышского района и в селе Крещенные Казыли Рыбно-Слободского района².

¹ Идеология, организации, зарубежное влияние национал-сепаратизма в Татарстане в начале XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/ideologiya-organizacii-zarubezhnoe-vlianie-nacional-separatizma-v-tatarstane-v-nachale-xxi-veka/>

² URL: <http://kazan.bezformata.ru/listnews/na-vosstanovlenie-sozhzhennih-tcerkvej/16151634/>

Председатель Общества ревнителей истории В. Иванов обращает внимание на участие татарских сепаратистов в панугро-финском антироссийском проекте, на ту роль, которую играют татарские националисты в деле объединения угро-финских народов Среднего Поволжья на сепаратистской и антироссийской почве. Подробно он останавливается на личности Рамае (Рамазана) Юлдашева, одного из лидеров тенгрианского (неоязыческого) движения среди татарских радикалов. Именно последний активно пытался в период после парламентских и до президентских выборов включить марийских неоязычников в белоленточное движение в Марий Эл, и ему это частично даже удалось осуществить¹.

Экс-Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев в одном из своих выступлений отметил: «Я хочу сказать, что нам нельзя упрощать (это мое твердое убеждение) и факт подписания Договора 2007 года. Очень четко здесь было сказано о значении этого Договора и на будущее. Это единственный Договор, который был одобрен в установленном порядке, прошел через Государственную Думу, Совет Федерации и подписан Президентом. Это нелегко далось. Договор, я вам должен сказать, нелегко давался В.В. Путину. Единственный Договор, который был подписан, сначала был отклонен, потом повторно по его же предложению рассмотрен еще раз Государственной Думой. Там указан срок, он действует до 2017 года. Это политическая воля, проявленная Борисом Николаевичем в свое время, в той ситуации, и Владимиром Владимировичем Путиным. Ведь одно дело — наше понимание, наши устремления, тем более учитывая, что за эти годы огромные изменения произошли в самосознании, особенно нашего многонационального народа и, безусловно, татарского народа, потому что ущемленность была»².

¹ Идеология, организации, зарубежное влияние национал-сепаратизма в Татарстане в начале XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/ideologiya-organizacii-zarubezhnoe-vliyanie-nacional-separatizma-v-tatarstane-v-nachale-xxi-veka/>

² «Круглый стол», приуроченный к 20-летию подписания договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничения предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (14 февраля 2014 года): стенографический отчет [Электронный ресурс]. URL: http://www.gossov.tatarstan.ru/fs/site_documents_struc/14_02_14.pdf

Республика Алтай, Алтайский край, Читинская область, Кемеровская область, Новосибирская область (сибирский сепаратизм).

Термин «сибирский сепаратизм» стал широко употребляться после раскрытия в 1865 году так называемого «Дела о попытке отделения Сибири от России». Ознакомление с материалами этого «Дела» позволяет заключить, как минимум, следующее:

- в середине XIX в. сформировалась группа интеллигентов, по преимуществу студентов, открыто заявивших о необходимости изменения колониального статуса Сибири, повышении уровня ее автономизации в рамках царской России;

- особое недовольство этой группы вызывала практика управления Сибирью царским правительством, не учитывающая специфику экономической и социальной жизни сибиряков, исключаящая их право на «народоправство», то есть демократическое управление своей жизнедеятельностью;

- лидирующую роль в этой группе играли Григорий Николаевич Потанин и Николай Михайлович Ядринцев — соавторы теории сибирского областничества;

- явного призыва к отделению Сибири от России лидеры этой группы (но не все ее члены) не выдвигали и практических сепаратистских действий не предпринимали, ограничиваясь научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельностью в русле так называемого «областнического движения», целью которого являлась подготовка сибиряков (экономическая, образовательная и нравственная) к будущей административной и культурной автономии Сибири в рамках России;

- идеи раннего сибирского областничества не проникли в народные массы и не стали импульсом массовых акций сепаратистского характера¹.

Современный сибирский сепаратизм характеризуется неманифестированностью, латентной конфликтностью, признаками его выхода из латентной фазы в следующие стадии развития конфликта. Он проявляется, во-первых, в росте массового недоволь-

¹ Щербинин Д.И. Проблема сибирского сепаратизма в контексте защиты территориальной целостности России // *Общественные системы в условиях мирового финансового кризиса: тенденции, проблемы и перспективы стратегического и технологического развития, экологическая безопасность: сб. статей.* Волгоград — М.: Центр прикладных научных исследований, 2010. С. 78–81.

ства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспропорций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской России. Во-вторых, в негативно-стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающим социальную напряженность в сибирских субъектах Российской Федерации. В-третьих, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири¹.

Д.И. Щербинин в одной из своих научных работ обращает внимание «на существенные отличия показателей полной и частичной солидарности населения различных регионов с идеологией сибирского сепаратизма (соответственно с сецессионистской и автономистской ее формами). В промышленно развитых регионах (Кемеровской и Новосибирской областях, а также Красноярском крае) сепаратистские идеи распространены в значительно большей мере, чем в целом по Сибири, особенно ее аграрных регионах. Взаимосвязь сепаратистских настроений с уровнем индустриализации регионов имеет гораздо более сложный характер, чем может показаться на первый взгляд. Тем не менее, очевидно, что дальнейшая индустриализация Сибири по используемым направлениям будет иметь своим следствием развитие сепаратистских настроений ее жителей и повышение конфликтного потенциала этих настроений»².

В этом контексте крайне важно интервью, которое дал агентству «Накануне.RU» директор Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнов. В числе прочего он сказал: «Если в ближайшее время не будет решительной восточной политики у России, то есть политики Зауралья, всей большой страны за Уралом, то мы просто потеряем ее. С точки зрения материально объективных, сермяжных факторов, Сибирь и Дальний Восток имеют в миллион

¹ Щербинин Д.И. Сущность и проявления сибирского сепаратизма // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Вып. 11: межвузовский сб. науч. трудов (междунар. выпуск) / под общей ред. проф. С.Н. Волкова. Пенза: Изд-во Пензенской государственной технологической академии, 2008. С. 118–121.

² Щербинин Д.И. Проблема сибирского сепаратизма в контексте защиты территориальной целостности России // Общественные системы в условиях мирового финансового кризиса: тенденции, проблемы и перспективы стратегического и технологического развития, экологическая безопасность: сб. статей. Волгоград — М.: Центр прикладных научных исследований, 2010. С. 78–81.

раз больше возможностей для отделения, чем Северный Кавказ. Это первый момент. Потому что живет там, собственно «пол-Москвы», если брать Дальний Восток. Или «Москва», если брать Восточную Сибирь и Дальний Восток по количеству населения. Пространства необъятные и сверхбогатые, и, по большому счету, все материально-объективные предпосылки для сепаратизма есть. Плюс очень сильно иницируется сепаратизм. Напомню слова Кашина Олега, печально знаменитого, по поводу того, что Сибирь надо бы продать, отдать. Значит, соответственно, Сибири надо отделиться»¹.

Очевидно, что список возможных гипотетических угроз сепаратизма в российских регионах не ограничивается лишь субъектами Российской Федерации, выделенными М. Херрером. Сепаратистская активность периодически прослеживается на Северном Кавказе в своей радикальной открыто-военной форме (Чеченская Республика, Ингушетия, Дагестан), может вспыхнуть в приграничных регионах — Калининградская область. Эти типы российского сепаратизма достаточно полно освещены в научной литературе. Вместе с тем от сепаратистской тенденции в полной мере не может быть защищен ни один регион в условиях глобализации современного политического процесса.

Актуализация сепаратистской угрозы, безусловно, актуализирует и поиск решения этой проблемы. На сегодняшний день научным сообществом предложено достаточно много различных программ и технологий. Наиболее эффективными нам представляются следующие:

- гласное размежевание нынешней государственной власти с политическими течениями, которые вели работу по разделению СССР и продолжают аналогичную работу в Российской Федерации. Надо дать историческую оценку сепаратизму как политическому средству и закрыть эту страницу;

- системный анализ проблемы и «штабная игра» с беспристрастной оценкой мотивов и ресурсов всех сил сепаратизма (и его союзников) и противостоящих им сил Российского государства и общества. Составление «карты» очагов сепаратизма в России;

- непредвзятый исторический анализ опыта (успешного и неудачного) Российской империи и СССР по нейтрализации, подавлению и духовному разоружению сепаратизма;

¹ URL: <http://ufaland.info/>

– кампания по подрыву легитимности сепаратизма всех видов в соответствующих «группах риска» российского общества и влиятельных кругах мирового общественного мнения. Создание для этой цели временного коллектива экспертов, творческих и технических работников СМИ, действующего в рамках программно-целевого управления — с оценкой их программ и действий независимыми экспертами;

– подготовка и издание видео-лекций для «кликбеза» по проблемам этнологии, межэтнического общежития, национально-государственного устройства России (и альтернативных моделей), межэтническим конфликтам и сепаратизму. Проведение в регионах учебы государственных чиновников и работников СМИ, работающих в русле этих проблем, а затем учебных сборов (совещаний) чиновников высшего звена с участием научного эксперта;

– разработка доктрины информационной войны с сепаратистами в условиях свободы слова, отсутствия цензуры и неэффективности авторитарных методов управления. Отбор мотивированных и способных гуманитариев и журналистов и организация коллектива для ведения контрпропаганды с параллельным обучением и ведением исследовательской работы;

– разработка чрезвычайной программы оздоровления и модернизации социально-экономической обстановки в депрессивных регионах проживания нерусских народов. Создание на внеидеологической основе новых производственных систем с рабочими местами, адекватными культурным и ресурсным условиям регионов. Создание государственной системы оргнабора рабочей силы и декриминализация анклавных рынков труда этнических мигрантов. Программа подготовки гуманитарной этнической интеллигенции в лучших вузах России;

– общественный диалог представителей верховной власти России в регионах о желаемом «образе будущего» многонациональной России и соответствующей коррекции курса реформ на местах.

Демонстрируя федеративное многообразие России и возможность возникновения различных проблем, связанных с актуализацией сепаратизма и национализма в российских регионах, Л.М. Дробижева пишет: «В таких республиках, как Якутия, фокус идеологических и политических устремлений концентрировался на хозяйственной и культурной сферах, но приоритет отдавал-

ся идеям, которые соответствовали экономическому национализму. В Карелии и Коми, где титульные национальности были в демографическом меньшинстве, речь шла главным образом о поддержке культурной самобытности, языка, что соответствует идеям культурного национализма. В других республиках, в частности в Северной Осетии и Ингушетии, доминировали идеи защиты: защиты территории, влияния на пространстве, возвращения потерянных земель. Немцы Поволжья, к примеру, пытались восстановить свою автономию, а ингуши — добиться переноса административной границы Ингушетии и Северной Осетии и передачи Пригородного района в состав своей республики. Идеи защитного национализма присутствовали и среди идеологов русского национализма (защита экологии Байкала, защита русской деревни писателями-деревенщиками, защита крестьянства, потерявшего свою наиболее активную часть в лице раскулаченных и сосланных работников)»¹.

В декабре 2013 г. Президент России В.В. Путин подписал закон о наказаниях за публичные призывы к сепаратизму. Закон дополняет Уголовный кодекс России новой статьей, предусматривающей ответственность за «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Максимальное наказание по добавленной в Уголовный Кодекс России статье — пять лет лишения свободы. Призывы к отделению территорий будут наказываться штрафом в размере до 300 тыс. руб., обязательными работами на срок до 300 часов или лишением свободы на срок до трех лет. Если эти призывы прозвучали в СМИ или интернете, срок наказания составит до пяти лет лишения свободы либо до 480 часов обязательных работ. Статья Уголовного Кодекса России «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» начал действовать с 9 мая 2014 года. Дела по новой статье отнесены к подсудности Следственного Комитета России².

Сами методы борьбы с сепаратизмом можно условно подразделить на два типа — ненасильственные и насильственные. К ненасильственным методам относятся политические и экономические

¹ Дробижина Л.М. Возможен ли конструктивный национализм? // Россия в глобальной политике. 2008. № 6.

² URL: <http://www.interfax.ru/russia/349590>

стимулы со стороны центральной власти в отношении проблемных регионов:

- наделение регионов большими полномочиями (автономия, деволюция);
- финансовая поддержка региональных элит;
- пропаганда, в том числе дискредитация лидеров сепаратистов;
- экономические санкции в отношении региона.

Насильственные методы могут подразумевать:

- тюремное заключение сепаратистов (лидеров и активистов);
- силовое (вооруженное) подавление сепаратизма, сопряженное с физическим устранением сепаратистов.

Говоря о том, что вооруженные сепаратистские формирования активизируются тогда, когда опираются на поддержку местного населения, И.В. Бочарников формулирует три главные задачи, требующие первоочередного решения в случае необходимости силового решения проблем сепаратизма:

- необходимость завоевать доверие населения с помощью различных информационно-политических мероприятий и оказания гуманитарной помощи;
- изоляция проблемного региона от внешних источников пополнения вооружения и прочих материальных ресурсов;
- уничтожение базовых центров сепаратистских вооруженных формирований¹.

Безусловно, при решении проблемы сепаратизма следует стараться максимально использовать ненасильственные политические методы: вести переговоры с региональными политическими элитами, интенсифицировать просветительскую и пропагандистскую деятельность в проблемных регионах, объясняя широким слоям населения преимущества стабильной территориальной целостности государства и недостатки или невозможность отделения, образования новой страны. Этнические и религиозные различия могут использоваться для разжигания конфликтов, однако основная их причина — это структурная и системная несправедливость, заключающаяся в отстранении населения от участия в управлении страной, в отсутствии возможности влиять на распределение экономических ресурсов и в систематическом нарушении прав человека.

¹ Бочарников И.В. Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2008. 45 с.

Стабильность в стране может быть достигнута лишь в условиях соблюдения принципа социальной справедливости вне зависимости от региона проживания граждан. Нарушение этого принципа закладывает фундамент новой проблемы, которая непременно проявит себя в будущем, если только ситуация не будет изменена к лучшему в кратчайшие сроки. Также важно не допускать резкого ухудшения условий жизни широких слоев населения, когда люди готовы силой изменить положение вещей, чем могут воспользоваться радикально настроенные региональные политические силы, строящие свои кампании на сепаратистских идеях.

Говоря о противодействии сепаратизму, важно понимать, что не все определяется ресурсами. Многое зависит от воли, знаний, умений и целеустремленности противоборствующих сторон. Гуманитарные технологии представляют собой «обоюдоострое оружие». Ключом к подрыву целостности государства являются ослабление и разрыв системообразующих связей и отношений, реконфигурация отдельных элементов и придание антигосударственного характера культурному, символическому, информационному и психологическому пространству. Напротив, укрепление целостности государства требует упрочения системных связей и отношений, создания дополнительных элементов и соотношений, а также обеспечения благоприятной среды в каждом из перечисленных пространств.

Нельзя забывать и о концепте «умной силы», предписывающем применять как «мягкие» (ненасильственные), так и «жесткие» (насильственные) методы, а главное — уметь различать случаи, когда уместны первые или вторые. Самый жесткий ответ должны встречать сепаратистские действия и намерения субъектов, обладающих силовым, административным и (или) финансовым ресурсом. Основной удар следует наносить не столько по рядовым исполнителям, сколько по организаторам и заказчикам подрывной деятельности. При этом важно постоянно наращивать информационный обмен между различными службами и ведомствами, соприкасающимися с проблемами сепаратизма. Это позволит правоохранительным органам работать на опережение, получая актуальную информацию.

Важно учитывать, что субъекты, пришедшие из откровенно криминальной среды, не часто способны подняться до понимания общегосударственных целей и задач. История, конечно, знает исключения из этого правила (вспомните Г.И. Котовского), но они

достаточно редки. К тому же на знаменитого комбрига повлияло то, что ему пришлось встраиваться в иную социальную среду, а не создавать среду «под себя». Вместе с тем скрытые сепаратистские намерения могут питать и некоторые вполне респектабельные политические лидеры. Нельзя возлагать особые надежды на внешнюю лояльность элит. Однако столь же важно избежать превращения огульных обвинений в сепаратизме в инструмент сведения личных счетов. Если по обвинению в сепаратизме будут привлекаться к ответственности люди явно невиновные, вдобавок популярные в регионе, это лишь усилит позиции действительных сепаратистов. Уголовная репрессия — инструмент, который должен применяться точно, выверено и обоснованно¹.

Следует помнить, что в интересах сепаратистов — привлечение к ответственности сравнительно безобидных активистов и ускользание от нее эверсоров, то есть лиц, организующих применение гуманитарных технологий в подрывных целях. Разумеется, если в сети Интернет высказываются прямые сепаратистские призывы, правоохранительные органы не могут не реагировать на эти факты (на первых порах, может быть, в профилактической форме). Однако по общему правилу гуманитарно-технологические вызовы требуют столь же «мягких» (но эффективных) гуманитарно-технологических ответов. К числу последних относятся научные конференции, посвященные как укреплению целостности государства, так и развенчанию сепаратистских мифов, политологические мастер-классы, издание серьезной исторической и философской литературы, создание фильмов, телепередач и даже компьютерных игр. Важно не затушевывать острые углы, освещать спорность и многогранность исторического процесса и исходить из приоритета таких ценностей, как целостность и суверенитет государства.

В обществе должен быть создан климат неприятия сепаратизма. Факты, дискредитирующие лидеров соответствующих течений, должны предаваться огласке и становиться предметом общественного обсуждения. Вместе с тем важно не допускать превращения последнего в средство косвенной «раскрутки» активистов, не имеющих сколько-нибудь существенных известности и влияния.

¹ Клачков П.В., Подъяпольский С.А. Эффективное противодействие сепаратизму в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 13–18.

Противодействие сепаратизму должно быть поставлено на научную основу. Необходимы исследовательские программы по изучению политических и исторических корней, причин, закономерностей, тенденций развития и конкретных проявлений этого явления. Запуск таких программ — часть ответственности власти перед обществом. Также под патронажем органов власти должны осуществляться социальные целевые программы.

Особое место следует уделять профилактике, заблаговременному выявлению «болевых точек». Эффективное решение проблем регионов и ликвидация несправедливостей в межрегиональных и межэтнических отношениях способны выбить из-под ног сепаратистов почву, на которой они паразитируют. Реализация совокупной воли власти и общества обеспечит синергетический эффект, в результате которого будет создан механизм профилактики сепаратизма и социокультурный климат неприятия экстремистских подходов.

При этом особое внимание необходимо уделить двум аспектам. Во-первых, сегодняшняя Россия до сих пор находится в процессе государственностроения, то есть продуцирования новой России как национально-территориального и территориально-административного образования. Всеохватные трансформации еще не завершены. Пространству, уникальному по протяженности, степени социально-экономической и этнической дифференциации населения, еще только предстоит обрести новую структуру и цивилизационное лицо, при том, что факторы распада продолжают действовать.

Во-вторых, в условиях социально-экономического кризиса многие региональные и национальные правящие элиты используют стратегии самостоятельного сепаратного — внутриполитического и внешнеполитического (а также внутри- и внешнеэкономического) поведения, нацеленные на наращивание объема реальной власти в регионах и ограничение политической власти федерального центра.

У нас нет достаточных оснований расценивать эти действия как сепаратистские: они могут быть лишь хаотичными и стихийными проявлениями автономистских тенденций. Однако наш анализ развития сепаратизма показал, что при игнорировании автономистских симптомов региональные элиты для достижения своих целей могут использовать стратегию радикализации устремлений и требований. В этом случае автономизм становится сепаратизмом, угрожающим государственному суверенитету. В настоящее время в России некото-

рые национальные и региональные элиты как бы балансируют на грани сепаратизма, и, поскольку возможна как эскалация сепаратизма, так и победа центристских тенденций, российская государственность пребывает в недостаточно устойчивом состоянии.

Таким образом, сегодня одинаково опасно как недооценивать сепаратистские тенденции, так и «демонизировать» характер угрозы. При этом, оценив состояние российской государственности как относительно устойчивое, но недостаточно стабильное, необходимо разработать систему мер, нацеленных на нейтрализацию сепаратистской угрозы. *Причем в качестве императива и одновременно главной цели этой деятельности должно выступать не только и не столько сохранение государственной целостности (угроза «распада» государства на данном этапе представляется нам как преувеличенная), сколько именно упрочение и стабилизация государственности.*

Эта деятельность должна осуществляться по нескольким направлениям.

Правовое направление. Основу правовой базы деятельности, нацеленной на стабилизацию российской государственности и предотвращение сепаратизма, составляет Конституция Российской Федерации, закрепляющая полиэтническую модель российского общества и провозглашающая суверенитет государства от имени многонационального российского народа (ст. 3). Конституцией гарантируются права человека, связанные с его национальной принадлежностью: право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26), а также право народов на сохранение родного языка (ст. 68).

Конституция содержит нормы, запрещающие пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Статья 136 Уголовного кодекса Российской Федерации и предусматривает уголовную ответственность за нарушение этих конституционных норм.

Глава 3 Конституции закрепляет федеративную форму государственного устройства, принципы федерализма, унитаризма и автономии, обеспечивающие государственную целостность Российской Федерации как единого, самостоятельного государства.

В то же время в области конституционного регулирования федеративных отношений можно назвать ряд существенных проблем:

- наличие противоречия между этническим и территориальным принципами, положенными в основу построения Российской Федерации;
- «асимметричность» федерации и фактическое неравенство правовых статусов национальных и территориальных субъектов Российской Федерации;
- наличие содержательных противоречий между различными правовыми актами, закрепляющими правовые статусы субъектов Российской Федерации,
- отсутствие полного соответствия Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации Конституции России;
- противоречивость (даже парадоксальность) правового статуса и неясность полномочий автономных округов;
- неоднозначность зафиксированного Конституцией Российской Федерации «права нации на самоопределение»;
- неясность общих принципов разграничения предметов ведения и полномочий между центральной властью и субъектами федерации. Еще одна проблема связана с тем, что Конституция Российской Федерации принималась в условиях неконтролируемого федеральным центром роста национальных движений и «парада суверенитетов», поэтому ст. 5 Конституции Российской Федерации содержит норму — «уступку» национальным элитам: республики в составе федерации названы (хоть и в скобках) государствами.

Таким образом, принятая в 1993 году Конституция России, с одной стороны, соответствует нормам международного права, с другой стороны, ее авторы ориентировались на «злобу дня», решая задачу соответствия конституционных норм сиюминутной внутриполитической ситуации. Поэтому ряд норм института Конституционного права подлежит двойной интерпретации. Эти нормы и положения, а также подзаконные акты, регулирующие определенные аспекты федеративных отношений, толкуются региональными и национальными элитами «в свою пользу».

Соответственно, необходимо устранить некоторую хаотичность и конъюнктурность, присущую институту Конституционного права Российской Федерации. При этом следует ориентироваться на задачу создания единого конституционно-правового пространства государства. Важно также нормативное обеспечение полного и реального равенства субъектов федерации.

Эта деятельность должна осуществляться с учетом основополагающих норм международного права: Всеобщей декларации прав и свобод человека ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Парижской хартии всей Европы от 21 октября 1990 г., европейской Декларации о хартии народов и регионов и др.

При этом необходимо исходить из того, что задача формирования конституционно-правового пространства страны подразумевает не калькирование норм международного права, а кодификацию норм на основе *рефлексии ее содержания сквозь призму специфики и реальных проблем стабилизации российской государственности*. В частности, глубокой рефлексии требует нормативная сущность («дух закона») Международных пактов о правах, в содержании которых права человека и их реализация увязаны с гарантиями прав этнических групп. В данных пактах также зафиксированы нормы, согласно которым каждая нация имеет право на самоопределение. «В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права»¹.

Сегодня «право нации на самоопределение», будучи зафиксированным и в Конституции Российской Федерации, но не будучи в полной мере отрефлексированным сквозь призму российских и международных политических реалий, осложняет укрепление российской государственности. Необходимая рефлексия должна быть осуществлена с использованием подходов, принятых в международной политико-правовой практике: принцип государственной целостности России должен отстаиваться на основе признания исторического самоопределения народов в составе России.

В российской правовой системе объем права наций на самоопределение должен быть ограничен нормами национального и международного права. В частности, в Декларации о принципах

¹ Цит по: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Бек, 1996. С. 179.

международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., содержится основополагающая норма, согласно которой при реализации права народов на самоопределение ничто не должно толковаться как «санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств»¹.

Таким образом, основополагающие нормы международного права (в том числе, Заключительный акт Сопения по безопасности и сотрудничеству в Европе) составляют сегодня ту парадигму, в рамках которой этносы и регионы могут использовать широкие возможности для реализации своих прав на свободу, независимость и самоопределение в границах существующих государственных образований и без сепаратизма. В качестве основных форм реализации этих возможностей выступают территориальная и национально-культурная автономия. В содержательном отношении усовершенствование конституционно-правовой базы российской государственности должно осуществляться в этой парадигме. Результатом правотворчества, цели и общий вектор которого вполне соответствуют общемировым тенденциям развития федерализма, стал Федеральный закон Российской Федерации от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии». Значение данного закона как компонента правовой базы укрепления российской федеративной государственности трудно переоценить, поскольку он прямо закрепляет правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации, создает правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития.

Важным шагом в направлении формирования базы для осуществления свободных и равноправных межнациональных отношений в Российской Федерации стало принятие в 1991 году Закона

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. Цит. по: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: Бек, 1996. С. 203.

РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В соответствии с ним действия советских властей в отношении репрессированных народов были признаны преступными, а сами народы юридически реабилитированы. Этот шаг сам по себе не может избавить этносы от негативной исторической памяти, однако является правовым закреплением принципа исторической справедливости. Он также лишает сепаратистские элиты возможности представлять Россию как империю, проводящую одинаково деспотичную политику во все периоды общественного развития и не признающую своих исторических ошибок и преступлений.

Принятие этих норм стало важным фактором предотвращения разрастания сепаратистских тенденций в начале 90-х годов XX века. Однако императив укрепления российской государственности предполагает дальнейшее усовершенствование правовой базы осуществления федеративных отношений. В ходе этой деятельности необходимо ориентироваться на следующие задачи:

- снятие противоречия между этническим и территориальным принципами построения Российской Федерации;
- правовое гарантирование равенства всех российских народов во всех областях жизни (экономической, политической, культурной и т. д.), независимо от того, является ли народ субъектообразующим в рамках федерации;
- устранение всех противоречий между правовыми актами, закрепляющими правовые статусы субъектов Российской Федерации;
- устранение всех содержательных несоответствий Конституций и Уставов субъектов Российской Федерации Конституции России;
- определение общих принципов разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами федерации;
- расширение понятия и полномочий национальных автономий;
- определение общих принципов урегулирования межнациональных конфликтов. В этом направлении следует ориентироваться на «Десять европейских заповедей» и Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года;
- в сфере обеспечения прав народов, не имеющих национальной государственности и субъектности внутри федерации, налажи-

вание всестороннего (в том числе, законотворческого) сотрудничества на государственном уровне с Организацией Непредставленных Народов и Наций (ОННН или ШПРО);

— в перспективе — постепенное реформирование федерации в направлении укрупнения субъектов, снятие территориально-национальной дискретности, то есть ликвидация асимметрии федерации путем формирования нового типа субъектов, образованных путем укрупнения и объединения имеющихся национальных и территориальных образований. Ими могут стать федеральные округа нового типа, «земли», территориальные автономии, «русские штаты» и т.д. Таким образом, будет сформирована конституционная федерация. Однако укрупнение субъектов должно осуществляться исключительно на договорной основе в ходе процесса согласования интересов этносов и территориальных образований. Этот процесс необходимо осуществлять на базе имеющегося опыта внутрифедеративного согласования интересов, сформировавшегося в 90-е годы XX века.

Политическое направление. Следует подчеркнуть, что деятельность государства, нацеленная на правовое обеспечение стабилизации государственности должна опираться на комплекс политических мер, гарантирующих реализацию этой цели. В политической сфере укрепление государственности и деактуализация угрозы сепаратизма, на наш взгляд, может быть осуществлена посредством формирования и укрепления демократических основ российской государственности, которые гарантируют осуществление федеративных отношений в конституционно-правовом поле и их надежную защиту законом и судом. Развитие политического плюрализма, институтов гражданского общества, гарантия независимости средств массовой информации, свободы слова и других основ демократической государственности является императивом по отношению к обеспечению прав национальных и конфессиональных общностей и территориальных образований на равное и свободное участие в осуществлении государственной власти в Российской Федерации.

Необходимо возродить и активно совершенствовать механизмы согласования интересов регионов, сформировавшиеся и апробированные в период подписания «Договора об общественном соглашении». Такой подход к стабилизации российской государственности позволит рассматривать незыблемость, целостность политического,

правового и экономического пространства страны, с одной стороны, как необходимое условие, с другой — как политический результат реализации прав субъектов федерации на осуществление государственной власти.

Механизм внутрифедеративного согласования интересов должен быть институционально оформлен. Реформа Совета Федерации и, прежде всего, вывод из его состава региональных лидеров, исключили возможность использования этого органа в качестве механизма согласования интересов центра и регионов и регионов между собой. Конституционный суд Российской Федерации также не обладает соответствующими полномочиями и по целому ряду других причин (загруженность, отсутствие достаточного всефедеративного авторитета) не может играть роль арбитра в урегулировании федеративных отношений и третейского судьи в случае возникновения внутрифедеративных противоречий. Поэтому мы считаем не только возможным, но и необходимым учреждение федерального арбитражного органа, в который войдут представители всех субъектов федерации, а также представители всероссийских общественных организаций и движений. Мы полагаем, что квота на участие в этом органе для всех субъектов должна быть равной (2–3 человека от субъекта), а механизм делегирования может быть определен каждым субъектом самостоятельно. Такой подход позволит обеспечить легитимность представительства. Одни регионы могут делегировать в него члена совета старейшин или лидера религиозной общины, другие — депутата региональной думы или авторитетного бизнесмена. Этот орган нам представляется не как постоянно действующий, а как периодически собирающийся на сессии, проведение которых возможно в разных регионах. Финансирование деятельности такого представительского органа осуществляется за счет региональных бюджетов.

В решении проблемы значительна роль и институтов местного самоуправления. Их эффективная деятельность по решению вопросов и проблем населения городов и территорий неизбежно приведет к росту авторитета муниципальных органов власти, что позволит в некоторой степени уравновесить ставшую опасной непропорциональность между растущим авторитетом региональных элит и неустойчивой легитимностью государственных институтов.

Таким образом, опасный, с точки зрения роста потенциала сепаратизма, авторитет и полномочия региональных лидеров будут

ограничены, но не за счет унитаризации и укрепления властной вертикали, а за счет ее уравнивающего демократического перераспределения в пользу народа и «опускания» части властных полномочий на уровень местных сообществ граждан.

Экономическое направление. В настоящее время необходимо проведение эффективной антикризисной политики, нацеленной на создание условий для дальнейшего стабильного развития российской экономики и нивелирование негативных социальных последствий экономического кризиса. В качестве императива этой политики мы рассматриваем поддержку малого и среднего предпринимательства. В связи со сказанным ранее следует подчеркнуть, что во всем мире именно малое предпринимательство является экономической опорой местного самоуправления. Это значит, что развитие малого предпринимательства — задача, имеющая свои политические аспекты, связанные с преодолением сепаратистских тенденций. Важно также, что человек или семья, владеющие предприятием малого бизнеса, теснейшим образом связаны с местным сообществом граждан. Успешность малого бизнеса напрямую зависит от степени стабильности социально-политической ситуации в регионе и на территории. Следовательно, связь с малым бизнесом делает человека противником любых действий, дестабилизирующих социально-политическую и экономическую обстановку, в том числе сепаратизма.

В сфере экономики необходимо также осуществлять государственную поддержку и стимулирование процессов межрегиональной экономической интеграции и кооперации. Это позволит ускорить процесс формирования макрорегионов, стимулирует развитие межрегиональных договорных отношений. Кроме того, региональная кооперация будет способствовать снятию социально-экономического напряжения по линии центр — регионы. Если во всем мире регионализация является естественным ответом на глобализацию, то для России регионализация может стать средством экономической защиты от негативных последствий централизации и унитаризации.

Социокультурное направление. Развитие негативных тенденций в этнополитической сфере: рост этнического самосознания большинства народов и повышение в его структуре «удельного веса» этнических предрассудков, стереотипов, этнофобий, негативной исторической памяти и т.д., которые являются мощным фактором дестабилизации этнополитической обстановки и эффективным «удобрением» для развития ростков этносепаратизма, предполага-

ет необходимость реализации ряда мер, ориентированных на решение следующей задачи:

— *отказа от поиска национальной идеи на основе русского национализма. На наш взгляд, русскоориентированная национальная идеология является одним из ключевых факторов сохранения и усиления межэтнической подозрительности в России. Русский национализм стоит в одном ряду с другими столь же опасными предрассудками — антизападничеством, антисемитизмом, антиисламом и др. Однако его сегодня зачастую отстаивают не только члены экстремистских организаций, но и представители государственной политической элиты, поэтому его деструктивный потенциал оказывается намного сильнее. Он усиливается и за счет того, что, обрамленный политической риторикой, русский национализм может мимикрировать под национальную идею и уже в таком виде находить понимание и одобрение в широких кругах населения, утративших способность отличить национальную идею от русского шовинизма.*

Необходимо не только отказаться от любой национально ориентированной идеологической парадигмы, но и, ориентируясь на норму Конституции, согласно которой в России нет и не может быть единой идеологии, проводить в жизнь политику формирования гражданской нации — *civic nation*. Гражданская нация с ее ценностями толерантности и культурного плюрализма — это принципиально незавершенный социально-политический и культурный проект, требующий сознательных целенаправленных усилий для своего формирования и воспроизводства, т.е. поддержка развития национально-культурных автономий и всех без исключения национальных языков и культур в Российской Федерации; поддержка развития межэтнического и межконфессионального сотрудничества в сфере науки, культуры, спорта, благотворительности и т.д. Взаимная подозрительность представителей разных этносов и конфессий, часто усиливаемая негативной исторической памятью о межэтнических и межконфессиональных конфликтах и обостряемая экстремистской риторикой, нивелируется и трансформируется в отношения сотрудничества и взаимопомощи при развитии связей в области культуры. Чем активнее будет развиваться взаимодействие, тем меньший объем в этническом сознании будут занимать стереотипы и фобии и тем больший — толерантность. Такого рода взаимодействие сужает потенциальную сферу деструктивного влияния этнополитических сепаратистских антрепренеров.

Полагаем, что реинтеграция Чечни и Татарстана в политико-правовое, экономическое и социокультурное пространство России должно осуществляться по тем же направлениям и на тех же основаниях. Опыт последних лет показал, что политика «исключительного отношения» к Чечне и Татарстану стала только подпиткой сепаратистских амбиций местной элиты. Исключительный характер политики связан лишь с тем, что она должна проводиться максимально открыто и гласно, с опорой на общественное одобрение, причем не только со стороны населения региона, но и со стороны всей российской нации. Гласность и открытость лишат сепаратистские элиты практически всех инструментов манипулирования общественными настроениями. Стратегия всенационального примирения должна осуществляться неспешно и поступательно, с привлечением всех настроенных на поиск согласия сторон чеченской, татарской и российской политики.

Таким образом, российская государственность пребывает сегодня в недостаточно стабильном состоянии. Поэтому перед органами государственной власти и управления стоит задача выбора стратегий стабилизации российской государственности и нейтрализации потенциала сепаратизма. Одной из возможных стратегий является дальнейшее укрепление вертикали государственной власти, унитаризация государства, усиление принудительных рычагов властвования, формирование новоимперской идеологии, основанной на русском национализме, православных ценностях, усиление авторитарной легитимности государственных лидеров. Как справедливо замечает политолог профессор А.И. Панов, «борьба за власть зачастую ведется против другой власти не до полного уничтожения конкурента, а до уровня достижения договоренности о сферах и степени влияния в определенной области. Уничтожить конкурента власть не только не может, но и не хочет, т. к. суть власти в борьбе, а борьба — условие жизни самой власти. Субъект власти не может уничтожить объект власти, т. к. сама власть является и субъектом, и объектом другой более сильной власти»¹.

Нами предлагается другой путь — «смягчение» федерации, формирование мультикультурной полиэтнической гражданской нации и становление конституционной федерации, взаимоотношения

¹ Панов А.И. Взаимоотношения властей в современной России (Набросок анализа). М.: Эйдос, 2011. С. 10.

субъектов которой формируются в процессе согласования интересов и строятся на основе взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах.

Инструментарием нейтрализации сепаратистских угроз может служить метод конституционной медиации, который сегодня применяется лишь в правовой сфере, но, по нашему мнению, имеет принципиальное значение и для укрепления общенационального единства страны.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» трактует понятие процедуры медиации следующим образом: «Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

Мы полагаем, что реализация указанного закона в сфере нейтрализации сепаратистских угроз может привести к уменьшению количества рассматриваемых политических процессов по территориальному отделению и выделению отдельных регионов, вытеснению неправомерных способов разрешения этнополитических конфликтов.

Необходимо отметить, что процедура федеративной медиации наиболее применима в случаях, когда:

1. Главными являются не политико-правовые претензии, связанные с прошлым, а будущие интересы партнеров по конфликту и возможность сохранения нормальных отношений в перспективе.

2. Речь идет о длительных, значимых территориальных отношениях.

3. На ситуацию оказывают сильное влияние этнические, культурные, идеологические отношения и эмоциональная сторона сепаратизма.

4. Имеют место сложные случаи, которые не могут быть разрешены в интересах обеих сторон.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что федеративная медиация имеет определенные преимущества, а именно:

1. Процедура медиации не формализована.

2. Стороны в любое время могут вернуться к обсуждению любого вопроса, пока не будет найдено решение, а также продолжить или прекратить медиацию.

3. Процедура медиации начинается только тогда, когда обе стороны выразили согласие на урегулирование конфликта с помощью посредника.

4. В процессе переговоров стороны сами вырабатывают взаимоприемлемое и взаимовыгодное решение, которое полностью удовлетворяет их потребности и интересы.

5. В процессе переговоров стороны решают не проблемы прошлого, а проблемы будущих взаимоотношений, в том числе и территориальных.

6. Медиация не нацелена на выяснение того, кто прав, а кто виноват в споре. Медиация нацелена на урегулирование территориального конфликта.

7. Медиация позволяет экономить время, силы и средства при урегулировании конфликта.

8. Условия медиативного соглашения могут выходить за рамки правовых позиций сторон, если эти условия соответствуют интересам сторон и необходимы для урегулирования территориальных разногласий.

Конституционная медиация в сфере федерализма — это особый политический институт в урегулировании сепаратистских угроз в федеративной России, который позволяет балансировать региональные интересы и интересы Центра с оптимизацией федеративной системы страны. Применение медиативных технологий позитивным образом скажется и на укреплении национального ядра постсоветских государств, которые в условиях национального «пердела» территорий, оказались «заложниками» и мотиваторами актуализации сепаратистских настроений в обществе.

Заключение

Сепаратизм представляет собой политическое движение, целью которого является отделение от государства части его территории и создание на ней собственного независимого государства или предоставление части страны широкой автономии. В своем содержании современный сепаратизм, особенно этнический, тесно связан с экстремизмом и терроризмом. Сепаратистские проявления почти всегда сопровождаются усилением экстремизма и террористической активности наиболее агрессивных сторонников этнонезависимости.

Сепаратизм, как правило, обостряется в периоды политической и социально-экономической нестабильности, сопровождающейся социально-политической дифференциацией граждан, ожесточенной борьбой за власть, растущей преступностью. Его возникновение провоцирует также низкая эффективность работы государственно-го аппарата, государственной власти в целом, правоохранительных органов, отсутствие надежных механизмов правовой защиты населения. Все это, в конечном счете, ведет к нарастанию попыток разрешения возникающих противоречий и конфликтов силовым путем со стороны оппозиционно настроенных к власти политических этнических общностей и порождает стремление к отделению от страны в самостоятельное государство.

Важную роль в возникновении сепаратизма играют политические причины: борьба за власть между различными этническими группами на местном, региональном и государственном уровнях; борьба этноса за свой политический статус в рамках единого государства; борьба за полную политическую независимость. В числе экономических причин — хозяйственная отсталость многонациональных государственных образований и, соответственно, низ-

кий уровень жизни национальных и религиозных меньшинств по сравнению с коренными нациями и народностями. Неравномерное размещение населения в различных регионах мира и многонациональных государствах также может быть причиной сепаратизма.

Как показывает постсоветский опыт, политический сепаратизм предполагает наличие какой-либо идеологии, теоретического обоснования применения насилия, хотя аргументация основана нередко лишь на эмоциональных, а не рационалистических представлениях об окружающем мире. В отличие от сепаратизма, экстремизм в большинстве случаев выступает как система действий, опирающихся, как правило, на национальную политическую сепаратистскую идеологию. Вместе с тем политический сепаратизм не ограничивается лишь выдвиганием каких-либо теоретических концепций. Он подразумевает и определенные действия, часто принудительные, направленные на достижение выдвинутых целей. В этом случае политический сепаратизм связан с экстремизмом, который в данной связи представляет форму реализации сепаратизма, его наиболее яркое и действенное проявление в социально-политической жизни общества. В такой же взаимосвязи с сепаратизмом можно рассматривать и терроризм.

Для анализа проблемы политического сепаратизма необходимо учитывать, прежде всего, мировые тенденции, такие как глобализация, капитализация, распространение либерально-демократической модели общества, усиление этнического фактора в мировом развитии современного общества и формирование нового мирового порядка и др.

Представляя собой объективную тенденцию, в современной ее форме, глобализация проявляется противоречиво. Выступая определенной тенденцией прогресса человечества, в то же время глобализация ослабляет внутренние структуры суверенных государств. Государства теряют свою национальную идентичность и значительную долю контроля над своей собственной территорией. Глобализация также позволяет трансформировать базовую национальную и этническую культуру. В этом отношении она ведет к нерешенности возникающих современных проблем, таких как разрыв в уровне социально-экономического развития между развитыми и развивающимися странами, разрыв между богатыми и бедными — все это является важным фактором, порождающим как политический сепара-

тизм, так и экстремизм, этнические конфликты, терроризм и другие негативные для человечества явления.

Распространение в процессе глобализации и формирования нового мирового порядка либерально-демократической модели общества также проявляется противоречиво. Это порождает этнические конфликты, оказывает огромное влияние не только на формы мировых политических процессов и их направление, но и на усиление политического сепаратизма. Сам мировой процесс в конце XX в.: распад СССР, создание новых независимых государств СНГ и на Балканском полуострове, ситуация в Косово и на Украине — становятся примерами для сепаратистских движений и стремлений к осуществлению целей определенных политических сил к образованию независимых государств. В этих процессах этнические конфликты часто являются следствием объективных процессов столкновения интересов, дележа территорий и отстаивания более высокого своего статуса этническими группами. Современные этнические и этнополитические конфликты имеют более мощный деструктивный потенциал для нарушения мирных и демократических отношений в мировом сообществе.

В обществе должен быть создан климат неприятия сепаратизма. Факты, дискредитирующие лидеров соответствующих течений, должны предаваться огласке и становиться предметом общественного обсуждения. Вместе с тем важно не допускать превращения последнего в средство косвенной «раскрутки» активистов, не имеющих сколько-нибудь существенных известности и влияния.

Противодействие сепаратизму должно быть поставлено на научную основу. Необходимы исследовательские программы по изучению исторических корней, причин, закономерностей, тенденций развития и конкретных проявлений этого явления. Запуск таких программ — часть ответственности власти перед обществом. Под патронажем органов власти должны осуществляться и социальные целевые программы.

Особое внимание должно уделяться профилактике, заблаговременному выявлению «болевых точек». Эффективное решение проблем регионов и ликвидация несправедливостей в межрегиональных и межэтнических отношениях способны выбить из-под ног сепаратистов почву, на которой они паразитируют. Реализация совокупной воли власти и общества обеспечит синергетический эффект, в результате которого будет создан механизм профилактики

сепаратизма и социокультурный климат неприятия экстремистских подходов.

Усиление гуманитарно-технологического оснащения современного сепаратизма требует эффективного ответа. Работа по обеспечению целостности государства должна носить системный, научно обоснованный характер, а не опираться исключительно на «жесткую силу». Использование шаблонных репрессивных методов способно «загнать» представителей власти в ловушку. Грамотный ответ подрывным силам должен быть основан на концепции «умной силы», сочетающей политические меры воздействия на сепаратистов, обладающих силовым, административным и (или) финансовым ресурсами, с «мягкими», но эффективными гуманитарными технологиями. В частности, целесообразно проведение научных конференций, мастер-классов, создание произведений искусства (например, кинофильмов), развитие академической мобильности. Особое значение приобретает научное изучение как сепаратизма, так и целостности государства, на которую тот покушается.

Научное издание

Беляев Максим Анатольевич

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕПАРАТИСТСКИХ УГРОЗ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Верстка Бурмистровой А.Г.

Техническое редактирование: Бочарова Т.Е.

Сдано в набор 10.09.2014. Подписано в печать 28.10.2014. Формат 60 × 84/16.

Бумага офсетная. Печать ризографическая. Усл. печ. л. 8,13. Уч.-изд. л. 9,01.

Тираж 300 экз. Заказ 124.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)

Образовательного учреждения профсоюзов

высшего профессионального образования

«Академия труда и социальных отношений»

450054, г. Уфа, просп. Октября, 74/2. Тел. (347) 248-43-01

Отпечатано в ИП Абдуллина

450059, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21